ПЬЕР-ЖОЗЕФ ПРУДОН

СИСТЕМА ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ, ИЛИ ФИЛОСОФИЯ НИЩЕТЫ

Том 1

FOLIO

Пьер Жозеф Прудон
Система экономических противоречий, или Философия нищеты. Том 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65764977
Система экономических противоречий, или Философия нищеты. Том 1:
Фолио; Харьков; 2021
ISBN 978-966-03-9574-9

Аннотация

В состав первого тома сочинения выдающегося французского философа и экономиста социалистической направленности Пьера-Жозефа Прудона вошли восемь глав размышлений о сути противоречий между трудом и капиталом. Вышедший в 1846 г. труд Прудона подвергся резкой критике и одновременно послужил стимулом к написанию как совместно составленного К. Марксом и Ф. Энгельсом «Манифеста коммунистической партии», так и «Капитала» К. Маркса. Впервые на русском.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Пьер-Жозеф Прудон (1809–1865 гг.) 5
Прудон как предтеча, или Формула общественного счастья 9
Том 1 163
Пролог 163
Глава I. Об экономической науке 229
§ I. Противостояние факта и права в экономике обществ 229
Конец ознакомительного фрагмента. 246

Пьер-Жозеф Прудон Система экономических противоречий, или Философия нищеты. Том 1

© А. А. Антонов-Овсеенко, перевод, комментарий, 2021
© Е. А. Гугалова-Мешкова, художественное оформление, 2021

* * *

Пьер-Жозеф Прудон
(1809–1865 гг.)

Родился 15 января 1809 г. в предместье французского Безансона в семье крестьянина, переквалифицировавшегося в рабочего пивоваренного завода. Потеряв работу, отец организовал бочарное производство, которое закрылось за недостатком средств, и семья попала в тиски нищеты. Подобные перипетии с раннего детства влияли на формирование мировоззрения Прудона, родителям которого, тем не менее, удалось отправить его, по достижении 12-летнего возраста, в Безансонский колледж. Но и здесь недостаток средств вынуждает Прудона оставить учебу и определиться на работу в местную типографию. С 1831 г. Прудон в качестве наборщика много путешествует по Франции, затем возвращается в родной Безансон, где становится соучредителем новой типографии, самостоятельно изучает греческий и иврит, издает свое первое сочинение – Essai de grammaire générale (Опыт всеобщей грамматики). В 1838 г. Прудон получает стипендию Безансонской академии, которую присуждали малообеспеченным молодым ученым: на средства стипендии Прудон переезжает в Париж, где погружается в изучение К. Сен-Симона, Ш. Фурье, Ж.Б. Сэя, С. Сисмонди, Т. Мальтуса. По окончании стипендии Прудон работает секретарем в суде, приказчиком торгового дома, продолжает изучать труды прошлого, ведет собственные изыскания. Прудон считает, что причина бедности заключается в противоречиях экономического строя; в качестве инструмента для разрешения этих противоречий он формулирует концепцию на-

турального обмена, которую реализует на практике в проекте Banque d'echange (Банка обмена), более известного как Banque du peuple (Народный банк). Стараниями Прудона количество акционеров банка превысило 12 000 человек, размер капитала достиг 36 000 франков. Однако после того, как Прудон в 1849 г. публикует в своей газете Le Peuple (Народ) статью Le Président de la Republique est responsible (Президент Республики ответственен) с жесткой критикой действующей власти, его приговаривают к трехлетнему заключению и штрафу, в результате чего Прудон прекращает банковские занятия. До того на волне революции 1848 г. Прудона избирают депутатом Национального собрания, где он выступает с проектом выдачи беспроцентных кредитов для народа за счет повышения налогов (проект не был принят). В 1858 г. за издание книги De la justice dans la Révolution et dans l'Eglise (О справедливости в революции и в церкви) его осуждают на новый трехлетний срок, но Прудон успевает эмигрировать в Бельгию, откуда после амнистии в 1863 г. возвращается на родину, в Париж, где умирает в 1865 г.

Наиболее спорной из теорий Прудона считается Теория разделения труда, в описании которой он фактически пропагандирует возврат к системе организации труда, существовавшей до начала эпохи его разделения; в описании Теории народонаселения указывает на собственность как причину нищеты; в Теории конституированной (синтетической) стоимости предлагает в процессе купли-продажи исходить не из

мнения покупателя и продавца (спроса и предложения), а из заранее подсчитанных трудозатрат и времени на производство продукта. Выдвинул еще целый ряд теорий и идей; считается одним из основателей идеологии анархизма, от возможности реализации которого отрекся незадолго до смерти.

Прудон как предтеча, или Формула общественного счастья

А. А. Антонов-Овсеенко

Комментарий к 1-му тому русскоязычного перевода сочинения Пьера-Жозефа Прудона «Система экономических противоречий, или Философия нищеты»

Настоящий русскоязычный перевод «Философии нищеты» состоялся впервые после того, как в 1846 г. она была издана в Париже на родном для Прудона французском языке. С тех пор работа получила самое широкое хождение в мире: неизвестным ее содержание оставалось лишь в русскоязычном пространстве.

Но кто такой Прудон, и почему мы должны сегодня вчитываться в написанное им почти двести лет назад? Пьер-Жозеф Прудон, как об этом известно из биографии, прославился работами о собственности, формулированием теорий разделения труда, народонаселения и синтетической (социальной) стоимости, концепции натурального обмена, реализованной в получившем широкую известность Народном банке. Он также обрел популярность как публицист и издатель, считается, среди прочего, одним из основателей идеологии анархизма. Но, разумеется, одного перечисления заслуг и выдви-

нутых идей будет недостаточно для того, чтобы все-таки понять, для чего погружаться в чтение того, что было актуально две сотни лет назад. Однако в том-то и дело, что написанное Прудоном тогда и в особенности последовавшая со всех сторон реакция на его труды оказали прямое, неопосредованное воздействие на то, что происходит теперь. Можно сколько угодно ругать мировоззрение Прудона, присущий ему специфический стиль изложения, – как этим, например, занимались в течение длительного времени Карл Маркс и Фридрих Энгельс, – но отказать ему в остающейся по сей день актуальности невозможно.

Первый шаг к наработке своего авторитета как экономиста и философа Прудон сделал в вышедшем в 1840 г. произведении «Что такое собственность?», когда ввел в широкий политический оборот определение собственности как кражи[1]. «Этот неожиданный выпад произвел на французов ошеломляющее впечатление, – напишет в 1848 г. по просьбе Маркса в статье «Прудон» для Neue Rheinische Zeitung Фридрих Энгельс. – Правительство Луи-Филиппа, суровый Гизо, которому чуждо было чувство юмора, оказалось достаточно ограниченным, чтобы посадить Прудона на скамью подсудимых. Но напрасно. Можно было рассчитывать, что за такой пикантный парадокс он получит оправдание от любого французского суда. Правительство осрамилось, и Прудон

---

[1] Прудон П.-Ж. Что такое собственность? / Пер. Ф. Капелюша. – Лейпциг; Санкт-Петербург: Мысль, 1907. – 253 с. – С. 9.

стал знаменитым человеком»[2].

Уже тогда неординарностью взглядов и специфическим стилем изложения Прудон заставил содрогнуться не только правительство и праздно интересующуюся публику, но и ученый свет. Обращаясь в упомянутой брошюре к вопросу о собственности, он поначалу отвлекает читателя, задаваясь рассуждением на постороннюю тему – о рабстве, рассчитывая на поддержку тезиса о том, что «отымать[3] у человека его мысль, его волю, его личность, значит распоряжаться над его жизнью и смертью: обращать человека в рабство, значит убивать его»[4]. Но «почему же мне не ответить и на другой вопрос: *Что такое собственность?* точно так же: *Собственность – воровство*», – продолжает свою мысль о рабстве Прудон, как бы вынуждая читателя во втором случае, как и в первом, присоединиться к своему мнению. Тем не менее далеко не все автоматически, как на это рассчитывал Прудон, согласились тогда (равно как не соглашаются и теперь) с этим определением собственности. Во-первых, против подобной трактовки понятия собственности категорически возразили члены Безансонской академии – чьим стипендиатом числился и на чьи средства Прудон, как оказа-

---

[2] Энгельс Ф. Прудон. В книге: Маркс К. Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г. Прудона. – М.: ОГИЗ; Госполитиздат, 1941. – 184 с. – С. 163.

[3] Лексика по оригиналу. – *А.А. А-О.*

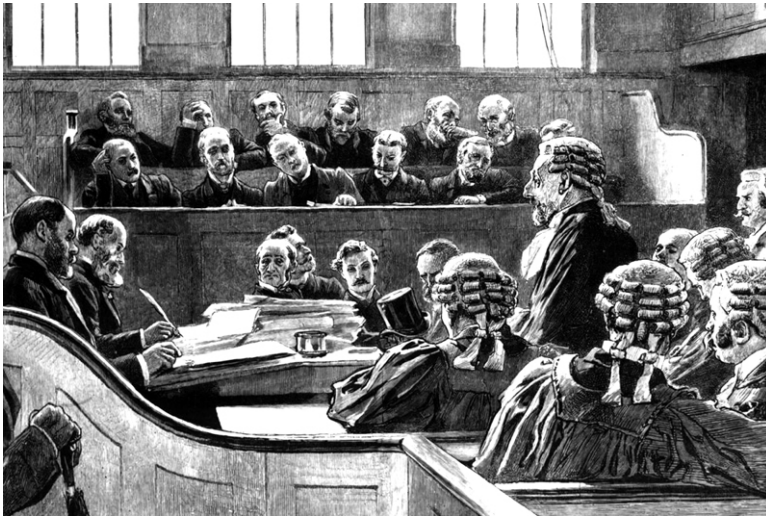
[4] Прудон П.Ж. Что такое собственность? / Пер. Ф. Капелюша. – Лейпциг; Санкт-Петербург: Мысль, 1907. – 253 с. – С. 9.

лось, не только издал нашумевшую брошюру, но даже осмелился посвятить ее Академии. Во втором издании брошюры Прудон опубликовал это возражение, которое содержит сообщение об удовлетворении следующих требований одного из академиков: «1) Чтобы Академия самым формальным образом отвергла и отказалась от произведения стипендиата имени Сюар [каковым и являлся Прудон. – *А.А.А-О.*], так как оно было обнародовано без согласия Академии и приписывает ей взгляды, совершенно противоположные взглядам каждого из ее членов. / 2) Внушить стипендиату, на случай если книга эта выйдет вторым изданием, опустить посвящение. / 3) Поместить постановление Академии на этот счет в ее печатных протоколах»[5]. Прудона этот гнев академиков лишь подзадорил, и во втором издании брошюры он сопроводил это их протокольное заявление язвительными замечаниями, вроде характеристики самого протокола как «крикливого» и просьбы к читателям «не судить об уме моих соотечественников по нашей Академии»[6].

---

[5] Прудон П.-Ж. Что такое собственность? / Пер. Ф. Капелюша. – Лейпциг; Санкт-Петербург: Мысль, 1907. – 253 с. – С. 4–5.

[6] Там же, с. 5.



«Правительство Луи-Филиппа, суровый Гизо, которому чуждо было чувство юмора, оказалось достаточно ограниченным, чтобы посадить Прудона на скамью подсудимых… Правительство осрамилось, и Прудон стал знаменитым человеком».

Фридрих Энгельс (1820—1895 гг.) – для Neue Rheinische Zeitung, 1848 г.

Даже экономист Жером-Адольф Бланки́, к мнению которого Прудон апеллирует и чье письмо в свой адрес в качестве ответа на отповедь Академии он также публикует в предисловии ко второму изданию, попросил Прудона не смешивать его имя с таким категорическим суждением по

поводу собственности. При этом Бланки́ нам важен здесь настолько, насколько довольно часто Прудон обращается к нему и в «Философии нищеты», но еще и потому, что работа Прудона «Что такое собственность?» состоит из двух частей, названных им «мемуарами», и второй мемуар посвящен собственно Бланки́ и назван: «Письмо к Бланки́ о собственности» (первый мемуар работы называется «Исследование принципа права и правительства»). «Спешу выразить Вам свою благодарность за любезно пересланный мне второй мемуар Ваш о собственности, – пишет в ответном письме к Прудону Бланки́. – Я прочел его со всем интересом, естественно внушенным мне знакомством с первым мемуаром. Я очень рад, что Вы изменили несколько резкость изложения, которая придавала этому столь важному произведению аллюры и вид памфлета; ведь Вы, милостивый государь, вызвали во мне серьезные опасения, и понадобилось не более, не менее, как Ваш талант, чтобы успокоить меня относительно ваших намерений. Человек не расходует столько действительных знаний, чтобы зажечь пожар в своей стране. Этот колючий тезис: *«Собственность есть воровство»* в состоянии был бы оттолкнуть от Вашей книги даже серьезные умы, которые не судят по ярлычку, если бы Вы настаивали на нем в его дикой примитивности. Вы смягчили форму, но не изменили своей доктрине; и хотя Вы сделали мне честь и выставили меня соучастником Вашего грозного пророчества, я не могу принять этой солидарности, которая бесспор-

но почетна для моего таланта, но компрометирует меня во всем остальном»[7].

Как ничто другое, кажется, в этом абзаце из обращения Бланки́ к Прудону характеризует и труды, и саму личность этого человека: Прудон был настолько провокационен по форме и смелым по содержанию для своего времени, насколько остается таким же в восприятии современников. Многие как тогда, так и в нынешние времена согласятся с Бланки́ в том, что «у нас слишком часто злоупотребляют всякого рода собственностью [речь о Франции первой половины XIX в., но не относится ли то же самое по-прежнему и к любой другой стране в первой половине XXI в.? – *А.А. А-О.*]. Но из злоупотреблений я не заключаю о необходимости (ее) полной отмены – героическое средство, очень подобное смерти, которая тоже избавляет от всех болезней. Я пойду еще дальше: скажу Вам, что злоупотребления собственностью кажутся мне самыми недостойными злоупотреблениями; но, повторяю, можно найти средства против них, не прибегая к нарушению, а тем паче к уничтожению собственности. Если наши законы плохо регулируют пользование собственностью, то можно ведь их переделать. Наше гражданское уложение не Коран; мы не преминули доказать это. Итак, измените законы, но избегайте анафем»[8].

---

[7] Прудон П.-Ж. Что такое собственность? / Пер. Ф. Капелюша. – Лейпциг; Санкт-Петербург: Мысль, 1907. – 253 с. – С. 5.

[8] Там же. С. 5–6.

Злоупотребления собственностью кажутся самыми недостойными злоупотреблениями; но можно найти средства против них, не прибегая к уничтожению собственности. Если законы плохо регулируют пользование собственностью, то можно их переделать

Несмотря на очевидно скандальный – исходя из приведенного выше, характер авторитета, которым начал пользовался Прудон после выхода сочинения «Что такое собственность?», и даже невзирая на то, что само определение собственности как воровства он позаимствовал у одного из деятелей Великой французской революции Жака-Пьера Бриссó[9], широким распространением этого определения человечество обязано именно Прудону. Кроме того, представляется несомненным, что это определение заставило тогда и заставляет по сей день задуматься и серьезных экономистов и философов, и всех, кто так или иначе сознательно участвует в созидании мира, над вопросом о том, что такое, в самом деле, собственность – откуда она берется, и насколько справедливо, что то или это принадлежит тому или этому, а не наоборот. Жгучести вопросу придает и тот факт, что

---

[9] Бриссó дал это определение в самом названии своего сочинения, написанного в год Великой французской революции – 1789 г., La propriete c'est le vol, *фр.* – Собственность это воровство (кража). Это становится известным, в частности, из текста письма Маркса редактору берлинского Social-Demokrat И.Б. Швейцеру, направленному для публикации по случаю смерти Прудона. – См.: Маркс К. Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г. Прудона. О Прудоне (Письмо К. Маркса Швейцеру). – М.: ОГИЗ; Госполитиздат, 1941. – 184 с. – С. 169.

со времен Прудона введенное им в оборот определение собственности никто из экономистов так и не отважился всерьез оспорить; все они, относившие ли себя к сторонникам рыночных отношений, или плановой экономики, с самого начала и по сей день просто делают вид, что подобного определения – о собственности как краже не существует, или что оно не соответствует действительности.

Со времен Прудона введенное им в оборот определение собственности никто из экономистов так и не отваживался оспорить; все они, относившие ли себя к сторонникам рыночных отношений, или плановой экономики, с самого начала и по сей день просто делают вид, что подобного определения не существует

Экономист Жером-Адольф Бланки (1798—1854 гг.) попросил Прудона не смешивать его имя с категорическим суждением о том, что собственность – это кража.

Включая, между прочим, Маркса и Энгельса, которые, фактически одобряя и разделяя такую позицию в отношении собственности, озаботились, тем не менее, подготовкой расширенных возражений Прудону – правда, не поводу его труда о собственности, а именно по поводу «Философии нищеты», которую мы здесь и имеем честь представлять. И это чрезвычайно веская причина для того, чтобы пристально изучить написанное Прудоном почти двести лет назад: дело в том, что именно Прудон в своей «Философии нищеты» напрямую спровоцировал то, что в скором времени после ее издания напишут в своем знаменитом «Манифесте коммунистической партии» Маркс и Энгельс о бродящем по Европе призраке коммунизма; «Философии нищеты» Маркс обязан и своим «Капиталом». Далее мы это продемонстрируем на примерах, а пока подтвердить сказанное поможет нижеследующая цитата из предисловия Энгельса к произведению Маркса под названием «Нищета философии. Ответ на “Философию нищеты г. Прудона”»: «Настоящее произведение было написано зимою 1846–1848 гг., когда Маркс окончательно выработал основные принципы своих новых исторических и экономических воззрений. Незадолго до того появившаяся «Système des Contradictions économiques ou

Philosophie de la misère» Прудона дала ему повод развить эти основные принципы и противопоставить их взглядам человека, которому предстояло занять с этого времени самое видное место среди французских социалистов той эпохи. С того времени, когда оба они в Париже часто проводили целые ночи в спорах по экономическим вопросам, пути их расходились все больше и больше»[10]. И как бы ни старался Энгельс обратить внимание читателя на расхождения во взглядах Прудона и Маркса, которые в дальнейшем он охарактеризовал как «пропасть», очевидно одно: Прудон, как это ясно из слов Энгельса, оказал непосредственное воздействие на формирование теории Маркса.

Теоретические выкладки Прудона оказали также мощное воздействие и на формирование государственных идеологий и практик последующих эпох. Достаточно упомянуть, что в Конституции СССР от 1936 г., а затем и в ее редакции от 1977 г. был с почетом зафиксирован главный принцип социализма, который хотя и так же, как в случае с Бриссó, был сформулирован ранее Сен-Симоном, но широкое распространение получил именно с подачи Прудона: «От каждого – по способностям, каждому – по труду». Другое дело, что принципу этому так и не суждено было до конца осуществиться на практике: о причинах этого и о том, как именно Прудон сформулировал его в своей «Философии нищеты»,

---

[10] Маркс К. Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г. Прудона – М.: ОГИЗ; Госполитиздат, 1941. – 184 с. – С. 5.

мы также в подробностях расскажем далее.

В Конституции СССР от 1936 г., а затем и в редакции 1977 г. был с почетом зафиксирован главный принцип социализма, который хотя и так же, как в случае с Бриссó, был сформулирован ранее Сен-Симоном, но широкое распространение получил именно с подачи Прудона: «От каждого – по способностям, каждому – по труду»

Кроме того, мы исходили из необходимости исправить историческую несправедливость, отмеченную в начале нашего комментария и допущенную в отношении трудов Прудона в русскоязычном пространстве: от момента, когда «Философия нищеты» впервые увидела свет в 1846 г. прошло около 180 лет, и все это время труд Прудона оставался не переведенным на русский язык. Теперь же мы с гордостью объявляем, что эта несправедливость исправлена.

Однако в чем именно заключалась эта несправедливость, – спросите вы, – только ли в том, что труд Прудона так долго не переводили на русский? Мало ли заслуживающих уважения произведений прошлого не переведены до сих пор… Нет, не в этом заключалась несправедливость, точнее, не только в этом. А в том, что упомянутая рецензия Маркса на этот труд под названием «Нищета философии, или Ответ на книгу г. Прудона» не только была с давних пор переведена и неоднократно издавалась на русском – в отличие от труда, по поводу которого была написана, – но и в том,

что критикой его содержания были заняты целые поколения русскоязычных «исследователей», которых ничуть не смущал тот факт, что их знакомство с «Философией нищеты» происходило исключительно со слов Маркса, опосредованно, путем простого переложения того, что с самого начала говорили о Прудоне Маркс и Энгельс, а затем и их видные последователи, в частности Ленин. «Еще Маркс, разоблачая “социализм” Прудона, доказал своей сокрушительной критикой прудонистских идей, что в теоретическом отношении Прудон не возвышался над уровнем буржуазного горизонта. Подобно буржуазным экономистам и идеологам, Прудон принимал товарное производство и обмен товаров за вечные и неизменные основы общества… Критикуя частную собственность как “кражу”, Прудон относил эту критику лишь к капиталистической крупной собственности… всячески отстаивал… мелкую частную собственность, воспевая ее как основу экономического прогресса», – напишет в 1955 г. известный советский историк Н.Е. Застенкер и продолжит цитатой из Ленина: «Не уничтожить капитализм и его основу – товарное производство, а *очистить* эту основу от злоупотреблений, от наростов и т. п.; не уничтожить обмен и меновую стоимость, а, наоборот, “конституировать” ее, сделать ее всеобщей, абсолютной, *“справедливой”*, лишенной колебаний, кризисов, злоупотреблений, – вот идея Прудона» [11], ко-

---

[11] Застенкер Н.Е. Об оценке Прудона и прудонизма в «Коммунистическом манифесте» – в сб. Из истории социально-политических идей. – М.: Изд-во АН

торая несмотря на налет утопичности не может не показаться привлекательной человеку в здравом рассудке – в противовес откровенно пугающему требованию Ленина «уничтожить товарное производство».

Исключительность происшедшего с «Философией нищеты» Прудона заключается также и в том, что рецензия Маркса на труд Прудона была написана – вы не поверите! – по просьбе самого Прудона, который до ее публикации находился с Марксом по крайней мере в приятельских отношениях, но именно после ее пуб- ликации эти отношения разладились. Это подтверждает Энгельс в своем предисловии к ответу Маркса на труд Прудона, цитату из которого мы выше привели. В этом предисловии Энгельс в развитие своей мысли о расхождениях во взглядах Маркса и Прудона также отмечает: «Сочинение Прудона доказало, что теперь уже между ними лежит непроходимая пропасть, игнорировать которую тогда стало невозможно, и Маркс в этом своем ответе констатировал окончательный разрыв» [12].

СССР, 1955. – 752 с. – С. 491–492.

[12] Маркс К. Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г. Прудона. – М.: ОГИЗ; Госполитиздат, 1941. – 184 с. – С. 5.

J. P. BRISSOT,

Né le 14 Janvier 1754.

Député du Dép.t de Paris

à la 1.ere Législature.

Первым определение собственности как воровства дал деятель Великой французской революции Жак-Пьер Бриссо. Но широким хождением этого определения человечество обязано именно Прудону.

Подпись под гравюрой: Ж.-П. Бриссо. Род. 14 января 1754 г., депутат Департамента Парижа, 3-й год Свободы.

Такую динамику своих отношений с Прудоном – от дружеских к их полному разрыву после публикации ответа на «Философию нищеты» – подтверждает в 1865 г. и Маркс в своем письме редактору берлинского Social-Demokrat И.Б. Швейцеру, составленному по случаю смерти Прудона, в котором Маркс, в частности, сообщает: «Во время моего пребывания в Париже в 1844 г. у меня завязались личные отношения с Прудоном. Я потому упоминаю здесь об этом, что и на мне до известной степени лежит доля вины в его *"sophistication"*, как называют англичане фальсификацию товаров. Во время долгих споров, часто продолжавшихся всю ночь до утра, я заразил его, к большому вреду для него, гегельянством, которого он, однако, при незнании немецкого языка не мог как следует изучить. То, что я начал, продолжал после моей высылки из Парижа г-н *Карл Грюн*. В качестве преподавателя немецкой философии он имел передо мною еще то преимущество, что сам ничего в ней не понимал. / Незадолго до появления своего второго крупного произведения – *"Философия нищеты и т. д."* – Прудон сам изве-

стил меня о нем в очень подробном письме, в котором, между прочим, имеются следующие слова: *“J’attends votre férule critique” (Жду вашей строгой критики)*. Действительно, эта критика вскоре обрушилась на него (в моей книге *“Нищета философии и т. д.”, Париж, 1847*) в такой форме, что навсегда положила конец нашей дружбе»[13].

Теперь же мы гордимся тем, что имеем возможность, после вложенных усилий, предоставить судить о том, насколько Маркс был прав или не прав в своей оценке труда Прудона, самому читателю – а не только Марксу. При том, что автор перевода оставляет такое же, как у Маркса, право критики Прудона как за любым из читателей, так и за самим собой – и в том, что касается смыслов сказанного, а также стиля и особенностей лексики. И если говорить о специфике языка Прудона (далее мы к этой теме еще вернемся), то даже Маркс посчитал необходимым отметить его неоспоримые достоинства, хотя и сделал это не в отношении «Философии нищеты», а по адресу предшествующего сочинения о собственности. «В этом произведении Прудона, – комментирует Маркс работу «Что такое собственность?», – преобладает еще сильная мускулатура стиля. И стиль этот я считаю главным его достоинством. Видно, что даже там, где Прудон только воспроизводит старое, для него это самостоятельное

---

[13] Маркс К. Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г. Прудона. О Прудоне (Письмо К. Маркса Швейцеру). – М.: ОГИЗ; Госполитиздат, 1941. – 184 с. – С. 169.

открытие; то, что он говорит, для него самого было ново и расценивается им как новое. Вызывающая дерзость, с которой он посягает на “святая святых” политической экономии, остроумные парадоксы, с помощью которых он высмеивает пошлый буржуазный рассудок, уничтожающая критика, едкая ирония, проглядывающее тут и там глубокое и искреннее чувство возмущения мерзостью существующего, революционная убежденность – всеми этими качествами книга *“Что такое собственность?”* электризовала читателей и при первом своем появлении на свет произвела сильное впечатление»[14]. При этом упомянутая Марксом «мускулатура стиля», присущая сочинению о собственности, в значительной степени сохранилась и в «Философии нищеты» (мы это покажем в дальнейшем): странно, что Маркс этого не заметил. Сам ответ Маркса на «Философию нищеты» Прудона был опубликован впервые в 1847 г. – в грозовой атмосфере предстоявшей революции 1848 г., и с тех пор бережно переопубликовывался социалистами разных стран с настойчивостью, заслуживающей лучшего применения. Поэтому нам нет нужды пересказывать здесь его содержание – так же, как ранее не было необходимости пересказывать содержание работы «Что такое собственность?». Достаточно сказать, что объемная критика Марксом Прудона в этом ответе была уничто-

---

[14] Маркс К. Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г. Прудона. О Прудоне (Письмо К. Маркса Швейцеру). – М.: ОГИЗ; Госполитиздат, 1941. – 184 с. – С. 168.

жающей и даже уничижающей, как, впрочем, это было принято в то время и во все времена, предшествовавшие социальным потрясениям в Европе и в России начала XX в. (см. хотя бы на стилистику В.И. Ленина по адресу противников, которых он сам себе выбирал): две главы с восемью параграфами посвятил Маркс поэтапному, как ему представляется, разгрому положений Прудона. «К несчастью г-на Прудона его странным образом не понимают в Европе. Во Франции за ним признают право быть плохим экономистом, потому что там он слывет за хорошего немецкого философа. В Германии за ним, напротив, признается право быть плохим философом, потому что там он слывет за одного из сильнейших французских экономистов. Принадлежа одновременно к числу и немцев и экономистов, мы намерены протестовать против этой двойной ошибки»[15], – начинает с откровенных издевок в адрес Прудона это свое произведение Маркс (не отказывая и себе самому в использовании «мускулатуры стиля»), а оканчивает цитатой откровенно угрожающего характера из Жорж Санд: «Битва или смерть; кровавая борьба или небытие. Такова неумолимая постановка вопроса»[16].

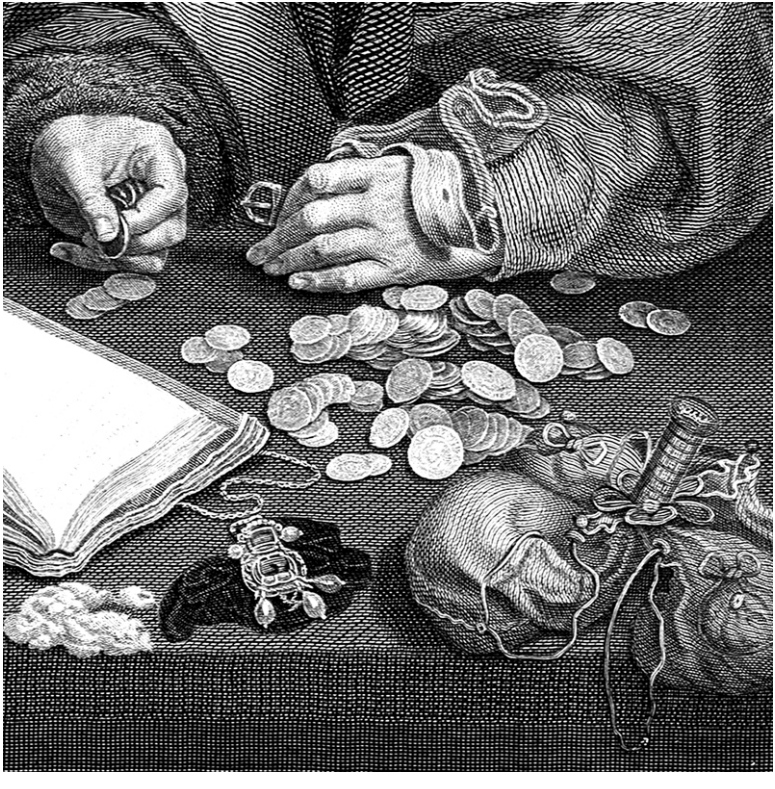
Прудон стал приблизительно в такое же отношение к Сен-Симону и Фурье, в каком стоял Фейербах к Гегелю. По сравнению с Гегелем Фейербах крайне беден.

---

[15] Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, тт. 1—39. Издание второе. – М.: Издательство политической литературы, 1955–1974 гг. – Т. 4. – 615 с. – С. 69.

[16] Там же – С. 185.

Однако *после* Гегеля он сделал эпоху



В Конституции СССР от 1936 г., а затем и в ее редакции от 1977 г. был с почетом зафиксирован главный принцип социализма, который так же, как в случае с определением собственности, широкое распространение получил именно с подачи Прудона: «От каждого – по способностям, каждому –

по труду»

Тем не менее главным, что следует отметить в отношении Маркса к Прудону в целом (а не только в отношении его отдельных сочинений), это то значение, которое он придавал роли Прудона в истории европейского социализма. «Его первое произведение *“Qu'est-ce que la Propriété?”* является безусловно самым лучшим его произведением, – сообщает Маркс в упомянутом письме редактору берлинской газеты Social-Demokrat И.Б. Швейцеру. – Оно составило эпоху если не новизной своего содержания, то хотя бы новой и дерзкой манерой говорить старое. В произведениях известных ему французских социалистов и коммунистов *“собственность”*, разумеется, не только была подвергнута разносторонней критике, но и утопически *“упразднена”*. Этой книгой Прудон стал приблизительно в такое же отношение к Сен-Симону и Фурье, в каком стоял Фейербах к Гегелю. По сравнению с Гегелем Фейербах крайне беден. Однако *после* Гегеля он сделал эпоху, так как выдвинул *на первый план* некоторые неприятные христианскому сознанию и важные для успехов критики пункты, которые Гегель оставил в мистическом clair-obscur [полумраке]»[17]. Так же и Прудон, согласимся в этом с Марксом, вывел на свет и обострил во-

---

[17] Маркс К. Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г. Прудона. О Прудоне (Письмо К. Маркса Швейцеру). – М.: ОГИЗ; Госполитиздат, 1941. – 184 с. – С. 167–168.

прос о собственности и многое другое из того, что оставили в предшествующем «полумраке» его предшественники.

* * *

А теперь перейдем к недостаткам этого сочинения Прудона, обнаруженным как с учетом критики Маркса, так и самостоятельно (для достоинств время и место найдется далее). Так, ранее мы обещали вернуться к вопросу о присущем Прудону специфическом характере изложения – к отмеченной Марксом «мускулатуре стиля». Действительно, в том, что касается «Философии нищеты», с которой мы здесь имеем дело, в этой книге Прудон местами так явно пытается опутать читателя длиннотами синонимических рядов, увлечь его красотами стиля, что подчас у него это превращается в самоцель. Чего стоит один только пример с растянувшейся на две страницы первого тома[18] фразой, в которой Прудон нещадно громит социалиста Луи Блана, перечисляя противоречия его экономических воззрений в сопровождении собственных язвительных комментариев. Прудон начинает эту фразу с противоречия, будто бы заключенного в самом названии книги Луи Блана «Организация труда», а заканчивает облеченным в самый едкий сарказм предложе-

---

[18] Proudhon P.J. Système des contradictions économiques, ou Philosophie de la misère. En 2 tt. T. I. Deuxième édition. – Paris, Garnier Frères. – 1850. – 400 p. – P. 270–271.

нием остановиться «на седьмом (противоречии), потому что иначе мы бы не закончили и на семьдесят седьмом»[19].

Филологу, кроме того, наверняка покажется сомнительным пристрастие Прудона к использованию силлепса – синтаксического оформления семантически неоднородных элементов в виде ряда однородных членов предложения. Некоторые авторы используют этот прием умышленно, с юмором, чтобы повеселить читателя; для демонстрации силлепса существуют даже специальные выражения, вроде имеющего широкое хождение в русском языке про «шел дождь и два студента». Именно такие «дождь» со «студентом» идут у Прудона в ходе его разъяснений тезисов Жан-Жака Руссó о недостатках общественного устройства, когда он говорит, что «Руссо… лишь в общей и безапелляционной манере заявил о том, что социалисты повторяют *в деталях* и *в каждый момент прогресса*, – знать, что общественный порядок несовершенен, и что чего-то в нем всегда не хватает»[20].

Прудон сваливает в кучу, перечисляя одно за другим в качестве синонимов, неоднородные понятия, чтобы, может быть, в очередной раз поразить читателя богатством лексики, но на самом деле приводит его в замешательство, – как в случае с объяснением последствий действия монополии, одним из которых, среди прочего, стала, согласно Прудону, «в политическом порядке классификация человечества

---

[19] Proudhon P.J. T. I. – P. 271.

[20] Proudhon P.J. T. I. – P. 346.

на *семьи, племена, города, нации, государства*»[21]: племена и нации здесь составляющие этнические, к политическим же скорее относятся понятия семей, городов и государств.

Таким же образом Прудон смешивает понятия, когда рассматривает в параграфе о налогах происходящее, с точки зрения распределения, «в четырех больших разделениях коллективного труда, *добычи, производства, торговли, сельского хозяйства*»[22]: здесь Прудон путает отрасли производства, такие как сельское хозяйство, с этапами производства, такими как добыча, и с самим производством.

Сомнительным выглядит использование Прудоном силлепса и там, где он приступает к доказательству отсутствия во вселенной высшего разума, или, как многие его привыкли называть, Бога. «Некоторые упорядоченные сами в себе сущности, такие как кристаллы, растения, планетная система, которые в ощущениях, которые они заставляют нас испытывать, не вызывают у нас, подобно животным, чувство ради чувства, кажутся нам совершенно лишенными сознания»[23], – заявляет Прудон, но, кажется, за исключением того, что кристаллы, растения и планетная система действительно лишены сознания, во всем остальном между ними нет ничего общего, и помещать их в ряду однородных членов предложения, как это делает Прудон, вряд ли целесообразно. За

---

[21] Proudhon P.J. T. I. – P. 245.

[22] Proudhon P.J. T. I. – P. 276.

[23] Proudhon P.J. T. I. – P. 357.

что следует хвалить Прудона в этом случае, так это за утверждение о том, что «оснований располагать разум в центре мира существует не больше, чем предполагать его на кончике спички; и может случиться так, что если разум, сознание, где-то и существует, то только в человеке»[24].

Оснований располагать разум в центре мира существует не больше, чем предполагать его на кончике спички; и может случиться так, что если разум, сознание, где-то и существует, то только в человеке

Однако вскоре Прудон нарушит это хорошее впечатление очередным применением силлепса, когда заявит о своем допущении, «что идея Бога является прообразом и основой принципа власти и произвола, который в нашей задаче – уничтожить или, по крайней мере, подчинить везде, где бы он ни проявлялся – в науке, в работе, в городе»[25].

В рассуждениях Прудона, к сожалению, можно обнаружить и содержательных противоречий не менее, нежели у тех экономистов и политических деятелей, на чьи воззрения он яростно нападает. Так, серьезные подозрения в противоречивости вызывают его рассуждения о товарах с вложенным трудом. «Любой продукт является репрезентативным признаком труда. / Любой товар можно, следовательно, обменять на другой, и повсеместная практика это доказывает, – сообщает Прудон. – Но исключите труд: у вас останутся толь-

---

[24] Proudhon P.J. T. I. – P. 357.

[25] Proudhon P.J. T. I. – P. 389.

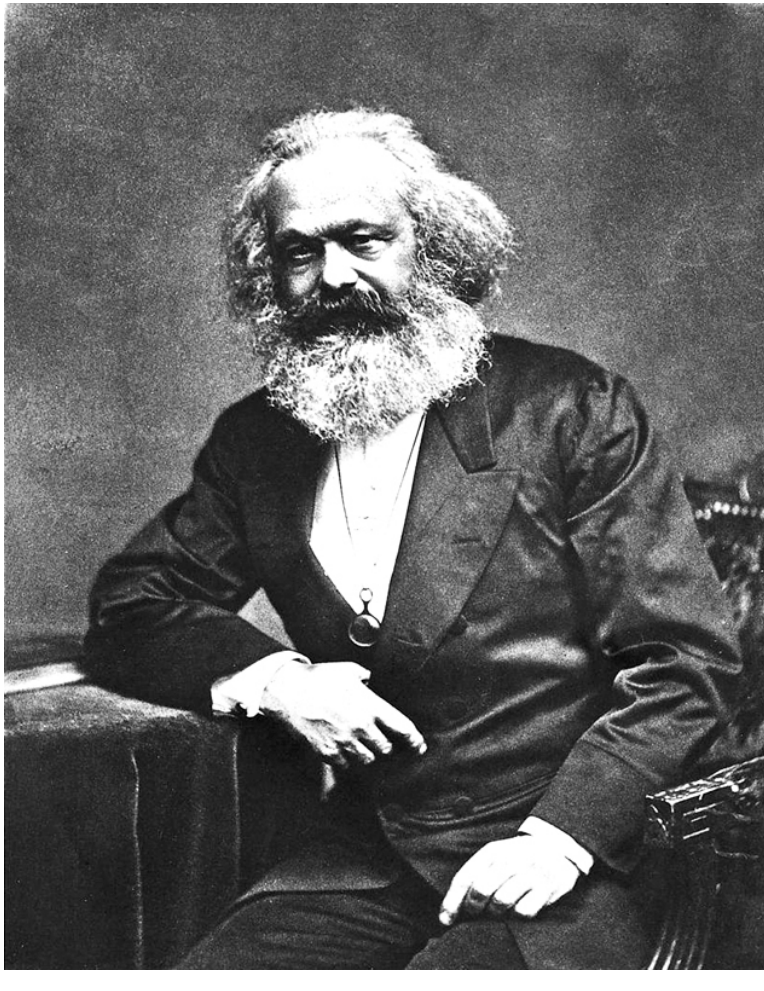
ко более или менее крупные утилиты, которые, не будучи носителями ни какого-либо экономического характера, ни какого-либо человеческого признака, несоизмеримы друг с другом, то есть, логически, не способны к обмену»[26], – продолжает он и тут, кажется, впадает в заблуждение, потому что, как мы знаем, товарный обмен существовал уже в эпоху собирательства, и в нем участвовали исключительно «изделия» самой природы, труд человека в них отсутствовал, за исключением таких трудозатрат, которые требовались на поиск утилитов – товаров, произведенных природой.

В другом месте Прудон в полемике вопрошает: «Почему экономисты не распространяют изо всех сил эту простую и яркую истину: труд каждого человека может обрести только ту стоимость, которую он содержит, и эта стоимость пропорциональна услугам всех других работников; если, как им кажется, работа каждого должна оставить излишек?»[27]. Здесь кажется оспоримым то, что «стоимость пропорциональна услугам всех других работников», – поскольку совсем не обязательно, что все работают с одинаковой, равной отдачей, даже если обязательно, что любая работа оставляет излишек, и что труд человека имеет только ту стоимость, которую он содержит в себе.

---

[26] Proudhon P.J. T. I. – P. 94.

[27] Proudhon P.J. T. I. – P. 105.



«Вызывающая дерзость… остроумные парадоксы… уничтожающая критика… искреннее чувство возмущения мер-

зостью существующего, революционная убежденность – всеми этими качествами книга “Что такое собственность?” электризовала читателей и при первом своем появлении на свет произвела сильное впечатление».

Карл Маркс (1818—1883 гг.) – для берлинского Social-Demokrat, 1865 г.

Случается, что Прудон допускает и вовсе роковые ошибки, тем более трагические, чем более рьяно он настаивает на истинности этих положений. Так, если в одном месте Прудон поначалу старательно обосновывает положительные эффекты от повсеместного внедрения машинного производства, в другом месте он еще более тщательно доказывает обратное, объявляя технический прогресс виновником бедственного положения пролетариата. «Шарлатаны, которые предлагали эксплуатировать железные дороги, громко шумели о важности локомотива для циркуляции идей… Как будто идеям, чтобы распространяться, нужны паровозы! Но кто же тогда мешает идеям течь из Института на окраины Сент-Антуана и Сен-Марсо, по узким и убогим улочкам Сите и Марэ, повсюду, наконец, где обитает это множество, еще более лишенное идей, чем хлеба? Откуда взялось убеждение, что между парижанином и парижанином, невзирая на *омнибусы* и местную почту, расстояние сегодня втрое больше, чем в четырнадцатом веке?»[28], – яростно вопрошает Прудон, как

[28] Proudhon P.J. T. I. – P. 169.

будто не желая замечать того очевидного для жителей больших городов в середине XIX в. факта, что именно локомотивы, увеличившие скорость доставки почтовых отправлений – прессы и переписки, в том числе научного характера, – резко увеличили интенсивность обмена информаций и фактически ускорили прогресс. Невзирая на это и явно находящийся под впечатлением лозунгов движения луддитов, восставших против внедрения машин в ткацкое производство в Англии в первой четверти XIX в., Прудон продолжает угрюмо обвинять: «Подрывное влияние машин на социальную экономику и положение трудящихся осуществляется в тысячах способов, которые все взаимосвязаны и одинаково называются: увольнения, сокращение зарплат, перепроизводство, затоваривание, порча продукции, банкротства, выдавливание рабочих из их класса, вырождение вида и, наконец, болезни и смерть»[29].

Таким же, как в случае с применением паровозных локомотивов, ретроградом выглядит Прудон и в своих рассуждениях о предназначении торговой марки (бренда). «Принцип закона, который должен применяться к товарным маркам, – говорит г-н Ренуар, – то, что эти марки не могут и не должны превращаться в гарантии качества», – цитирует Прудон одного из современных ему экономистов и тут же вступает в полемику с ним: «Если принять принцип г-на Ренуара: для чего тогда будут использоваться марки? Что для меня важно

---

[29] Proudhon P.J. T. I. – P. 170.

прочесть на бутылочной пробке, вместо *вина в двенадцать* или *вина в пятнадцать*, «Компания Энофиль», или другое, какое угодно производство? Меня волнует не имя продавца, а качество и справедливая цена товара»[30]. Но история промышленности и торговли показывает, что имя производителя товара, его торговая марка или тождественны высокому качеству, и, следовательно, именно имя продавца играет заглавную роль при покупке товара потребителем – вопреки отношению к этому Прудона; или, если качество товара оставляет желать лучшего, марка производителя служит аргументом для предъявления ему претензий – как фактически этого требует экономист Ренуар.

Приводят в замешательство и нападки Прудона по адресу налога на роскошь, в особенности его аргументация в пользу того, что распространению роскоши нужно всемерно способствовать, в том числе и прежде всего в рабочей среде (!). «Рабочий потеет, лишает себя и ужимает себя, чтобы купить украшение для своей невесты, ожерелье для своей маленькой дочери, часы для своего сына: и вы отнимаете у него это счастье, если он не платит ваш налог, то есть ваш штраф!»[31] – возмущается Прудон, и в этом месте его переживания могут у кого-нибудь вызвать настоящее умиление. Но его последующая досада по поводу излишнего, будто бы, налогообложения представителей состоятельных классов, наверня-

---

[30] Proudhon P.J. T. I. – P. 324.

[31] Proudhon P.J. T. I. – P. 304.

ка вызовет совсем другие чувства: «Мелкий буржуа тратит 600 франков на горничной, прачке, белошвейке, коммивояжерах; и если исходя из экономии, которая всех устраивает, он возьмет прислугу, то налоговик в интересах средств к существованию накажет эту мысль о сбережении!»[32].

В другом месте Прудон атакует, что есть мочи, преимущества рыночных отношений, когда заявляет, что «если Франция в течение двадцати пяти лет не ощущала общего дефицита», то «причина заключается не в свободе торговли, которая очень хорошо умеет, когда она этого хочет, производить полноту пустоты и при наличии изобилия заставить царствовать голод: это связано с улучшением путей сообщения (доставки), которые, сокращая расстояния, вскоре возвращают равновесие в момент, вызванный локальной нехваткой»[33]. Но ведь совершенствование средств транспорта, обеспечившее, в свою очередь, ускорение доставки товаров, возникло именно под воздействием свободных рыночных отношений – в этом Прудон в очередной раз противоречит не столько себе самому, сколько законам развития экономики…

* * *

Противоречий подобных тем, которые мы привели выше, обильно вуалируемых стилистическими красотами, у Пру-

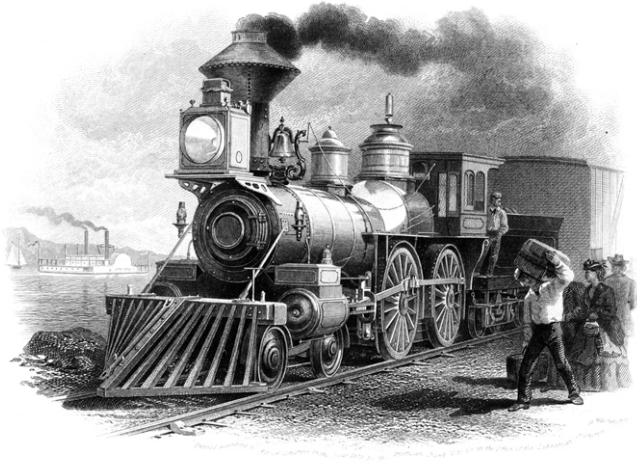
---

[32] Proudhon P.J. T. I. – P. 305.

[33] Proudhon P.J. T. I. – P. 329.

дона обнаруживается, к сожалению, более, чем хотелось бы даже его самым рьяным противникам, первым из которых, – по причинам, о которых мы выскажемся далее, был Карл Маркс. Но если говорить о достоинствах, то оценке *способностей Прудона предвидеть* то, какие формы примет развитие общественных отношений в экономике в будущем, тогда – в середине XIX в., никто, разумеется, не уделял должного внимания, и сейчас для этого настало самое время. Вот пример. В полемике с противниками конкуренции Прудон еще в середине XIX в. фактически обрисовал то, что будет происходить в далеком будущем с экономикой любого стремящегося к достижению коммунистического равноправия государства: «Конкуренция необходима для создания стоимости, то есть для самого принципа распределения и, следовательно, для достижения равенства…Конечно, я стараюсь не отрицать, что труд и заработная плата могут и должны быть гарантированы; у меня даже есть надежда, что эра этой гарантии не далека: но… прикажите, чтобы с 1 января 1847 года работа и заработная плата были гарантированы всем: немедленно громадная остановка заменит кипучую деятельность промышленности; фактическая стоимость быстро упадет ниже номинальной; металлические деньги, невзирая на их изображение и печать, подвергнут испытаниям ассигнации; продавец запросит большее, чтобы поставить меньшее; и мы окажемся в нижнем кругу нищенского ада, в котором

конкуренция находится лишь на третьем месте»[34].



«Шарлатаны, которые предлагали эксплуатировать железные дороги, громко шумели о важности локомотива для циркуляции идей… Как будто идеям, чтобы распространяться, нужны паровозы!»

П.-Ж. Прудон, «Философия нищеты»

Прикажите, чтобы работа и заработная плата были гарантированы всем: немедленно громадная остановка заменит кипучую деятельность промышленно-

---

[34] Proudhon P.J. T. I. – P. 194–195.

сти; фактическая стоимость быстро упадет ниже номинальной; продавец запросит большее, чтобы поставить меньшее; и мы окажемся в нижнем кругу нищенского ада

Конечно, сторонники экономики распределения (ставим знак равенства с противниками конкуренции) немедленно возразят на это, что никакая «остановка» не постигала промышленность коммунистической империи под названием СССР во все время его существования, более того – в 30-е гг. XX в. страна, наоборот, совершила модернизационный рывок. Да, – на это немедленно возразим и мы, – но пресловутый «рывок» был совершен, во-первых, с самым широким привлечением иностранных специалистов, то есть с использованием так называемых буржуазных методов организации производства, и, во-вторых, в атмосфере смертельного страха, спровоцированного массовыми репрессиями, от которых погибали как обычные рабочие и крестьяне, прежде всего зажиточные, так и отечественный инженерный состав, в котором остро нуждалась промышленность. Например, такой типичной «стройкой века», как знаменитый Днепрогэс, сооружавшийся в течение 1927–1932 гг., руководил квинтет американских специалистов во главе с инженером Хью Купером, гидротурбины производства компании General Electric поставлялись также из США, большинство прочего оборудования – из Германии… Значительная часть таких строек совершалась в буквальном смысле с использованием раб-

ского труда заключенных сети концентрационных лагерей, входивших в систему печально известного ГУЛАГа (Главное Управление Лагерей). А такой сравнимый по масштабу с Днепрогэсом объект, как Беломорско-Балтийский канал, был полностью сооружен заключенными БелБалтЛага, погибавшими прямо на месте строительства от истощения и невыносимых условий работы. Громадную часть научных достижений советские ученые и инженеры совершали также, будучи заключенными, в конторах-«шарашках» системы ГУЛАГа. При этом подавляющая часть погибавших на возведении коммунистических «пирамид» советских рабов-заключенных были ни в чем не виновны. То есть экономика СССР полагалась на такую же формулу взаимоотношений в обществе, какая бытовала в Древнем Египте: на самом верху советской пирамиды располагался с комфортом фараон и его ближайшее окружение, в самом низу, под управлением армии чиновников, – громадное количество рабской, или во всяком случае дешевой, практически дармовой рабочей силы.

Что характерно: вне ГУЛАГа советский уклад жизни и организация производства базировались на трех «китах» социалиста Луи Блана, сформулированных почти за сто лет до начала строительства Днепрогэса, Беломорско-Балтийского канала и других строек коммунизма: «Система г-на Блана может быть обобщена в трех пунктах, – вступил в письменную схватку с социалистическим прожектом переустройства

мира Прудон, – 1. Создать из власти большую инициативную силу, то есть, говоря по-французски, сделать произвольное всесильным, чтобы реализовать утопию. / 2. Создать и спонсировать за государственный счет народные цеха. / 3. Истребить частную промышленность под давлением конкуренции с национальной (государственной) промышленностью. / И это все»[35]. И нельзя оставить незамеченным то, что первым в спор с социалистическим прожектерством вступил именно Прудон.

Как показала История, экономика СССР, в которой государство гарантировало зарплаты, но оказалось не в состоянии обеспечить соответствующую производительность труда и качество производимой продукции, в конечном итоге обнаружила себя в том самом, упоминаемом Прудоном кругу «нищенского ада», когда средства от продажи нефти, газа и других природных ресурсов были израсходованы на вооружения и гонку в космосе, а отечественная промышленность и сельское хозяйство задохнулись в бесплодных попытках обеспечить потребности населения: повсеместный дефицит провоцировал контрабанду промтоваров, создание системы спецснабжения для узкой прослойки номенклатуры, а недостачу хлеба руководители этой колченогой экономики компенсировали ежегодными закупками пшеницы в США и Канаде. Политически СССР прекратил существование в 1991 г. именно вследствие происшедшего до того распада его эконо-

---

[35] Proudhon P.J. T. I. – P. 227.

мики, а не по какой-либо другой причине. И именно Прудон фактически предсказал этот конец, хотя, разумеется, даже не мог предполагать возникновения на территории бывшей царской империи новой империи советского образца, в границах которой последователи Луи Блана предпримут заранее обреченную на провал попытку насильственного обобществления производства.

Экономика СССР, в которой государство гарантировало зарплаты, но оказалось не в состоянии обеспечить соответствующую производительность труда и качество производимой продукции, обнаружила себя в упоминаемом Прудоном кругу «нищенского ада»

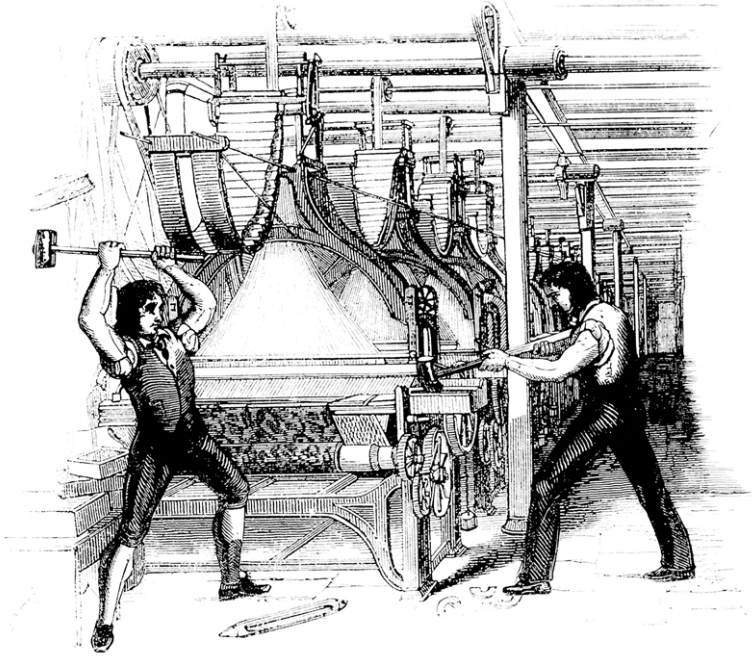
…Но мы, кажется, в запале собственной полемики со сторонниками различных социалистических идей запамятовали о текущей задаче, состоящей в восхвалении провидческих способностей Прудона. Между тем совершенно небезосновательными оказались его предчувствия в отношении предстоявших вскоре же после второго издания «Философии нищеты» (1850 г.) перемен во Франции. «Напрасно приверженцы власти, все эти доктринальные династико-республиканцы[36], которые отличаются друг от друга только тактикой, льстят себе утверждением в привнесении повсюду реформ», – напишет Прудон в адрес приверженцев Наполеона III – Шарля Луи Наполеона Бонапарта (племянника Наполеона I), занимавшего в 1848–1852 гг. пост первого пре-

[36] Proudhon P.J. T. I. – P. 335.

зидента Второй Французской республики. Прудон предчувствовал, что союз между представителем имперской династии и республиканцами лишь временный, что этот союз наполнен противоречиями и обязательно будет нарушен. «С тех пор, как мудрость князя объединилась с голосом народа, какое откровение было провозглашено? какой принцип порядка был открыт? какой выход из лабиринта привилегий отмечен? – транслирует эти противоречия Прудон. – До того, как князь и народ подписали этот странный компромисс, чем их идеи не походили друг на друга? и с тех пор, как каждый из них пытается нарушить договор, так чем же они отличаются друг от друга?»[37]. Договор нарушил именно «князь», то есть Наполеон III, провозгласивший себя, по примеру пращура, императором в 1852 г.: Прудон как в воду глядел.

---

[37] Proudhon P.J. T. I. – P. 336.



«Подрывное влияние машин на социальную экономику и положение трудящихся осуществляется в тысячах способов, которые все взаимосвязаны и одинаково называются: увольнения, сокращение зарплат, перепроизводство, затовариваниe, порча продукции, банкротства, выдавливание рабочих из их класса, вырождение вида и, наконец, болезни и смерть».

П.-Ж. Прудон, «Философия нищеты»

Ценен для нас и *Прудон-летописец* – в тех многочисленных частях своего труда, где он рассказывает о своих мироощущениях от происходящего вокруг – в палатах ли французского парламента, в деловом или культурном сообществах. Прудон старательно отражает как самые мелкие, так и местами кардинальные изменения в развитии общественных отношений в Европе и Франции в середине XIX в., пусть даже подчас он оценивает эти изменения негативно. Так, например, Прудон совершенно не оценил преимуществ закона об авторских правах, идея которого родилась в головах французских парламентариев в начале 40-х гг. XIX в., заявив буквально: «Четыре года назад в палатах родилась странная идея – создать закон о литературной собственности! как будто значение идеи не стремилось стать всем, а стиль – ничем»[38]. «Театр лишь изредка привлекает деловых людей и ученых; и в то время как ценители удивляются упадку искусства, философ-наблюдатель видит в нем только прогресс в духе мужественного разума, более раздраженный, чем восхищенный этими сложными безделушками»[39], – напишет далее Прудон и тем самым запечатлеет исторический момент, в котором деловые и научные круги Франции пренебрегали театром; но как же в будущем поменяется отношение к великому искусству сцены в мировом бизнес-сообществе!

---

[38] Proudhon P.J. T. I. – P. 124.

[39] Proudhon P.J. T. I. – P. 124.

То же самое, что с идеей закона об авторских правах, происходит у Прудона с идеей Бланки́ об участии рабочих во владении производством. «В своей вступительной речи за 1845-й год г-н Бланки́ объявил в качестве средства спасения объединение труда и капитала, участие рабочего в прибыли, то есть начало промышленной солидарности… – сообщает Прудон и далее буквально ерничает над тем, с кем – как мы это показали в начале комментария, – состоял ранее в уважительной переписке: «Я не знаю, какие средства предлагает использовать г-н Бланки́ для реализации своей отважной мысли; будь то создание национальных цехов, или государственное спонсорство, или экспроприация предпринимателей и их замена компаниями рабочих, или, наконец, если он просто порекомендует работникам сберегательную кассу, и в этом случае участие может быть отложено до греческих календ»[40]. То есть, употребляя это античное выражение («Ad Calendas Graecas», лат.), означающее, что обсуждаемое событие произойдет неизвестно когда или вообще никогда, Прудон выражает сомнение в возможности практической реализации идеи Бланки́. «Стоит ли экспроприировать предпринимателей и играть общественным достоянием, чтобы воздвигать конструкции тем более хрупкие, что собственность окажется раздробленной на бесконечно малые акции и не будет более поддерживаться прибылью, у компа-

[40] Proudhon P.J. T. I. – P. 126.

ний кончится балласт, и они больше не будут застрахованы от бурь?»[41] – патетически восклицает далее Прудон.

Такие же сомнения в идее Бланки́ выражали и последователи Маркса, такие, как Ленин в России, но европейское будущее продемонстрировало массу примеров устойчивости схемы соучастия работников в прибылях предприятия, предложенной Бланки́, уже в XIX в., а затем в еще большей степени в XX и XXI вв. Более того, именно собственность предприятий, будучи «раздробленной» на большое количество акций, торгующихся на бирже, начала приносить в будущем прибыли их многочисленным владельцам, даже и находящимся в разных частях света. Выходит, что именно Бланки́ был прав, а Прудон, Маркс и Ленин, – которые каждый на свой манер или мягко намекали на необходимость принятия других мер, или прямо требовали революции для одномоментного разрешения всех противоречий между трудом и капиталом, – оказались неправы. Но и в этом случае, как и в случае с идеей закона об авторских правах, откровения Прудона ценны для нас старательной фиксацией подробностей полемики экономистов в середине XIX в., исповедовавших разнонаправленные и подчас прямо противостоявшие друг другу теории и практики.

Прудон способен также *приятно удивить филологов* (в той же степени, в какой он до тех пор их серьезно огорчал),

---

[41] Proudhon P.J. T. I. – P. 127.

специализирующихся на специфических особенностях языка, возникающих в качестве реакции на исторические этапы развития общественных отношений, технологического, научного и культурного прогресса. «Язык девятнадцатого века состоит из фактов и цифр, и это наиболее примечательно для нас, которые, используя наименьшее количество слов, могут выразить большинство вещей. Тот, кто не знает, как говорить на этом языке, немилосердно низведен к риторам; о нем говорят, что у него нет идей», – напишет Прудон, который сам, впрочем, совсем не страдает сухостью изложения, и продолжит: «В зарождающемся обществе прогресс языка обязательно предшествует философскому и индустриальному прогрессу и долгое время служит обоим. Но наступает день, когда мысль выходит за рамки языка, или, как следствие, превосходство, сохраняемое в литературе, становится для общества явным признаком упадка»[42].

Язык самого Прудона, которым он пользуется в «Философии нищеты» (выполняем данное выше обещание вернуться к этой теме), также заслуживает отдельного изучения – и потому, что преимущества «мускулатуры стиля» даже его главный критик Карл Маркс считал достоинством труда «Что такое собственность?», и невзирая на стилистические излишества, которыми Прудон так щедро украсил свой текст.

Стоило бы посвятить отдельную диссертацию исследованию того, как Прудон использует *сарказм* – а делает он это

---

[42] Proudhon P.J. T. I. – P. 124.

превосходно, чего стоит один только его выпад против тех, кто считает экономическую науку способной разрешить все противоречия между трудом и капиталом уже к середине XIX в.: «Но, господа, с искренним сожалением и глубоким недоверием к себе я вынужден попросить вас дать несколько разъяснений. Если вы не можете исправить наши пороки, предоставить нам по крайней мере внятные тексты, предоставить нам ясность, подайте в отставку»[43], – высказывается в адрес самонадеянных экономистов Прудон. Сарказм звучит и в личных выпадах Прудона, таких, как выпад против экономиста Дюнойе, на заказную (от государства) активность которого он издевательски указывает, говоря, что «все знают, что г-н Дюнойе, непреклонный в отношении теоретических принципов в своих трудах, очень любезен в практике в Государственном совете»[44]. Впрочем, социалистам достается от Прудона в не меньшей степени; «“правительство… выберет *моральных* работников и даст им *хорошие* зарплаты”, – цитирует социалиста Луи Блана Прудон, критикуя таким образом размытость применяемых им характеристик «светлого» будущего. – Поэтому г-ну Блану нужны люди, сделанные нарочно: он не льстит себе, что учитывает все виды темпераментов. Что касается зарплат, г-н Блан обещает, что они будут *хорошими*; это проще, чем определить изме-

---

[43] Proudhon P.J. T. I. – P. 213.

[44] Proudhon P.J. T. I. – P. 218.

рение»[45].

«Рабочий потеет, лишает себя и ужимает себя, чтобы купить украшение для своей невесты, ожерелье для своей маленькой дочери, часы для своего сына: и вы отнимаете у него это счастье, если он не платит ваш налог, то есть ваш штраф!».

П.-Ж. Прудон, «Философия нищеты»

---

[45] Proudhon P.J. T. I. – P. 230.

Местами Прудон возвращает к жизни чувствования французской народной массы, выражавшиеся в коротких mots и поговорках, наподобие той, что относится к следам длительного исторического противостояния Франции с Пруссией. В одном из мест своей «Философии нищеты» Прудон небезосновательно оспаривает предположение социалистов о желании рабочего с большей производительностью делиться зарплатой с теми, кто производит меньше, и, как говорят в народе, «работать на прусского короля» (produire, comme dit le peuple, pour le roi de Prusse[46]).

Латинизмы Прудона, начиная от имеющих до сих пор широкое хождение – таких, как ipso facto (в силу факта), alter ego (другое я), Auri sacra fames! (Священная жажда золота!), Dominus dedit, Dominus abstulit, sit nomen Domini benedictum (Бог дал, Бог взял, да будет имя Господа благословенно), до менее употребляемых и более редких, вроде Nihil est in intellectu, quod prius non fuerit in sensu (Нет ничего в сознании, чего бы не было раньше в ощущении), – также могут стать объектом отдельного филологического исследования на предмет отображения с их помощью авторских установок.

Более того, заканчивая здесь рассуждения об особенностях языка Прудона, следует отметить, что и содержательные противоречия его «Философии нищеты» – такие, как в оценках эффекта от внедрения машинного производства (положительных поначалу, резко отрицательных затем), следует

---

[46] Proudhon P.J. T. I. – P. 242.

скорее отнести к желанию автора блеснуть перед читателем глубиной погружения в тему, поразить его действительно существующими или мнимыми противоречиями человеческого бытия, и обезоружив его таким образом, оставив в растерянности перед блеском стилистических красот, заставить склониться в итоге к тем или иным авторским выводам и установкам.

* * *

…Возвращаясь к оценке Прудона Марксом, отметим, что даже не отмеченные выше недостатки «Философии нищеты» (их примеры мы привели объективности ради), служили основными причинами раздражения Маркса; не потому марксисты в целом и их последователи, в том числе Ленин в России, считали Прудона мелкобуржуазным социалистом. Их раздражало в нем совсем иное – его очевидная предрасположенность к преимуществам свободного рынка, несмотря на парадокс, заключающийся в том, что Прудон изначально заработал известность знаком равенства между собственностью и кражей. Тем не менее в «Философии нищеты» Прудон с самого начала прямо противопоставляет озабоченному состоянием неимущих классов социализму такой рыночный механизм, как ростовщичество, говоря, что «очевидность и всеобщая благосклонность оказались на стороне ростовщиков; они выиграли битву против социализма, и огромные,

неоспоримые выгоды для общества этого инструмента начали служить основой легитимации ростовщичества»[47]. Ясно, что Маркс и марксисты презирали ростовщичество как финансовый инструмент, наносящий вред благосостоянию трудящихся масс, и, следовательно, переносили это свое презрение на Прудона.

Маркса наверняка раздражали у Прудона и такие его утверждения, как то, что «не существует, что касается противоречия, присущего понятию стоимости, ни причины, ни возможного объяснения»[48]. «Стоимость уменьшается по мере увеличения производства, а производитель может прийти к бедности, постоянно обогащаясь»[49], – говорит чуть ранее Прудон, довольно убедительно иллюстрируя это примером, в котором крестьянин, собравший двадцать мешков пшеницы, считает себя вдвое богаче, чем если бы он собрал только десять мешков; но если урожай пшеницы будет удвоен по всей стране, то двадцать мешков можно будет продать с меньшей стоимостью, чем десять, если урожай будет вполовину меньше.

Крестьянин, собравший двадцать мешков пшеницы, считает себя вдвое богаче, чем если бы он собрал только десять мешков; но если урожай пшеницы будет удвоен по всей стране, то двадцать мешков мож-

---

[47] Proudhon P.J. T. I. – P. 51.

[48] Proudhon P.J. T. I. – P. 71.

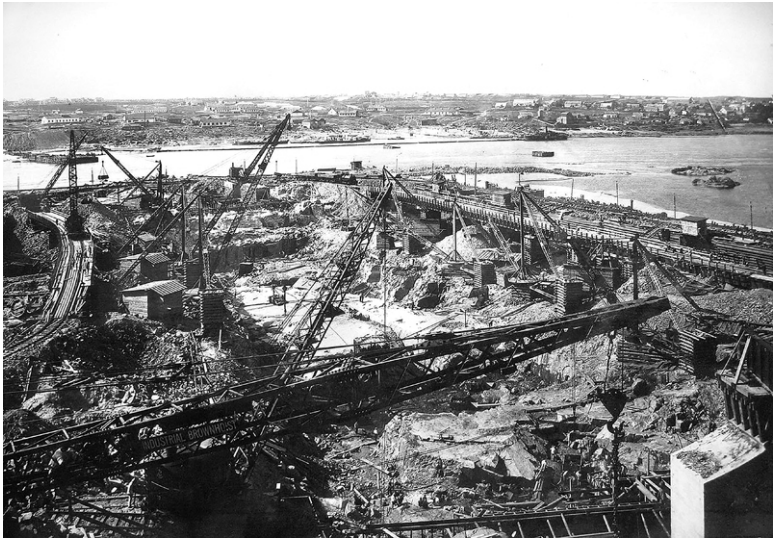
[49] Proudhon P.J. T. I. – P. 69.

но будет продать с меньшей стоимостью, чем десять, если урожай будет вполовину меньше

В другом месте предрасположенность Прудона к рыночным отношениям проявляется в ходе его полемики с Леоном Фоше́, который настаивает на обязательности государственных компенсаций как деклассированным промышленникам, утратившим производство по причинам конкуренции, так и рабочим, потерявшим работу в результате внедрения инноваций или затухания одних отраслей промышленности и расцвета других. «Насколько мы считаем химерическими доктрины, которые представляют правительство как универсального поставщика работы в обществе, – цитирует Леона Фоше́ Прудон, – настолько же нам кажется справедливым и необходимым, чтобы любое перемещение рабочей силы, производимое во имя общественной пользы, было только средством компенсации или переходом, и что ни отдельные лица, ни классы не приносятся в жертву государства. У власти в хорошо организованных странах всегда есть время и деньги для смягчения таких ограниченных бедствий. И именно потому, что развитие промышленность исходит не от власти, потому что она рождается и развивается от свободного и индивидуального побуждения граждан, поэтому правительство обязано, когда оно нарушает свой курс, предложить им вид возмещения или компенсации»[50].

---

[50] Proudhon P.J. T. I. – P. 184.



Стройкой Днепрогэса в течение 1927—1932 гг. руководил квинтет американских специалистов во главе с инженером Хью Купером, гидротурбины General Electric поставлялись также из США, большинство прочего оборудования – из Германии. Значительная часть таких строек совершалась с использованием рабского труда заключенных системы ГУЛАГа

Но «промышленный прогресс и, следовательно, работа по деклассификации и реклассификации в обществе являются непрерывными, это не особый переход, который следует найти в случае внедрения какой-либо инновации, но на самом

деле общий принцип, органический закон перехода, применимый ко всем возможным случаям и производящий эффект сам по себе, – атакует в ответ Прудон. – Способен ли господин Леон Фоше сформулировать этот закон и примирить различные антагонизмы, которые мы описали? Нет, так как он предпочитает останавливаться на идее компенсации. У власти, говорит он, *в хорошо организованных странах всегда есть время и деньги, чтобы смягчать такие ограниченные бедствия*. Прошу прощения у отважных намерений г-на Фоше, но они кажутся мне совершенно неосуществимыми. / У власти есть время и деньги только на то, что она изымает у налогоплательщиков. Компенсация пониженным налогом деклассированных промышленников означала бы остракизм новых изобретений и внедрение коммунизма с помощью штыков, а не решение проблемы… Компенсация, применяемая в соответствии с мнением г-на Фоше, либо приведет к промышленному деспотизму, к чему-то вроде правительства Мехмета-Али, либо выльется в налог на бедных, то есть в бесполезную пародию»[51]. Разумеется, в глазах всех марксистов и самих основоположников этого течения такое очевидное предпочтение рыночных отношений, отрицание необходимости государства вмешиваться в эти отношения, такое явное противление зарождающемуся коммунизму выглядело настолько же буржуазным и враждебным, насколько сложно было противопоставить аргументации этой «бур-

---

[51] Proudhon P.J. T. I. – P. 184–185.

жуазной враждебности» что-то убедительное (Маркс, однако, как мы это увидим далее, нашелся, что противопоставить Прудону).

Компенсация пониженным налогом деклассированных промышленников означала бы остракизм новых изобретений и внедрение коммунизма с помощью штыков, а не решение проблемы… Компенсация либо приведет к промышленному деспотизму, либо выльется в налог на бедных

LOUIS BLANC

Вне ГУЛАГа советский уклад жизни базировался на трех «китах» социалиста Луи Блана (1811—1882 гг.): инициативной силе власти, народных цехах, истреблении частной промышленности

Отдельные же высказывания Прудона вообще могут вызвать подозрения в его сугубой приверженности рыночным отношениям и в отрицании им необходимости учета интересов трудящихся классов. «Со способностью изменять пропорциональность налога правительство имеет в своем распоряжении быстрое и надежное средство лишать по своему усмотрению капитала его владельцев, – сообщает Прудон в разделе, посвященном критике прогрессивного налога, – и это страшно: видеть повсюду этот великий институт, основу общества, объект стольких противоречий, стольких законов, такой лести и стольких преступлений, – СОБСТВЕННОСТЬ, подвешенную на кончике нити над зияющей пастью пролетариата»[52]. Но в каждом из таких случаев, как мы это покажем далее, подобные подозрения будут беспочвенными: Прудон, образно говоря, сознательно накаляет страсти, вызывая возмущение категоричностью своих высказываний, – чтобы впоследствии приступить фактически к опровержению самого себя, – таковы используемые им нестандартные приемы.

В иных местах своего повествования Прудон, кроме все-

---

[52] Proudhon P.J. T. I. – P. 298.

го, допускает и прямо *оскорбительные эпитеты в адрес социализма*, пусть и предваряя их некоторыми реверансами: «В чем я обвиняю социализм, хотя и появившийся небеспричинно; так это в том, что он остается так долго и так упрямо глупым»[53]. В других местах он не скупится на обобщения и обвинения социализма в клевете на общественное устройство. «Социализм… – говорит Прудон, – утверждает и доказывает, что этот порядок легкомыслен, противоречив, неэффективен; он порождает угнетение, нищету и преступление: он обвиняет (если не сказать клевещет) на все прошлое общественной жизни и всеми силами подталкивает к переделу нравов и институтов»[54]. Или, как заявляет Прудон в полемике с социалистом Луи Бланом, также направляя стрелы сарказма по адресу его трудов: «Я отдаю должное отважным намерениям г-на Блана; я люблю и читаю его произведения и особенно благодарю его за оказанную услугу, состоящую в разоблачении в его “Истории десяти лет” неизлечимой несостоятельности его партии»[55].

Ярость марксистов и самого Маркса, кроме того, наверняка вызывали и такие пассажи Прудона, в которых он без должного осуждения относится к самым жестким (и жестоким) действиям власти по подавлению протестов рабочих, отстаивавших свои права в неравной борьбе с монополия-

---

[53] Proudhon P.J. T. I. – P. 76.

[54] Proudhon P.J. T. I. – P. 42.

[55] Proudhon P.J. T. I. – P. 226.

ми. К высказыванию на сей счет Прудон подбирается издалека, в очевидном стремлении застраховаться от обвинений в бесповоротном способствовании капиталистическим порядкам. Прудон заводит речь о волнениях шахтеров в Рив-де-Жие в 1844 г., защищавших свои зарплаты от урезания со стороны владельцев угледобычи. Образование монополии в угольном бассейне Луары, кроме того, спровоцировало повышение цен на топливо. Но Прудон в ходе анализа ситуации шаг за шагом выстраивает линию защиты власти, утверждая, что в своем поведении она следовала «принципу свободной конкуренции» и не имела возможности восстановить конкуренцию и предотвратить монополию, поскольку «право коалиции по закону идентично праву ассоциации; монополия – основа нашего общества, как конкуренция – его завоевание; и при условии отсутствия беспорядков власть отпустит ситуацию на самотек и будет наблюдать за происходящим. Как она может вести себя по-другому? Может ли она запретить законно образованную торговую компанию? может ли она заставить соседствующих операторов уничтожить друг друга? Может ли она запретить им сократить расходы? Может ли она установить максимум? Если бы власть сделала только одну из этих вещей, она бы отменила установленный порядок. Таким образом, власть не может выступать с какой-либо инициативой: она создана для защиты и способствования одновременно как монополии, так и конкуренции с учетом патентов, лицензий, взносов за землю и других сервитутов,

которые она установила в отношении собственности». «Когда шахтер, которого мы должны рассматривать в событиях в Рив-де-Жие как истинного представителя общества лицом к лицу с владельцами угледобычи, решил сопротивляться росту монополистов, отстаивая свою зарплату, и противопоставить коалицию коалиции, *власть расстреляла шахтера*[56], – продолжает отстаивать интересы государства в противостоянии рабочих и капитала Прудон. – А политические громилы обвиняют власть, предвзятую, по их словам, жестокую, продавшуюся монополии и т. д. Что касается меня, я заявляю, что этот способ оценки действий власти кажется мне не очень философским, и что я отвергаю его изо всех сил»[57]. Разумеется, эта вычлененная из контекста рассуждений Прудона цитата лишь на поверхностный взгляд может характеризовать его как безапелляционного защитника интересов капитала и даже, более того, сторонника подавления протестов с помощью оружия: на самом деле он с помощью той самой, отмеченной Марксом «мускулатуры стиля» старается завлечь читателя в закоулки своей философии – с тем, чтобы в дальнейшем, не сразу, ошарашить его выводами противоположного характера. Прудон, таким образом, намеренно эпатирует читателя, или, – как подобную линию поведения принято называть в эпоху интернета, – занимается троллингом.

---

[56] Выделено мной. – *А.А. А-О.*

[57] Proudhon P.J. T. I. – P. 314–315.

«Фокус» Прудона заключается в том, что с критикой социализма и коммунизма он выступает с не меньшим энтузиазмом, нежели он это делает в отношении капитала.

Прудон намеренно эпатирует читателя, или, – как подобную линию поведения принято называть в эпоху интернета, – занимается троллингом. «Фокус» Прудона заключается в том, что с критикой социализма и коммунизма он выступает с не меньшим энтузиазмом, нежели он это делает в отношении капитала

«Я готов признать положительные эффекты механизма собственности; но я замечаю, что эти эффекты полностью компенсируются теми несчастьями, которые порождает этот механизм, – говорит Прудон. – Как ранее признавался в английском парламенте один известный министр, и, как мы вскоре продемонстрируем, в современном обществе прогресс нищеты параллелен и адекватен прогрессу богатства, что полностью сводит на нет достоинства политической экономии»[58]. «Ошибка социализма до сих пор заключалась в том, чтобы увековечивать религиозные мечтания, отправляясь в фантастическое будущее, вместо того, чтобы постигать реальность, которая его сокрушает, – заявляет в другом месте Прудон, – так же, как вина экономистов состоит в том, что в каждом свершившемся факте они видят запрет на любую гипотезу изменений»[59].

---

[58] Proudhon P.J. T. I. – P. 64.

[59] Proudhon P.J. T. I. – P. 111–112.

Договор между народом и «князем» нарушил Наполеон

III – Шарль Луи Наполеон Бонапарт (1808—1873 гг.), племянник Наполеона I, занимавший в 1848—1852 гг. пост первого президента Второй Французской республики, – когда провозгласил себя, по примеру пращура, императором в 1852 г.: Прудон это фактически предсказал

В другом месте – в разделе о разрушительных эффектах конкуренции (преимущества которой воспеваются в предшествующем разделе) – Прудон рассказывает печальные истории ремесленников и крестьян Тосканы, одни из которых производили соломенные шляпы, другие выращивали шелкопряда и хранили секреты окрашивания ткани, использовавшиеся в процессе производства черных шелковых простыней. Умения первых были использованы для налаживания промышленного производства, секреты вторых похитил французский фабрикант, изображавший из себя любопытствующего туриста, и также поставил на службу промышленности. «А теперь спросите себя, потеряют ли свои рабочие места эти заводчики шелкопряда, эти производители черных простыней и шляп? – едко интересуется Прудон. – Именно: им докажут, что это в их интересах, поскольку они смогут покупать одни и те же продукты с меньшими затратами, чем когда они сами их производят. Вот что такое конкуренция… Конкуренция с ее убийственным инстинктом отбирает хлеб у целого класса работников и видит в этом только улучшение, экономику: – она подло ворует секрет и аплоди-

рует этому как открытию; – она меняет местные зоны производства в ущерб целому народу и заявляет, что ничего не делает, кроме использования преимуществ своего климата. Конкуренция нарушает все представления о справедливости и правосудии; она увеличивает реальные издержки производства за счет ненужного приумножения используемого капитала, провоцирует поочередно повышение и спад цен на продукты, развращает общественное сознание, подменяя своей игрой закон, поддерживает повсюду разбой и недоверие»[60]. Правда, тут же оговаривается Прудон (дабы, не дай бог, не прослыть противником рыночных отношений), «без этого ужасного характера конкуренция потеряла бы свои самые лучшие результаты; без произвола в обмене и тревог рынка труд не сможет сделать так, чтобы одна фабрика опережала другую, и, если не поддерживать напряжения, производство не совершит ни одного из своих чудес»[61].

В итоге Прудон, оставаясь насколько социалистом, настолько же приверженцем рыночных отношений, а также одновременно противником того и другого, направляет огонь и желчь своего красноречия сразу в обе стороны.

Прудон, оставаясь насколько социалистом, настолько же приверженцем рыночных отношений, а также одновременно противником того и другого, направляет огонь и желчь своего красноречия сразу в

---

[60] Proudhon P.J. T. I. – P. 207.

[61] Proudhon P.J. T. I. – P. 207.

обе стороны

«Теория Мальтуса, и в этом большая заслуга этого писателя, заслуга, которую никто из его коллег не учитывал, заключается в сведении к абсурду всей политической экономии, – сообщает в одной из частей «Философии нищеты» Прудон. – Что же касается социализма, то Платон и Томас Мор уже давно охарактеризовали его одним словом: УТОПИЯ, то есть отсутствие, химера»[62]. «*В социализме нет ничего такого, чего не было бы в политической экономии* , и этот вечный плагиат является бесповоротным осуждением обоих»[63], – заявляет он в другой части.

Прудон не упускает возможности направить свою критику и в адрес такого заметного в XIX в. общественного института, как церковь. «Богословы назвали *вожделение* или *алчный аппетит* страстью чувственных вещей, следствием, по их мнению, первородного греха», – начинает издалека атаку на церковь Прудон, но тут же и обрушивается на нее всей силой, указывая на отнюдь не во всем подобающую роль этого общественного института в общественных же отношениях: «Меня сейчас мало волнует, что такое первородный грех; замечу только, что алчный аппетит богословов есть не что иное, как эта *потребность в роскоши*, о которой сообщала Академия гуманитарных[64] наук как о доминирующем моти-

---

[62] Proudhon P.J. T. I. – P. 60. Выделение шрифтами по оригиналу. – *А.А.А-О.*

[63] Proudhon P.J. T. I. – P. 272. (Курсив – Прудона.)

[64] Дословный перевод с французского слова morales (в названии Академии) –

ве наших времен»[65].

И такая – критическая одновременно в разных направлениях позиция Прудона вызывала, разумеется, шквал критики со всех сторон, при том, что из всех многочисленных ответов на его нападки наиболее известной в веках так и осталась едкая рецензия Маркса (с просьбой о написании которой, напомним, Прудон сам же к нему и обратился). Тем более, что и коммунизм, вслед за социализмом, Прудон не оставил своим вниманием, говоря, что «никто не имеет права навязывать свои товары другим: единственным судьей полезности или, что то же самое, необходимости, является покупатель. Итак, в первом случае вы являетесь арбитром соответствия; во втором – я. Уберите взаимную свободу, и обмен перестанет служить проявлением промышленной солидарности: это будет грабежом. Коммунизм, кстати, никогда не преодолеет эту трудность»[66].

Единственным судьей полезности или, что то же самое, необходимости, является покупатель. В первом случае вы являетесь арбитром соответствия; во вто-

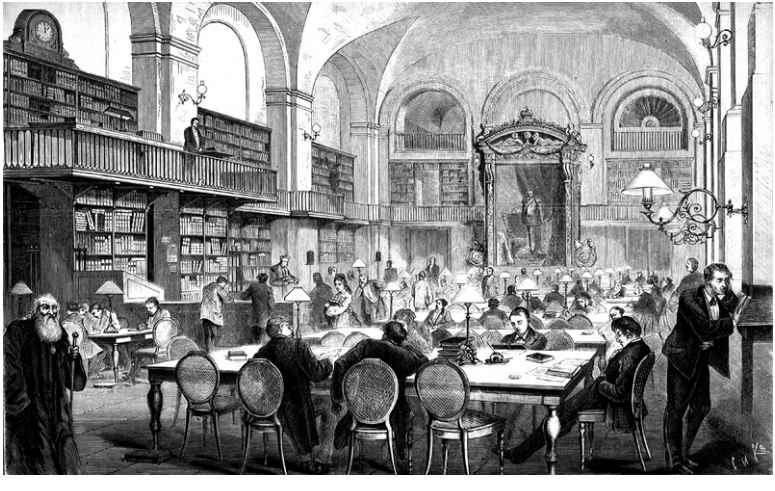
---

моральных, нравственных (второе значение – духовных). Предпочтем выйти за рамки дословного перевода и применять к Академии наук термин **гуманитарных.** Кроме того, из упоминаний Прудона Академии не ясно, какую именно Академию он имеет в виду. Но следует предположить, что речь идет о Безансонской академии, стипендиатом которой Прудон был некоторое время с 1838 г. – *А.А. А-О.*

[65] Proudhon P.J. T. I. – P. 354.

[66] Proudhon P.J. T. I. – P. 72.

ром – я. Уберите взаимную свободу, и обмен перестанет служить проявлением промышленной солидарности: это будет грабежом. Коммунизм, кстати, никогда не преодолеет эту трудность



Прудон совершенно не оценил преимуществ закона об авторских правах, когда заявил: «Четыре года назад в палатах родилась странная идея – создать закон о литературной собственности! как будто значение идеи не стремилось стать всем, а стиль – ничем»

Прудон, кроме всего, присоединяется к еще одному упомянутому выше врагу марксизма (каковым его, без сомнения, считали сами марксисты) – к Бланки́, который в изъ-

ятых Прудоном из контекста фразах отрицает возможность организации труда. На самом деле Бланки́, наоборот, настаивает на такой возможности – через организацию совместного, между работниками и хозяевами, владения производством, через его акционирование. Но Прудон находит место, в котором Бланки призывает «уважать добрые и верные намерения», но одновременно – не бояться «сказать, что издать книгу об *организации труда*[67] – это в пятидесятый раз повторить трактат о возведении в квадрат круга или о философском камне»[68].

* * *

Разумеется, к таким выпадам Маркс, претендовавший на высокое место в иерархии европейского коммунизма, не мог оставаться равнодушным: выход в свет «Философии нищеты» он воспринял как нападение. Ответным шагом послужила та самая, написанная по просьбе самого Прудона «Нищета философии» Маркса, в предисловии к которой он откровенно заявляет, что был занят в этой работе не столько противостоянием с Прудоном и его «Философией нищеты», сколько оттачиванием собственных философских и политэкономических установок. «Читатель поймет, почему, вы-

---

67 Выделение по оригиналу.

68 Proudhon P.J. T. I. – P. 128.

полняя этот неблагодарный труд, мы часто должны были отвлекаться от критики г-на Прудона, чтобы приниматься за критику немецкой философии и одновременно делать некоторые замечания по политической экономии»[69], – напишет в предисловии к «Нищете философии» Маркс. Однако и этого Марксу показалось мало, особенно с учетом нараставшей на его глазах популярности «Философии нищеты», и вскоре он привлекает Энгельса сначала для совместного написания знаменитого «Манифеста», а затем для финансирования «Капитала». Так труд Прудона послужил катализатором для формулирования и последующих многочисленных переизданий постулатов Маркса, направленных на то, чтобы составить конкуренцию «Философии нищеты, в самом тексте которой обнаруживаются места, ставшие отправными точками для тех или иных положений в работах Маркса и Энгельса. Так, в главе «Манифеста» о буржуа и пролетариях Маркс и Энгельс развивают (хотя, разумеется, недословно) тезис Прудона о разрушительном влиянии машин и разделения труда, говоря, что в результате этого влияния «труд пролетариев утратил всякий самостоятельный характер, а вместе с тем и всякую привлекательность для рабочего»[70]. Можно согласиться с тем, что с началом машинной эпохи рабочий

---

[69] Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, тт. 1—39. Издание второе. – М.: Издательство политической литературы, 1955–1974 гг. – Т. 4. – 615 с. – С. 69.

[70] Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, тт. 1—39. Издание второе. – М.: Издательство политической литературы, 1955–1974 гг. – Т. 4. – 615 с. – С. 430.

становится «простым придатком машины, от него требуются только самые простые, самые однообразные, легче всего усваиваемые приемы» и что «массы рабочих, скученные на фабрике, организуются по-солдатски. Как рядовые промышленной армии, они ставятся под надзор целой иерархии унтер-офицеров и офицеров»[71] и т. п. Но нельзя отрицать и того, что машинное производство и разделение труда, против чего яростно выступал Прудон, и ему вторили Маркс и Энгельс, в конечном итоге способствовали общему прогрессу человечества: неправы в этом случае оказались все трое, но хронологически первым – Прудон.

В дальнейшем, в главе «Пролетарии и коммунисты», в тексте «Манифеста» также слышится отзвук работы Прудона, предшествовавшей «Философии нищеты», – там, где Маркс и Энгельс от имени всех коммунистов выражают намерение «выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности»[72].

В параграфе же «Манифеста» о «буржуазном, или консервативном социализме» Маркс и Энгельс переходят к прямой атаке на Прудона, когда говорят, что к этому виду социализма следует отнести «экономистов, филантропов, поборников гуманности, радетелей о благе трудящихся классов, органи-

---

[71] Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, тт. 1—39. Издание второе. – М.: Издательство политической литературы, 1955–1974 гг. – Т. 4. – 615 с. – С. 431.

[72] Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, тт. 1—39. Издание второе. – М.: Издательство политической литературы, 1955–1974 гг. – Т. 4. – 615 с. – С. 438.

заторов благотворительности, членов обществ покровительства животным, основателей обществ трезвости, мелкотравчатых реформаторов самых разнообразных видов», сообщают, однако, что «этот буржуазный социализм разрабатывался даже в целые системы» и предлагают в качестве примера именно «Философию нищеты»[73]. Здесь во фразе о том, что «самое подходящее для себя выражение буржуазный социализм находит только тогда, когда превращается в простой ораторский оборот речи» слышится отзвук упомянутой Марксом ранее «мускулатуры стиля» Прудона [74].

«Свободная торговля! в интересах рабочего класса; покровительственные пошлины! в интересах рабочего класса; одиночные тюрьмы! в интересах рабочего класса – вот последнее, единственно сказанное всерьез, слово буржуазного социализма», – продолжают разгром Прудона авторы «Манифеста». – Социализм буржуазии заключается как раз в утверждении, что буржуа являются буржуа, – в интересах рабочего класса»[75]. Но именно с тем, что капиталист или, как это привычнее звучит в стилистике Маркса и Энгельса, – буржуа, создающий новые производства и объединяющий в

---

[73] Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, тт. 1—39. Издание второе. – М.: Издательство политической литературы, 1955–1974 гг. – Т. 4 – 615 с. – С. 453–454.

[74] Маркс К. Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г. Прудона. О Прудоне (Письмо К. Маркса Швейцеру). – М.: ОГИЗ; Госполитиздат, 1941. – 184 с. – С. 169.

[75] Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, тт. 1—39. Издание второе. – М.: Издательство политической литературы, 1955–1974 гг. – Т. 4. – 615 с. – С. 454.

них массы рабочих, действует в конечном итоге в интересах пролетариата, следует согласиться с Прудоном.

Знаменитая «революционность» пролетариата, на которую указали в «Манифесте» Маркс и Энгельс (а затем пытались использовать по всему миру их последователи, в том числе Ленин в России), также взята ими напрямую из Прудона. «Как можно не замечать, что эти идеи противоречивы, и что если пролетариат сможет достичь определенной степени развития, он сначала использует ее, чтобы революционизировать общество и изменить все гражданские и промышленные отношения?»[76] – патетически вопрошает в ходе полемики со сторонниками разделения труда и машинного производства Прудон и далее прямо пророчествует: «Рабочий класс в Париже и в больших городах наполнен этими идеями уже лет двадцать пять; тогда скажите мне, что этот класс не является решительно, энергически революционным! И он будет становиться таким все более и более по мере того, как он обретает идеи справедливости и порядка, особенно когда он осознает механизм собственности»[77]. Эта и подобные фразы Прудона как раз и трансформировались затем в намерение коммунистов, в лице Маркса и Энгельса, «перед всем миром открыто изложить свои взгляды, свои цели, свои стремления и сказкам о призраке коммунизма про-

---

[76] Proudhon P.J. T. I. – P. 181.

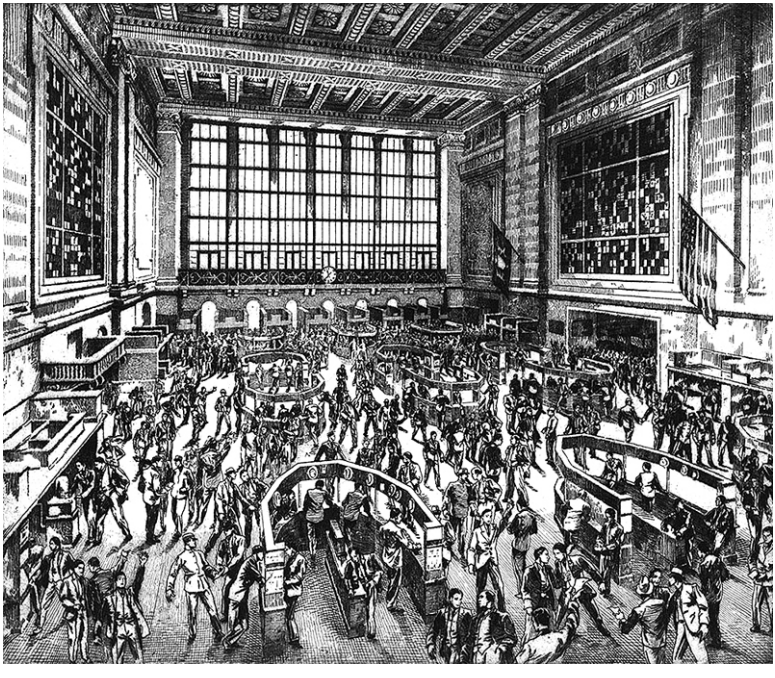
[77] Proudhon P.J. T. I. – P. 181.

тивопоставить манифест самой партии»[78], а затем в окончании этого манифеста – в прямую угрозу для мирового капитала, исходившую от тех самых революционных качеств пролетариата, на которые до того указал Прудон: «Коммунисты считают презренным делом скрывать свои взгляды и намерения. Они открыто заявляют, что их цели могут быть достигнуты лишь путем насильственного ниспровержения всего существующего общественного строя. Пусть господствующие классы содрогаются перед Коммунистической Революцией. Пролетариям нечего в ней терять кроме своих цепей. Приобретут же они весь мир. / Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»[79].

---

[78] Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, тт. 1—39. Издание второе. – М.: Издательство политической литературы, 1955–1974 гг. – Т. 4. – 615 с. – С. 423.

[79] Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, тт. 1—39. Издание второе. – М.: Издательство политической литературы, 1955–1974 гг. – Т. 4. – 615 с. – С. 459.



Собственность предприятий, будучи «раздробленной» на большое количество акций, торгующихся на бирже, начала приносить в будущем прибыли их многочисленным владельцам, даже и находящимся в разных частях света

«Манифест» вторит Прудону не только в том, что касается содержания в целом и в отдельных подпунктах, – он в значительной степени повторяет его и по форме. Как Прудон в своей «Философии нищеты» спорит одновременно со

сторонниками рыночных отношений и коммунизма, попутно нападая на тех, кто пытается разрешить противоречия между трудом и капиталом с помощью религии (мы говорили об этом выше), так же и Маркс с Энгельсом в своем «Манифесте», в главе о социалистической и коммунистической литературе, атакуют одновременно «феодальный социализм», «мелкобуржуазный социализм» (здесь они фактически полемизируют с Прудоном, не называя его имени), затем «немецкий, или “истинный” социализм», «консервативный, или буржуазный социализм» (здесь авторы «Манифеста» уже обращаются персонально к Прудону) и, наконец, оканчивают атаку разбором противостояния «критически-утопического социализма и коммунизма»[80].

Причем лексика и стилистика, которую используют Маркс и Энгельс в «Манифесте», также во многом походит на то, как излагает свои мысли Прудон: сарказм точно так же соседствует здесь с издевками и прямыми оскорблениями по адресу всех противников, которых им только удалось заметить на поле сражения. «Известно, что на манускриптах, содержавших классические произведения языческой древности, монахи поверх текста писали нелепые жизнеописания католических святых. Немецкие литераторы поступили с нечестивой французской литературой как раз наоборот. Под французский оригинал они вписали свою философскую чепу-

---

[80] В кавычках находятся оригинальные названия подпунктов одного из параграфов «Манифеста». – *А.А. А-О.*

ху, – напишут в подпункте «с» «Манифеста» о «немецком, или “истинном” социализме» Маркс и Энгельс. – Например, под французскую критику денежных отношений они вписали “отчуждение человеческой сущности”, под французскую критику буржуазного государства – “упразднение господства Абстрактно-Всеобщего” и т. д.»[81].

Нет сомнений, что цель такого приема, состоящего в организации нападения одновременно в нескольких направлениях, – как в случае Прудона, так и Маркса с Энгельсом, – состоит в том, чтобы представить лишь свое мировоззрение в качестве единственно верного в оценке путей и средств разрешения общественных противоречий. Но и в этом, по форме и стилистике изложения, Прудон, как видим, оказался предтечей.

Очевидные совпадения с тем у Прудона, как он сам видел и оценивал происходящее, вызывали у Маркса такое жгучее раздражение, что в 1846 г. – непосредственно в год выхода «Философии нищеты» – он в письме русскому историку литературы Павлу Анненкову написал: «Признаюсь откровенно, что в общем я нахожу эту книгу плохой – и очень плохой. Вы сами шутите в своем письме по поводу “уголка немецкой философии”, которым г. Прудон щеголяет в этой бесформенной и претенциозной работе, но Вы полагаете, что его экономические построения не были отравлены ядом фило-

---

[81] Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, тт. 1—39. Издание второе. – М.: Издательство политической литературы, 1955–1974 гг. – Т. 4. – 615 с. – С. 451.

софии. Я также далек от того, чтобы приписывать погрешности экономических построений г. Прудона его философии. Г-н Прудон дает нам ложную критику политической экономии не потому, что он является обладателем смехотворной философии, – он преподносит нам смехотворную философию потому, что совершенно не понял современного общественного строя в его сцеплениях [dans son engrenement], употребляя термин, который г. Прудон заимствует у Фурье, как заимствует у него многое другое»[82].

Через год, в 1847 г. Маркс, не оставляя намерений разрушить теоретические построения Прудона, продолжает начавшуюся схватку выходом «Нищеты философии», а всего через два года выпускает в паре с Энгельсом пресловутый «Манифест», который стал не просто ответом на вызов Прудона, но и местами, как мы это показали, фактически продолжением его «Философии нищеты».

Нужно ли повторять после этого, что и «Капитал» Маркса стал прямым продолжением того, что начали Маркс и Энгельс в своем «Манифесте» – то есть развернутым ответом Прудону? Первое издание «Капитала» под заглавием «К критике политической экономии» состоялось в 1859 г. И издававшийся вплоть до начала XX в. усилиями сначала Энгельса, затем Каутского частями полный текст «Капитала» фак-

---

[82] Маркс К. Письмо П. Анненкову. В книге: Маркс К. Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г. Прудона. – М.: ОГИЗ; Госполитиздат, 1941. – 184 с. – С. 150.

тически стал воплощением именно этой линии защиты теорий социализма и коммунистического равноправия как от «мелкобуржуазности» Прудона, так и от всех прочих течений.

А теперь задумаемся: если бы «Философия нищеты» Прудона была на самом деле таким ничтожным произведением, каким его старательно изображает Маркс, стал был он тратить силы и время на столь масштабный ответ представителю «буржуазного социализма»?

Задумаемся: если бы «Философия нищеты» Прудона была на самом деле таким ничтожным произведением, каким его старательно изображает Маркс, стал был он тратить силы и время на столь масштабный ответ представителю «буржуазного социализма»?

Без Прудона, осмелимся утверждать, не было бы ни «Манифеста», ни «Капитала». Именно из выведенного Прудоном революционного качества пролетариата, как мы это показали выше, родился «Манифест», именно из сформулированного Прудоном противоречия между полезной стоимостью и стоимостью обмена, проявляющегося на практике в том, что увеличение производства провоцирует уменьшение стоимости произведенного товара, Маркс вывел свою теорию в «Капитале». Прудон первым сообщил о необходимости существования третьего вида стоимости – «конституированной» (или «образованной»), в его терминологии (в дальнейшем Прудон развивает свое понимание стоимости как

происходящей «по трем аспектам: полезная стоимость, обменная стоимость и синтетическая стоимость, или социальная стоимость, которая является истинной стоимостью»[83]). Более того, «аксиома, общепринятая экономистами, заключается в том, что вся работа должна оставлять излишки», – говорит на стр. 98 первого тома своей «Философии нищеты» Прудон: именно из этих «излишков» и «конституированной» стоимости Прудона, настаиваем, появилась пресловутая «прибавочная» стоимость Маркса.

---

[83] Proudhon P.J. T. I. – P. 113.

«Очевидность и всеобщая благосклонность оказались на стороне ростовщиков; они выиграли битву против социализма, и огромные, неоспоримые выгоды для общества этого инструмента начали служить основой легитимации ростовщичества».

П.-Ж. Прудон, «Философия нищеты»

Без Прудона не было бы ни «Манифеста», ни «Капитала». Именно из выведенного Прудоном рево-

люционного качества пролетариата родился «Манифест», из сформулированного Прудоном противоречия между полезной стоимостью и стоимостью обмена Маркс вывел свою теорию в «Капитале»

Несомненно, что и Прудон после продолжавшихся ночи напролет споров с Марксом (по приведенному выше собственному свидетельству Маркса) питался его мыслями и терминологией как до написания «Философии нищеты», так затем при ее написании и после того. И разве предназначение спора не в том, чтобы даже в самых яростных попытках достижения превосходства над оппонентом, не желая того и, может быть, сопротивляясь, – достичь понимания происходящего? Нет сомнения в том, что Прудон – судя по тому, что он направил рукопись «Философии нищеты» на рецензирование именно Марксу, – искренне преследовал и в спорах с ним, и в написании своего труда одну цель – поиск выхода их тупика противоречия между трудом и капиталом. Как нет сомнения в том, что Маркс, наоборот, не ставил во главу угла достижение этой цели в содружестве с кем бы то ни было: Марксу было важно добраться до вершины в одиночестве, в крайнем случае – в сопровождении Энгельса, оплачивавшего этот поход. Прудон был занят поиском истины и потому искал изъяны одновременно и слева, и справа – и в лагере социалистов, и в рядах их противников. Маркс, в отличие от Прудона, заявил, что истина ему известна без всяких поисков. И теперь ясно, почему Ленин присоединился сна-

чала к старшему (для него) последователю Маркса Плеханову, а затем, яростно отвергнув того, кого небезосновательно считал своим учителем, и, направив в его сторону массу критических стрел, безапелляционно присоединился именно к Марксу: он был ему ближе своей категоричностью, отсутствием сомнений, а заодно и союзников в походе к вершинам популярности.

Но Маркс по крайней мере хронологически, как мы это показали выше, следовал за Прудоном, отталкивался от Прудона и безвозбранно пользовался им, когда создавал в противовес ему собственную теорию противоречий между трудом и капиталом. Удобная позиция, оставляющая легкий привкус мошенничества. И это также следует учитывать в качестве еще одного ответа на заданный в самом начале вопрос о том, зачем понадобилось доставать из пыльного сундука «Философию нищеты» Прудона и тратить время на ее перевод.

«Капитал» Маркса, кроме того, его русскоязычные последователи постарались закрепить в истории в качестве основного пособия по политической экономии, посвятив, вслед за своим идеологическим пастырем, множество трудов, посвященных критике Прудона, и цинично пользуясь тем, что «Философия нищеты» так и не была переведена на русский язык. Бесчестная тактика. Но все тайное когда-нибудь становится явным. В отношении Прудона это становится явным здесь и сейчас.

При этом ярость Маркса в отстаивании устоев «марксизма» перед нападками, как ему казалось, Прудона вызвана еще одним ярким обстоятельством. Прудон при ближайшем рассмотрении оказывается не так далек от тех самых устоев марксизма, как это, может быть, хотелось бы самому Марксу, – несмотря на зафиксированную здесь же ранее его приверженность рыночным отношениям.

Прудон при ближайшем рассмотрении оказывается не так далек от тех самых устоев марксизма, как это, может быть, хотелось бы самому Марксу, – несмотря на зафиксированную здесь же ранее приверженность Прудона рыночным отношениям

Исследователи советского периода, изучавшие тернистые пути развития социально-политических идеологий прошлого, были вынуждены отмечать: «Классики марксизма-ленинизма неоднократно указывали на то, что между различными течениями непролетарского социализма имеется общность ряда исходных теоретических позиций»[84], имея в виду, что это положение относится в равной степени и к Прудону. Действительно: Прудон, напомним в очередной раз, первым

---

[84] Застенкер Н. Е. Об оценке Прудона и прудонизма в «Коммунистическом манифесте» – в сб. Из истории социально-политических идей. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – 752 с. – С. 491. (В целом Н. Е. Застенкер, надо отдать ему должное, в этой своей публикации постарался скрыть за фразами дежурного осуждения идеологии Прудона серьезный труд по исследованию важнейшего периода его деятельности, касающегося кануна революции 1848 г. во Франции, в частности участия Прудона в газетной публицистике, чем скорее способствовал популяризации Прудона, нежели его критике).

из современников Маркса широко распространил определение собственности как акта воровства. Марксу просто некуда было деться от этого исходившего от Прудона определения, как и от набравшей популярность из его же трудов формулировки главного социалистического принципа – о требовании от каждого по способностям и компенсации по труду. Маркс вследствие этого почувствовал жгучее желание доказать, что Прудон легковесен, поверхностен, что настоящее разъяснение противоречий между трудом и капиталом еще впереди, и именно он, Маркс, его предоставит. Но беда (для Маркса) в том, что в своей «Философии нищеты» Прудон пошел дальше определения собственности, приняв за основу для расчета стоимостей количество человеческого труда, вложенного в производство тех или иных товаров, после чего пресловутые «устои марксизма» начали удивительным образом походить на то, что сформулировал Прудон. «Общественная экономика, в которой никакие исследования a posteriori (на основании опыта) не могли напрямую раскрыть закон пропорциональности стоимостей, может охватить его в той самой силе, которая его производит, и которую пора сделать известной, – сообщает Прудон. – Эта сила, которую А. Смит восхвалял так красноречиво, и которую его преемники игнорировали, оставив ему эту привилегию, эта сила – ТРУД… Это труд, только труд, который производит все элементы богатства и который объединяет их до последних молекул в соответствии с законом переменной, но определен-

ной пропорциональности. Наконец, это труд, который, как основной жизненный принцип, беспокоит, mensagitat (планирует) материю, molem (основную массу) богатства и обеспечивает его»[85].

Lutte de femmes. — Dessin de Sellier, d'après Pinelli.

«Конкуренция нарушает все представления о справедливости и правосудии, подменяя своей игрой закон, поддерживает повсюду разбой и недоверие», но «без этого ужасного характера конкуренция потеряла бы свои самые лучшие результаты».

---

85 Proudhon P.J. T. I. – P. 84.

П.-Ж. Прудон, «Философия нищеты». На репродукции: «Битва женщин», рисунок Селье по мотивам Пинелли (1809 г.)

Прудон предельно социалистичен, если можно так сказать, и в том, когда присоединяется к положению Ж.-Б. Сэя о том, что «каждый продукт стоит того, что он стоит», и настаивает, что единицей измерения этой стоимости должен быть рабочий день и, главное, что все рабочие дни одинаковы в своей производительности»[86]…

Требование же Прудона, возмущенного тем, что грузчики лионского порта получают заработную плату, схожую с таковой университетских профессоров, – насильственно понизить доход одних за счет увеличения у других, взято, кажется, прямо из отдаленного будущего государств социалистического блока XX в. «Одной из первых реформ, которая будет действовать среди рабочих классов, будет сокращение заработной платы одних одновременно с повышением у других»[87], – такое утопическое, как показала История, условие «справедливого» распределения выдвигает среди прочего Прудон, что как две капли воды походит на то, что попытался внедрить впоследствии в практику социалистического строительства Ленин.

Правда, что и социалистичность Прудона, надо отдать

---

[86] Proudhon P.J. T. I. – P. 106.

[87] Proudhon P.J. T. I. – P. 143.

должное, далеко не везде отталкивает, даже если смотреть с расстояния в 180 лет. Не могут не вызывать симпатии его восклицания, издаваемые в разных частях «Философии нищеты», подобные следующему. «Как могут быть приемлемыми богатства, для которых вложенный труд не является показателем? – вопрошает с укоризной Прудон. – И если труд создает богатство и узаконивает собственность, как объяснить потребление богатого бездельника? Как может быть справедливой система распределения, при которой продукт стоит, по мнению отдельных людей, иногда больше, иногда меньше, чем стоит на самом деле?»[88]. Действительно, как? «Очень просто, – скажет читатель, – стоимость любого продукта в рыночных условиях определяет, как известно, режим спроса и предложения, и в зависимости от этого стоимость может сколь угодно большой или, наоборот, малой, даже ниже себестоимости производства». Исходя из этого постулата, человечество изобрело немало инструментов извлечения богатств при полном отсутствии сколько-нибудь ощутимого вложения труда; чего стоят одни только игры со стоимостями на бирже. Но правда и то, что состояние, происходящее из производства, построенного поэтапно «с нуля», с приложением в равной степени как умственных, так и физических усилий, вызывает несравненно большее уважение, нежели то, которое возникло «из воздуха», в результате ролевых игрищ с деньгами. Именно так, от заранее вложенных умствен-

---

[88] Proudhon P.J. T. I. – 1850 – 400 p. – P. 107.

ных и физических усилий появился промышленный капитал Генри Форда. И не кто иной, как Прудон задолго до начала эпохи массового производства автомобилей способствовал укреплению именно такого, уважительного отношения к богатствам, происходящим от заранее вложенных усилий.

«Если… есть богатства, которые происходят не от труда, откуда берется привилегия владения этими богатствами? Какова законность монополии? Поэтому давайте однажды разоблачим эту теорию непродуктивного права потребления, эту юриспруденцию наслаждения, эту религию праздности, священную прерогативу касты избранных!»[89] – издает далее совсем уже революционное восклицание Прудон, провоцируя и предвосхищая позднейшие требования к насильственному свержению существующего неравенства состояний. Происшедшая напрямую из этого восклицания Прудона формула звучала уже как «отобрать и поделить», и именно ею пользовались в будущем все те, кто вел пролетариев станка и пашни на свержение предыдущих установлений человечества…

Если есть богатства, которые происходят не от труда, откуда берется привилегия владения этими богатствами? Давайте разоблачим эту теорию непродуктивного права потребления, эту юриспруденцию наслаждения, эту религию праздности, священную прерогативу касты избранных!

---

[89] Proudhon P.J. T. I. – P. 108.

А таким предложениям Прудона, как то, чтобы узаконить запрет на совмещение двух заработков и ограничить гонорары во всех занятиях «6,000 в Париже, и 4,000 – в департаментах»[90], аплодировали бы, наверное, любые строители плановой коммунистической экономики будущего. Впрочем, аплодисменты наверняка сменились бы осуждением, когда на замечании Прудона в адрес экономистов: «И что! вы опускаете глаза!… Признайте тогда, что ваши законы против роскоши – только лицемерие»[91] – стало бы ясно, что он, во-первых, предлагал эти меры гипотетически и, во-вторых, делал это с единственной целью снятия налогового бремени с предметов роскоши (что с точки зрения марксизма выглядит уже совсем неприлично).

В проявлении своих социалистических убеждений, даже и несмотря на яростную критику социализма и коммунизма в иных частях «Философии нищеты», Прудон идет даже дальше всех социалистов, вместе взятых, – особенно там, где он яростно выступает против технического прогресса и вскрывает пагубность, как ему кажется, промышленных инноваций, начиная с изобретения первых машин, таких, как печатный станок Гутенберга (ранее мы уже обращали внимание на этот, как нам представляется, недостаток мировоззрения Прудона). «В 1836 году в мастерской в Манчестере работали девять станков, каждый по триста двадцать четыре вере-

---

[90] Proudhon P.J. T. I. – P. 305.

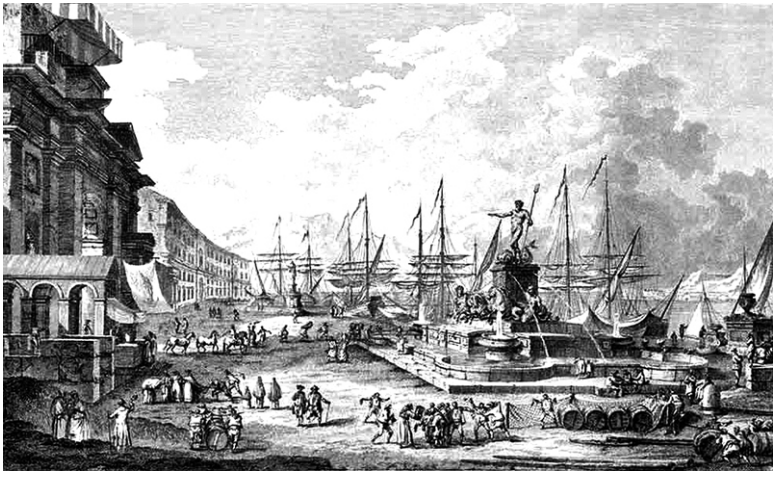
[91] Proudhon P.J. T. I. – P. 305.

тена, которыми управляли четыре прядильщика. В дальнейшем конвейер удвоили, и в каждый станок ввели шестьсот восемьдесят веретен, и двух человек хватало, чтобы управлять ими», – цитирует Прудон «Экономический журнал» от 1842 г. и продолжает от себя: «Таков грубый факт ликвидации рабочего машиной. Простой комбинацией трое из четырех рабочих вытеснены; какое значение имеет то, что через пятьдесят лет, когда население земного шара удвоится, клиентура Англии увеличится в четыре раза, будут построены новые машины, английские фабриканты заберут назад своих рабочих?»[92]. «Я был свидетелем введения полиграфических машин и могу сказать, что своими глазами видел, как сильно пострадали печатники, – фактически выступает уже в роли яростного противника прогресса Прудон (хотя в целом, разумеется, не отрицает его конечной пользы для человечества). – За пятнадцать-двадцать лет, что утвердилось механическое производство, часть рабочих потеряли работу, другие покинули свою страну, некоторые умерли от нищеты: так происходит перестройка рабочих в результате промышленных инноваций»[93].

---

[92] Proudhon P.J. T. I. – P. 162–163.

[93] Proudhon P.J. T. I. – P. 163.



Требование Прудона, возмущенного тем, что грузчики лионского порта получают заработную плату, схожую с таковой университетских профессоров, – насильственно понизить доход одних за счет увеличения у других, взято, кажется, прямо из отдаленного будущего государств социалистического блока XX в.

Но вновь, как только мы в очередной раз в ходе изучения «Философии нищеты» решаем, что Прудон на наших глазах превращается в неисправимого ретрограда, он начинает блистать мыслями, опережающими время. Только что он яростно опротестовывал пользу технического прогресса и разделения труда, как уже горячо высказывается за это разделение и попутно пропагандирует конкуренцию (оставив, впрочем,

машинное производство под огнем своей критики). «Конкуренция так же важна для труда, как и его разделение, – говорит Прудон, – поскольку само разделение возвращается в другой форме или, скорее, возводится во вторую степень; разделение, говорю я, уже не такое, как в первую эпоху экономического развития, адекватное коллективной силе, следовательно, поглощающее личность рабочего в цеху, но рождающее свободу, делая каждое подразделение труда суверенитетом, в котором человек проявляет свою силу и независимость. Словом, конкуренция – это свобода в разделении и во всех разделенных частях: начиная с самых всесторонних функций, она имеет тенденцию реализовываться даже при низком уровне фрагментарной работы»[94].

Конкуренция так же важна для труда, как и его разделение. Конкуренция – это свобода в разделении и во всех разделенных частях: начиная с самых всесторонних функций, она имеет тенденцию реализовываться даже при низком уровне фрагментарной работы

В другом месте Прудону удается то, что до него мало кому приходило в голову даже пытаться осуществить: в процессе анализа противоречий между трудом и капиталом предоставить читателю возможность взглянуть на дело глазами представителей этого капитала. Читатель, привыкший к уверениям в том, что капиталисты угнетают рабочих, замирает, как громом пораженный, когда узнает, что это капитал, наобо-

---

[94] Proudhon P.J. T. I. – P. 192.

рот, постоянно находится под угрозой давления со стороны наемного труда, – что иногда является лишь плодом воображения хозяев производств, но подчас в полной мере соответствует действительности (тому немало примеров в эпохе развитóго капитализма). После того, как рабочие в Англии объединились в коалицию, чтобы противостоять сокращениям зарплат и рабочих мест, английский фабрикант, которого цитирует Прудон, принялся усовершенствовать производство таким образом, чтобы обходиться минимумом наемного труда: «Неподчинение наших рабочих заставило нас задуматься о том, чтобы обойтись без них. Мы предприняли все мыслимые усилия, чтобы заменить работу людей более послушными орудиями, и достигли цели. Механика избавила капитал от гнета труда. Везде, где мы все еще используем человека, это только временно, в ожидании, что будет изобретено средство, чтобы исполнять его работу без него»[95]. Прудон кидается в атаку на этого представителя капитала, очевидно не представляющего себе, что следующий по пятам за усовершенствованием промышленности рост безработицы необходимо спровоцирует спад потребления и, следовательно, перепроизводство и затоваривание: безработным не на что потреблять. «Что за система, которая заставляет торговца с восторгом думать о том, что предприятие скоро сможет обойтись без людей! *Механика избавила капитал от гнета труда!* Это как то, если бы министерство старалось из-

---

[95] Proudhon P.J. T. I. – P. 164.

бавить бюджет от гнета налогоплательщиков. Безумство! если вы платите рабочим, они становятся вашими покупателями: что вы будете делать со своими произведенными продуктами, когда, уволенные вами, они больше не будут их потреблять? Кроме того, противодействие машин, задавив рабочих, не замедлит ударить по хозяевам; ибо если производство исключает потребление, то вскоре само по себе вынуждено остановиться», – восклицает Прудон и продолжает цитатой из публикации в «Эдинбургском обозрении» с нарастающим сарказмом в своем комментарии: «“В четвертом квартале 1841 года в результате четырех крупных банкротств в одном городе Англии на улицу отправились 1,720 человек”. – Эти банкротства были причиной перепроизводства, а значит, недостатка возможностей или бедственного положения народа. Как жаль, что механика не может также избавить капитал от потребительского гнета! какое несчастье, что машины не покупают ткани, которые они производят! Это было бы идеальное общество, если бы торговля, сельское хозяйство и промышленность могли существовать без человека на земле!» – и сколько праведного социалистического гнева в этом высказывании Прудона! Как и в его выпаде против монополии (о неминуемости существования которой он, разумеется, успел сообщить ранее): «После того, как монополия сделала свой подсчет дохода, прибыли и процентов, работник-потребитель сделал свой; и получается, что, пообещав ему зарплату, представленную в тру-

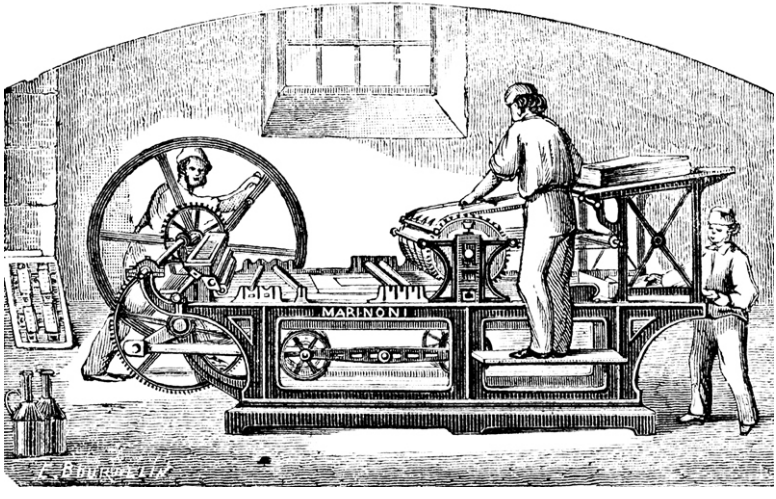
довом договоре сотней, ему фактически дали только семьдесят пять. Таким образом, монополия провоцирует банкротство своих наемных работников, и совершенно точно, что она жива своим грабежом»[96], – говорит Прудон и этим своим последним, привлекательным для любого социалиста утверждением возвращает читателя к воспетому даже Марксом труду «Что такое собственность?», в котором он, напомним, бросил в лицо мировой буржуазии жгучее обвинение в том, что собственность – это кража.

Итак, Прудон в своей «Философии нищеты», как до того и в труде «Что такое собственность?», к досаде Маркса, оказался ближе к марксизму, чем того хотелось бы самому Марксу, и это означало, что у каждого социалиста, практика или теоретика, с тех самых пор появился выбор «берега», к которому он мог бы прибиться, – выбор из Прудона и Маркса, но при этом Прудон оказался еще и хронологически первым в трактовке противоречий экономики.

У каждого социалиста, практика или теоретика появился выбор «берега», к которому он мог бы прибиться, – выбор из Прудона и Маркса, но при этом Прудон оказался еще и хронологически первым в трактовке противоречий экономики

---

[96] Proudhon P.J. T. I. – P. 253.



«Я был свидетелем введения полиграфических машин… За пятнадцать-двадцать лет, что утвердилась механическое производство, часть рабочих потеряли работу, другие покинули свою страну, некоторые умерли от нищеты: так происходит перестройка рабочих в результате промышленных инноваций».

П.-Ж. Прудон, «Философия нищеты»

Марксу, разумеется, хотелось бы, чтобы этого выбора не было, чтобы только его и Энгельса выкладками пользовались бы до скончания века социалисты всего мира. И Марксу почти удалось реализовать это свое намерение – если бы не мы с вами, здесь и сейчас.

* * *

Однако в чем видел собственное призвание Прудон, какими были его цели? Во-первых, Прудон старательно, во всех своих работах стремится к тому, чтобы дать свое, отличное от всего, что было до него (и желательно от того, что будет после), объяснение центральных экономических противоречий – несмотря на то, что с очевидностью полагается на экономическое учение прошлого. Да это и не могло быть иначе: любое новое, как известно, – не только хорошо забытое старое, но происходит из него. Так же и Маркс в своей теории прибавочной стоимости полагался, ничуть не смущаясь, на труды Адама Смита и Давида Рикардо; Прудон это делал наряду с Марксом, но Маркс, сочтя методы и стиль Прудона дилетантскими, обрушился на него с уничижающей критикой, не преминув, тем не менее, воспользоваться выкладками Прудона.

Однако Прудон действительно и во многом, невзирая на критику Маркса, стал первопроходцем, и, в частности, в том, как он атакует одновременно социалистов и сторонников рынка: он то и дело подводит читателя к мысли, что не правы ни первые, ни вторые, и, следовательно, требуется нечто принципиально иное. Обращаясь, в частности, к социализму, Прудон призывает к поиску третьего пути: «Что предписывает наука в подобной ситуации? / Разумеется, не за-

держиваться в необоснованной, неуловимой, неразрешимой среде; но обобщить и открыть третье правило, факт, или высший закон, который объясняет фикцию капитала и миф о собственности и примиряет его с теорией, приписывающей труду происхождение всякого богатства. – Вот что должен был бы предпринять социализм, если бы он хотел действовать логически»[97]. Но социализм до самого своего конца в разных частях света, – заметим мы здесь от себя, – продолжал и продолжает демонстрировать упорство в отстаивании своих требований и напрочь отказывается даже рассуждать о сделке со сторонниками политической экономии в том виде, в каком ее понимал Прудон, и в каком ее следует понимать и сегодня, то есть в виде науки, обосновывающей преимущества свободного рынка, занятого саморегулированием.

Прудон, кроме всего, проявляет вполне искреннее негодование в спорах с теми, кого на самом деле следовало бы считать представителями мелкобуржуазной науки – за что именно в этой части своих рассуждений добился насколько сдержанных, сквозь зубы, настолько же искренних похвал от самого Маркса. «“Капитал – это материя богатства, как деньги – материя валюты, как пшеница – материал хлеба”, – цитирует Прудон представителя консерваторов от экономики г-на Росси, – и, продолжая серию до конца, как земля, вода, огонь, атмосфера – материал всех наших изделий. Но это труд, только труд, – то, что последовательно создает каждое

---

[97] Proudhon P.J. T. I. – P. 53.

полезное качество, данное этим материям, и, следовательно, превращает их в капиталы и богатства»[98], – возвращает Прудон экономиста Росси на землю. И Росси вызывает тем большее возмущение Прудона, что ранее он признавал именно труд источником богатства и лишь затем, в развитие, решил в своих рассуждениях поменять труд на капитал. Да и сам капитал, если следовать за ходом мысли у Росси, появился как бы из ниоткуда, поскольку он представляет его в виде изначальной материи… Разоблачение таких «теорий» тоже следует отнести к заслугам Прудона.

«Мир, человечество, капитал, промышленность, деловая практика существуют: вопрос только в поиске их философии, иными словами, в том, чтобы организовать их»[99], – заявляет Прудон. И хотя выясняется, что в этой фразе Прудон вновь упрекает социалистов в том, что они вместо поиска решения заняты поиском капиталов, – и тогда «что же удивительного в том, что им не хватает реальности?»[100], – ясно, что с тем же упреком он готов обратиться и к экономистам-рыночникам, однако ведет прежде всего к тому, что именно он в своем труде озабочен тем, чтобы дать человечеству новую философию. Во обеспечение этой своей стратегической задачи Прудон хоть и подспудно, но старательно, шаг за шагом стремится к созданию вокруг своей пер-

---

[98] Proudhon P.J. T. I. – P. 109.

[99] Proudhon P.J. T. I. – P. 272.

[100] Proudhon P.J. T. I. – P. 272.

соны имиджа революционера общественных наук. В чем же заключается эта революционность? Очевидно, прежде всего – в выведении Теории формирования так называемой конституированной (синтетической) стоимости, которую Прудон, считая квинтэссенцией полезной и обменной стоимостей, предложил человечеству в качестве упомянутого «третьего правила», «факта», или «высшего закона». Этот же закон, напомним, согласно Прудону, «объясняет фикцию капитала и миф о собственности и примиряет его с теорией, приписывающей труду происхождение всякого богатства». Прудон склоняется к тому, что при формировании конституированной (синтетической) стоимости произведенного продукта следует исходить не из субъективного мнения продавца и покупателя, а из вложенных трудозатрат и времени. К такому пониманию он подбирается не спеша. «Когда мы говорим: работа этого человека стоит пять франков в день, это как если бы мы говорили: продукт ежедневной работы этого человека стоит пять франков, – сообщает Прудон. – Согласно этому анализу, стоимость, рассматриваемая в обществе, естественно сформированном путем разделения труда и обмена между производителями, представляет собой *соотношение пропорциональности продуктов, составляющих богатство*; и то, что специально называется стоимостью продукта, представляет собой формулу, которая в денежном выражении указывает на долю этого продукта в общем богатстве. – Полезность является основой стоимости; труд фор-

мирует отчет; цена – это выражение, которое, помимо аберраций (искажений), которые нам придется изучить, переводит этот отчет. / Таков центр, вокруг которого колеблются полезная стоимость и обменная стоимость, точка, в которой они разрушаются и исчезают; таков абсолютный, неизменный закон, который доминирует над экономическими потрясениями, капризами промышленности и торговли и который управляет прогрессом»[101].

Полезность является основой стоимости; труд формирует отчет; цена – выражение, которое переводит этот отчет. Таков центр, вокруг которого колеблются полезная стоимость и обменная стоимость, таков закон, который доминирует над экономическими потрясениями и управляет прогрессом

---

[101] Proudhon P.J. T. I. – P. 89. (Курсив по оригиналу.)

«Что за система, которая заставляет торговца с восторгом думать о том, что предприятие скоро сможет обойтись без людей! Механика избавила капитал от гнета труда! Это как то, если бы министерство старалось избавить бюджет от гнета налогоплательщиков».

П.-Ж. Прудон, «Философия нищеты»

Оставим за доброй волей вдумчивого читателя подробное выяснение того, как следует понимать действие сформулированного Прудоном закона на практике. Здесь же отметим от имени и «по поручению» Прудона, что «теория измерения или пропорциональности стоимостей, да будет известно, – это сама теория равенства. Аналогично, фактически, в обществе, где мы видели, что тождество между производителем и потребителем является полным, доход, выплачивае-

мый бездельнику, подобен ценности, брошенной в огонь Этны; так же рабочий, которому назначается чрезмерная заработная плата, подобен жнецу, которому дают целую буханку за один колос: и все, что экономисты назвали непроизводительным потреблением, не что иное, как в основе своей нарушение закона пропорциональности»[102].

В качестве промежуточного итога своих умозаключений Прудон, среди прочего, приходит к такому пониманию теории последовательного структурирования стоимостей, при котором рецептом общественной гармонии становится необходимость «непрерывно производить с наименьшими трудозатратами, максимально возможным количеством и наибольшим разнообразием стоимостей, чтобы обеспечить достижение для каждого наибольшей суммы физического, духовного и интеллектуального благополучия, а для всего человеческого вида – высочайшего совершенства и бесконечного величия»[103].

В вопросе достоинств и пороков конкуренции, то есть того же вопроса противоречия между трудом и капиталом, Прудон придерживается политики центризма: он признает, что рыночная система несовершенна, но не отрицает ее преимуществ по существу. Для подтверждения отрицательной стороны «медали» Прудон приводит мнения экономистов Бланки́ и Дюпена: «Г-н Бланки́…соглашается с г-м Дюпе-

---

[102] Proudhon P.J. T. I. – P. 90.

[103] Proudhon P.J. T. I. – P. 111.

ном, то есть с практикой, что конкуренция не свободна от упреков… Г-н Дюпен… приводит в качестве обвинения конкуренции мошенничество, продажу фальшивых грузов, эксплуатацию детей»[104]. В свою очередь, позицию защиты конкуренции излагает г-н Пасси, который в пересказе Прудона «со своей обычной логикой замечает, что всегда найдутся нечестные люди, которые и т. д., – Обвиняйте человеческую натуру, восклицает он, но не конкуренцию»[105]. Сам Прудон высказывается по этому поводу минутой раньше, когда говорит, что «предотвращение или невмешательство – вечная альтернатива экономистов: их гений не выходит за рамки этого. Напрасно им кричат, что речь не идет ни о том, чтобы что-то предотвращать, ни о том, чтобы все разрешать; то, что от них требуется, что ожидает общество, – примирение: эта двойная идея не умещается в их мозгу»[106].

Если возвратиться к вопросу о том, в чем видел собственное призвание Прудон, то следует заметить, что он незаметным для праздно интересующегося читателя образом, как бы между прочим, привнес в дело еще одно ценнейшее определение одного из самых ключевых понятий, с помощью которых человек отличает себя от животного, – понятие свободы, заявив, что «свобода тем более совершенна, чем больше

---

[104] Proudhon P.J. T. I. – P. 219.

[105] Proudhon P.J. T. I. – P. 219.

[106] Proudhon P.J. T. I. – P. 218.

она соотносится с законами разума»[107]…И чем больше она соотносится с законами разумного ограничения, – позволим себе продолжить эту мысль Прудона, – которые устанавливаются не сами по себе, а в форме государства и силой государства, понятие о котором необходимо сопровождает понятия о свободе и разуме.

Свобода тем более совершенна, чем больше она соотносится с законами разумного ограничения, которые устанавливаются не сами по себе, а в форме государства и силой государства, понятие о котором необходимо сопровождает понятия о свободе и разуме

Однако с государством у Прудона отдельные взаимоотношения: будучи одним из основателей идеологии анархизма, он полагал, что пореформенное состояние общества не подразумевает необходимости существования государства. С каковым тезисом, кстати, полностью согласуется также возникшее постфактум положение классического марксизма о конечном «отмирании государства»: работа Ф. Энгельса «Анти-Дюринг», в которой обосновывается это положение, была впервые опубликована в 1878 г. Однако изначально, следуя за первооткрывателями законов общественного развития, Прудон в отношении государства стал продолжателем Гегеля, заявившего однажды, что «государство само по себе есть нравственное целое, осуществление же свободы

---

[107] Proudhon P.J. T. I. – P. 159.

есть абсолютная цель разума»[108] (гегельянством, напомним, Прудона «заразил» Карл Маркс).

С Прудоном как с продолжателем Гегеля, однако, впоследствии диссонировало другое положение классического марксизма, выведенного Энгельсом в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1884 г.), – о том, что «современное представительное государство есть орудие эксплуатации наемного труда капиталом» [109]. Революционерам же, развивал Энгельс свою мысль, высказанную ранее в «Анти-Дюринге», государство также потребуется, но лишь на время, необходимое для подавления, в свою очередь, тех, кто ранее подавлял рабочих, – господствующих классов. Именно это понимание государства взял на буквальное вооружение в скором будущем Ленин, когда заявил, что «государство – аппарат насилия в руках господствующего класса»[110], – имея в виду, точно по Энгельсу, что этим самым господствующим классом должен в итоге стать неимущий пролетариат. Именно к этому Ленин повел дело на практике, и нам сегодня следует вновь признать, что скорее Прудон оказался прав в своем, приведенном выше, опре-

---

[108] Гегель Г. В. Ф. Сочинения. В 14-ти тт. Т. VII. Отдел третий. Государство. – М.-Л.: Соцэкгиз, 1934. – С. 267–268.

[109] Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2-е изд., т. 21. – М.: Госполитиздат, 1961. – с. 171–172.

[110] Ленин В. И. Карл Маркс. ПСС (третье издание). В 30-ти тт., т. 19. – Л.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1935. – С. 74.

делении совершенства свободы в прямой зависимости от ее соотношения с разумом, нежели его современники Маркс и Энгельс (и еще менее Ленин), требовавшие революционной смены господствующих классов: такие революции, как показала История, приводят к тому, что из некогда подавляемого пролетарского большинства по завершении всех революционных преобразований неизменно выделяется новая узкая прослойка собственников, которая в точности, как до того свергнутая ими старая прослойка хозяев, принимается подавлять вновь остающееся «на бобах» неимущее большинство.

«Государство само по себе есть нравственное целое, осуществление же свободы есть абсолютная цель разума».

Г.В.Ф. Гегель, «Государство»

Революционная смена господствующих классов приводит к тому, что из некогда подавляемого пролетарского большинства выделяется новая узкая прослойка собственников, которая в точности, как до того свергнутая ими старая прослойка хозяев, принимается подавлять вновь остающееся «на бобах» неимущее большинство

К слову, об анархизме Прудона, о которым мы вскользь упомянули выше. Ярость критики, которую обрушили на него Маркс и Энгельс, имела тем меньше оснований, чем более схожими и, если угодно, анархическими в отношении государства были их собственные взгляды. Энгельс в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» заявлял: «Государство существует не извечно. Были общества, которые обходились без него, которые понятия не имели о государстве и государственной власти. На определенной ступени экономического развития, которая необходимо связана была с расколом общества на классы, государство стало в силу этого раскола необходимостью. Мы приближаемся теперь быстрыми шагами к такой ступени развития производства, на которой существование этих классов не только перестало быть необходимостью, но становится прямой помехой производству. Классы исчезнут так же неизбежно, как неизбежно они в прошлом возникли. С исчезновением классов исчезнет неизбежно государство. Об-

щество, которое по-новому организует производство на основе свободной и равной ассоциации производителей, отправит всю государственную машину туда, где ей будет тогда настоящее место: в музей древностей, рядом с прялкой и с бронзовым топором»[111]. Но классы не исчезли, как не собирается, судя по всему, отмирать и государство. И не Маркс с Энгельсом, Плехановым и Лениным, следовательно, оказались правы, а скорее Прудон, отказавшийся на смертном одре от идей анархизма, увидевший невозможность их реализации ни в каком отдаленном будущем…

---

[111] Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2-е изд., т. 21. – М.: Госполитиздат, 1961. – С. 173.

«Современное представительное государство есть орудие эксплуатации наемного труда капиталом».

Ф. Энгельс, «Происхождение семьи, частной собственности и государства»

Но не только в отношении роли государства и не только с положениями классического марксизма вступает в спор Прудон в своей «Философии нищеты». Так, в полемике с экономистом Шевалье, настаивавшем на срочном проведении образовательных реформ во Франции, Прудон между делом высказывает сомнения в целесообразности одномоментного предоставления всем слоям общества избирательных прав, говоря, что «общее количество гражданских должностей составляет шестьдесят тысяч или три тысячи ежегодных вакансий; какой ужас для власти, если, внезапно приняв реформистские идеи г-на Шевалье, она окажется в осаде пятидесяти тысяч просителей!», и продолжает: «Следующее возражение часто выдвигалось республиканцам без ответа с их стороны: когда у каждого будет удостоверение избирателя, станут ли депутаты лучше, а пролетариат – более продвинутым? Я обращаюсь к г-ну Шевалье с тем же вопросом: когда каждый учебный год принесет вам сто тысяч специалистов, что вы будете делать?»[112].

Оставим в стороне специфические аргументы, касающиеся спора об образовательной реформе, – тем более, что сомнений в необходимости обеспечения преференций для реализации лозунгов Великой французской революции о свободе, равенстве и братстве Прудон, кажется, не высказывает. Но отдадим должное Прудону в том, что касается его сомнений в преимуществах теории всеобщего избирательно-

---

[112] Proudhon P.J. T. I. – P. 134.

го права. История человечества во времена, последовавшие за теми, в течение которых жил и работал Прудон, не раз являла примеры самых негативных последствий внезапного обретения массами избирательных прав – когда к условно называемым «высшим» слоям общества в руководящей верхушке в одночасье присоединялись представители из условно «низших»: в таких случаях подонков во власти в одночасье оказывалось (и по сей день оказывается во всех уголках мира) в два раза больше, и они, разумеется, всегда бывали (и по сей день бывают) менее всего заинтересованы в обеспечении подлинного представительства интересов тех, кто их выбирал.

Когда у каждого будет удостоверение избирателя, станут ли депутаты лучше, а пролетариат – более продвинутым? В таких случаях подонков во власти в одночасье оказывается в два раза больше

И в целом демократические свободы, если они появлялись внезапно, как правило приводили в замешательство тех, во имя которых они были провозглашены. Масса, находившаяся в течение веков и тысячелетий в той или иной форме зависимости от руководивших ею привилегированных слоев, являла собой растерянное от открывшихся возможностей стадо домашних животных, для которых вдруг открылись ворота загона: «животные» разбредались, кто куда, иные выживали, другие попадали в лапы диких «зверей», то есть переходили в разряд изгоев общества, пополняя ряды

преступных сообществ. Так произошло в России в 1861 г., когда крестьян, веками находившихся в рабской зависимости от помещиков, в одночасье освободили: крестьяне попросту не знали, что делать с этой свободой.

Изменения в общественном устройстве, наступавшие одномоментно под воздействием революционного рвения масс, ведомых пассионариями, не только потрясали государственное устройство, но и приводили к самым кровавым последствиям: к таким результатам привели войны короля с парламентом в Англии в XVII в., ужасающими по количеству бессмысленно пролитой крови стали и результаты Великой французской революции. Перечень аналогичных примеров продолжился затем в XIX в. во Франции и в других странах, а также в России в начале XX в.: революционные реформы, направленные на ликвидацию проявлений абсолютизма, демократизацию общества и расширение прав тех, кто их был до того лишен, неизменно и повсеместно приводили к установлению еще худших, не виданных до того форм авторитаризма и деспотии, – достаточно в рамках этого обсуждения упомянуть имена Кромвеля в Англии, Робеспьера и Наполеона во Франции, Сталина в России…

Причем не только реализация революционных политических реформ в разных частях света приводила к мало ожидаемым и зачастую кровавым последствиям. Реформы экономического порядка, осуществлявшиеся в новейшие времена истории человечества, если они проходили одномомент-

но, также не несли за собой ожидавшихся положительных результатов. Так было с внезапным вхождением экономики России в рыночные отношения в начале 90-х гг. XX в., когда распределение акций предприятий в виде «ваучеров» в массе населения привело к масштабному мошенничеству и сосредоточению владельческих прав в среде немногочисленной группировки жуликов, обеспечивших настоящее, прямо по Марксу, слияние государства и капитала. Массы здесь не обрели того, что для них предназначалось реформой, а страна так и не оказалась приобщенной к рынку в его цивилизованной форме; капитал здесь по-прежнему, на момент первой четверти XXI в., оставался в тесном сращении с авторитарным государством, находился в прямой зависимости от его аппарата, а рынок существовал в рамках искаженной, усеченной этим государством модели. И целый ряд стран в постсоветском пространстве, таких, как Белоруссия, ступали по этому пути след вслед за Россией…

В чем же дело? Как обеспечить совпадение устремлений революционеров к обеспечению демократических прав и свобод с готовностью к реализации этих прав и свобод тех, для кого они предназначаются? Очень просто: исходя из приведенной выше полемики Прудона и заданных им патетическим тоном вопросов, массы должны быть заранее подготовлены к реализации революционных реформ в политике и экономике; культурный и образовательный уровень большинства населения должен быть таким, чтобы каждый из

участников общественного процесса понимал – что именно воспоследует в случае его голосования на выборах за того или иного политика, ту или иную партию; какие возможности для расширения своего благосостояния он обретет, или, наоборот, потеряет, если речь идет о реформах экономического порядка. Без этого проведение каких бы то ни было реформ теряет всяческий смысл, а революции необходимо ведут лишь к массовому пролитию крови и последующей деградации общественных отношений.

Демократические свободы, если они появлялись внезапно, как правило приводили в замешательство тех, во имя которых они были провозглашены. Масса, находившаяся в течение веков и тысячелетий в зависимости от руководивших ею слоев, являла собой растерянное от открывшихся возможностей стадо домашних животных, для которых вдруг

открылись ворота загона

Примечательно, что в полемике с экономистом Шевалье Прудон, сам того не ведая, приближается к оценке реализации марксистских идей на практике, предпринятой сначала в России после переворота 1917 г., а затем и в других странах и частях света: то есть оценка событий произошла в сознании Прудона задолго до того, как произошли сами эти события. Причем попытки реализации идей марксизма на практике были настолько же настойчивыми, продолжившись в искаженных формах даже и в XXI в., насколько и безуспешными, а Прудон вновь оказался провидцем еще и в этом вопросе, присоединившись в полемике с Шевалье к представителю другой экономической школы – г-ну Дюнойе. «Если государство обязано всем дать образование, то вскоре появится претензия на то, что оно должно дать работу, потом жилье, потом еду… К чему это приведет?»[113] – цитирует Прудон Дюнойе, не предполагая, что именно такую патриархальную, заведомо ошибочную по своей сугубо потребительской сущности схему государственно-экономического устройства безуспешно попытаются внедрить сначала большевики в СССР после 1917 г., а затем и их последователи по всему миру.

Если государство обязано всем дать образование, то вскоре появится претензия на то, что оно должно

---

[113] Proudhon P.J. T. I. – P. 136.

дать работу, потом жилье, потом еду… К чему это приведет?

* * *

Достоинства и недостатки рассуждений, нестандартной позиции Прудона в отношении тех, кто находился (и находится поныне) по «правую» или «левую» сторону рыночных отношений, мы уже, кажется, обсудили в достаточной мере. Но что делать? Какие средства предлагает Прудон для разрешения противоречия между трудом и капиталом?

В размышлениях о причинах распространения нищеты Прудон, среди прочего, заговаривает о том, о чем в принципе не принято говорить в ученой среде, в которой любые явления, включая нищету, представляют, как Маркс, в виде расчетов, будто бы объясняющих все. «Первоначальная задача для всех одинакова: почему, еще раз, крещение цивилизации не дало одинакового эффекта для всех? – задается вопросом Прудон. – Разве это не означает, что сам прогресс является привилегией, и что человеку, у которого нет ни колесницы, ни коня, предназначено вечно блуждать в грязи? О чем я говорю? для полностью обездоленного человека желание спастись нереализуемо: он упал настолько низко, что даже амбиции погасли в его сердце»[114]. В поиске выхода из это-

---

[114] Proudhon P.J. T. I. – P. 140.

го положения Прудон вновь ссылается на Дюнойе, который, в свою очередь, говорит о необходимости, «чтобы человек уже приобрел на работе определенное благополучие, прежде чем он почувствует с некоторой живостью эту потребность улучшить свое состояние, которое я называю жаждой благосостояния»[115]. Не правда ли, как это перекликается с уже высказанным нами ранее тезисом – о том, что культурный и образовательный уровень большинства населения должен быть таким, чтобы каждый из участников общественного процесса понимал – что именно воспоследует в случае его голосования на выборах за того или иного политика, ту или иную партию; какие возможности для расширения своего благосостояния он обретет, или, наоборот, потеряет, если речь идет о реформах экономического порядка? И это как раз то, о чем говорит Прудон, осторожно ссылаясь на Дюнойе: прежде чем требовать от человека стремления к улучшению своего благосостояния, сначала нужно, во-первых, освободить его от тягостных дум об элементарном куске хлеба и крыше над головой, а затем уже предоставить ему, через просвещение и развитие интеллекта, возможности сознательного принятия важных решений, влияющих на его личное благосостояние, но касающихся в целом политического устройства и организации экономики. Да, пусть в этом моменте мы возвращаемся к тому, против чего протестовали ранее вместе с Прудоном и Дюнойе – против иждивенческих требований к госу-

---

[115] Proudhon P.J. T. I. – P. 141.

дарству о предоставлении работы, потом жилья, еды и т. д. Но именно в этом и состоит роль государства при разрешении проблемы противоречия между трудом и капиталом – в том, чтобы создать и гарантировать равные права и возможности для всех, кто готов прилагать собственные усилия для улучшения своего положения в обществе. Проще говоря, эта роль заключается в том, чтобы сначала накормить человека как следует, а потом требовать от него проявления высоких стремлений и дум.

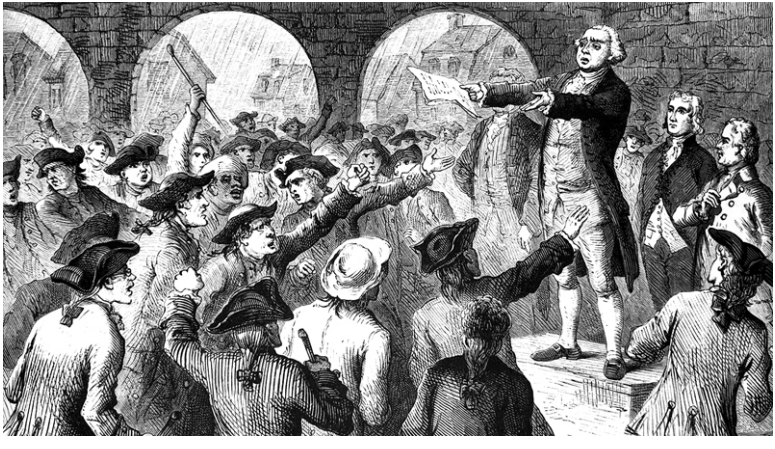
Прежде чем требовать от человека стремления к улучшению своего благосостояния, сначала нужно освободить его от дум о куске хлеба и крыше над головой, а затем уже предоставить ему, через просвещение, возможности сознательного принятия важных решений

…Тут вы скажете, что если не совершать революций, не отбирать капиталы у богатых, чтобы распределить их среди бедных, то возможности останутся по-прежнему неравными: капиталы останутся в руках у тех, кто родился в семьях, владеющих этими капиталами; у «низших» же слоев как не было капиталов до появления на свет их новых представителей, так им и неоткуда будет взяться. Но речь не о заведомом, a priori, наличии капитала: сам по себе капитал еще не гарантирует наличия у его владельца стремления к повышению своего культурного, образовательного уровня и к увеличению этого имеющегося капитала; нерадивый представи-

тель «высших» слоев способен его попросту прогулять. Поэтому речь идет о ***равных возможностях*** реализовать себя в условиях рыночной экономики. «Равенство, его принцип, его средства, его препятствия, его теория, причины отсрочек его наступления, причина общественного и изначального неравенства: вот то, что следует изучить, невзирая на сарказм неверия»[116], – говорит об этом в Прологе к своей «Философии нищеты» Прудон. Следовательно, роль государства заключается еще и в том, чтобы создать такой высокий ***уровень развития рыночной экономики***, каковой необходимо обеспечит равенство прав и возможностей как для тех, кто обладает капиталом от рождения, так и для тех, кто этого капитала a priori лишен, зато не лишен устремления и решимости улучшить как свой образовательный и культурный уровень, так и уровень благосостояния. Таких возможностей не способна, как показывает исторический опыт, предоставить так называемая социалистическая, распределительная экономика: непременным условием развития рынка является не социализм (и не так называемая социалистическая демократия как ее суррогат), а ***демократия*** как форма общественно-государственного устройства, для развития которой, в свою очередь, требуется соблюдение ряда необходимых условий – таких, как приоритет прав личности, свобода собраний, вероисповеданий; свободные выборы; независимый суд; свободные сми; разделение властей и т. д.

---

[116] Proudhon P.J. T. I. – P. 29.



Роль государства при разрешении проблемы противоречия между трудом и капиталом состоит в том, чтобы создать и гарантировать равные права и возможности для всех, кто готов прилагать собственные усилия для улучшения своего положения в обществе

Но разумеется также, что как понятие свободы становится осязаемым лишь при условии ее ограничения рамками разума (выше мы это уже обсуждали), так и понятие демократии обретает смысл в заранее определенных границах, точнее – в границах уголовного кодекса, за которыми в ходе реализации демократии на практике одним членом общества начинаются нарушения прав другого.

Понятие демократии обретает смысл в заранее

определенных границах, точнее – в границах уголовного кодекса, за которыми в ходе реализации демократии на практике одним членом общества начинаются нарушения прав другого

И пусть, как возражают на это всегда сторонники марксизма-ленинизма, попытки построения социализма приводят к действительному (по их мнению) наступлению равенства всех слоев населения: это равенство – иллюзорное, это равенство пребывания огромного большинства в нищете, за исключением жирующей на этой нищете узкой прослойки правящей номенклатуры, реализующей свои амбиции в условиях авторитарных государств. И это на практике гораздо хуже всех вместе взятых издержек рыночных отношений, вроде периодических кризисов, ценового свирепства и бездушия монополий: в конце любого спада на рынке всегда находится рост; у нищеты регулируемой экономики есть только вход, выход отсутствует.

Социалистическое равенство иллюзорно, это равенство пребывания большинства в нищете, за исключением прослойки правящей номенклатуры. В конце любого спада на рынке всегда находится рост; у нищеты регулируемой экономики есть только вход, выход отсутствует

Но важно помнить, что успех на пути выхода из нищеты находится в руках не только одного государства, исповедующего демократические устои в политике и рыночные –

в экономике. Как нельзя, если говорить о религии, насильно затащить человека в рай, так невозможно заставить человека жить лучше, если он сам того не желает: выше мы лишь коснулись этого вопроса, еще раз обратим на него внимание здесь. «Заставить народ пользоваться преимуществами образования? – Это невозможно»[117], – прямо заявляет Прудон, и нельзя сказать, что у него не достает оснований для таких заявлений. Однако нам следует сказать о таких кажущихся эфемерными понятиях, как устремления, расположенность, готовность и ***решимость самого человека*** к тому, чтобы предпринимать усилия, направленные на улучшение своего благосостояния. Об этих качествах не принято говорить в ученой среде, но именно они, присущие конкретному индивидууму или отсутствующие у него, являются еще одним непременным (хотя и не достаточным, как и остальные) условием для разрешения противоречия труда и капитала. Прудон подводит к этой мысли, за что следует в очередной раз отдать ему должное, хотя далее он и развивает свои рассуждения до сомнительного постулата о «дикости» рабочих слоев: «Нищета рабочих классов происходит в основном из-за их нехватки сердечности и духовности, или, как где-то сказал г-н Пасси́, из-за слабости, инерции их духовных и интеллектуальных способностей. Эта инерция объясняется тем, что так называемые рабочие классы, все еще частично дикие, не чувствуют с достаточной живостью желания улуч-

[117] Proudhon P.J. T. I. – P. 336.

шить свое положение». Простим Прудону эту «дикость», тем более, что далее он вполне разумно объясняет ее тем, что «поскольку это отсутствие желания само по себе является результатом нищеты, из этого следует, что нищета и апатия являются другим следствием и причиной, и что пролетариат находится в замкнутом кругу»[118]. Действительно, «дикими» представители рабочих слоев остаются лишь потому, что изначально, по факту рождения в нищете, в обездоленных семьях, их разместили на нижнем этаже общественного устройства, оставив практически без какой-либо возможности оторваться от этого дна, чтобы улучшить свое положение. И здесь Прудон в очередной раз фактически подтверждает постулат о собственности как продукте воровства – при том, что у рабочих заранее украли не только и не столько капитал, сколько саму возможность встать с колен. Но означает ли это, что если всей массе рабочих в одночасье предоставить возможность встать с колен – получить образование и улучшить свое благосостояние, то вся эта масса, как один, использует эту возможность по назначению? Мы уже говорили: большинство ни за что не воспользуется такой возможностью, а растранжирит ее, сочтя безнадежными любые попытки соревноваться с теми, кому высокое положение и владение капиталом достались по наследству. Говорили мы ранее и о том, что не всякий представитель так называемых «высших» классов, которому волею судеб заранее были предо-

---

[118] Proudhon P.J. T. I. – P. 141.

ставлены привилегии во владении капиталом, в пользовании административными возможностями и прочими преимуществами высокого положения, воспользуется этими привилегиями: многие предпочтут прогулять и само благосостояние, и возможность его улучшить.

Итак, мы решили – вместе с Прудоном, а он, в свою очередь, в совокупности с современными ему экономистами и учеными прошлого, – что для разрешения противоречия между трудом и капиталом, или, проще говоря, для ликвидации нищеты в рабочих слоях требуется изначально гарантировать для этих слоев заработок, достаточный как для поддержания достойного уровня материального благосостояния, так и для повышения своего образовательного и культурного уровня. Что, в свою очередь, позволит представителям рабочих слоев поднять голову из небытия, в котором они пребывали в эпоху зарождения капитала, и уже сознательно принимать решения, касающиеся как своего собственного развития, так и направлений развития общества и государства. Мы также сказали, что реализация этой схемы возможна лишь в условиях демократии, действующей в совокупности со всей полнотой рыночной экономики, включая комплекс ее преимуществ и недостатков. Таким образом, в свою очередь, будет обеспечено если и не полное равенство возможностей в повышении материального и образовательного уровня для всех слоев населения, то очень близкое к этому. В итоге, шаг за шагом мы подвели себя к составлению

некоей формулы, примитивной по существу, но тем не менее демонстрирующей совокупность условий, которые требуется соблюдать человечеству для перманентного разрешения вековых противоречий труда и капитала. Эта условная ***формула общественного счастья*** может выглядеть как:

(M+D) + E + A = Sc

где «M+D» – создаваемая государством рыночная экономика в ее взаимодействии с демократической формой общественно-государственного устройства (здесь «M» происходит от слова «market» – рынок, а «D» – от слова «democracy» – демократия); «E» – от слова «equality» (равенство) – обозначает равные возможности для улучшения материального благосостояния и образовательного уровня; и «A» – от слова «aspiration» (устремление) – обозначает ту самую решимость и готовность нуждающихся в улучшении своего благосостояния тратить собственные усилия на достижение этой цели. «Sc» в качестве искомого результата состоит, в свою очередь, из латинских «S» – от слова «solution» (решение) и «c» – от слова «contradiction» (противоречие). То есть: ***рынок во взаимодействии с демократией и равные возможности вкупе с собственными устремлениями индивидуума приведут к выходу из нищеты***.

Условием развития рынка является не социализм, а демократия как форма общественно-государственного устройства, для развития которой требуется соблюдение ряда условий – таких, как приоритет прав личности, свободные выборы, независимый суд, свободные сми; разделение властей и т.д.

Разумеется, не все так просто: данные этой формулы слишком абстрактны, их расплывчатость не позволяет раз и навсегда разрешить проблему противоречия между трудом и капиталом для всего человечества во всех частях света: мы не располагаем числительными, которыми можно было бы заменить буквенные обозначения нашей «формулы об-

щественного счастья». Насколько различен уровень общественно-государственного и экономического развития в разных странах, насколько различны культурные, религиозные и этно-государственные традиции народов, в них проживающих, настолько же будут отличаться понятия рынка и демократии, бытующие в этих странах и у этих народов, в каждом отдельном случае. Более того, внутри составляющих этой формулы заложены собственные противоречия, состоящие в отсутствии точного определения рыночного состояния экономики и равных, возможностей для нуждающихся в улучшении своего благосостояния. В самом деле: если с демократией все более-менее ясно – ее определение, вкупе с тем, которое мы осмелились привести выше, до нас уже сформулировали многие (несмотря на вопли автократов по всему миру о порочности этой формы общественно-государственного устройства в сравнении с положительными, будто бы, свойствами диктатур), – то как можно зафиксировать момент развития экономики, в котором оканчивается государственное регулирование и начинается рынок? И что значит «равные права и возможности»? В каких единицах их следует измерять? Даже простой сравнительный пересчет предприятий, находящихся в государственной и частной собственности, не гарантирует достоверного определения уровня рыночных отношений: частный капитал, находящийся в руках лояльных к власти олигархов, как показывает практика таких государств, как Россия и Китай, и в XXI в. не воспро-

изводит условий для функционирования по-настоящему рыночной экономики.

Частный капитал, находящийся в руках лояльных к власти олигархов, как показывает практика таких государств, как Россия и Китай, и в XXI в. не воспроизводит условий для функционирования по-настоящему рыночной экономики

В ряду из четырех понятий, из которых складывается результат, лишь одно – решимость желающих улучшить свое благосостояние, на удивление, оказывается достаточно подходящим для перевода в числительное: эта решимость, если она существует у конкретного индивидуума, обязательно проявляется во взаимодействии с остальными необходимыми обстоятельствами, и измеряться она может, например, в количественных показателях тех городских и сельских пролетариев, которые в определенный момент своего развития решаются потратить усилия и средства на повышение образовательного и (или) профессионального уровня с конечной целью улучшения своего благосостояния. Можно, например, подсчитать, сколько из них успешно сдает вступительные экзамены при поступлении в соответствующие учебные заведения в определенный отрезок времени, какое количество их оканчивает и находит работу с повышением оплаты своего труда и уровня положения в административной иерархии, – в сравнении с той оплатой и тем положением, которое занимали эти граждане до того. Но остальные составляющие

формулы по-прежнему сохранят свое положение в рамках буквенных обозначений. И это подтверждает, что одномоментного разрешения главного вопроса всех времен и народов – о противоречии между трудом и капиталом, не существует. Но это и не требуется. «Нет пути к свободе, потому что свобода и есть путь», – сказала однажды премьер-министр Индии Индира Ганди. Точно так же нет пути к достижению всеобщего экономического счастья, потому что оно заключается в неустанном следовании путем его поиска.

О чем мы говорим? – О том, что в целом ряде стран, таких, как США, промышленно развитых странах Европы и Азии, противостоящих примером своих рыночных отношений и высокого уровня демократии политике огосударствления бизнеса и превращения граждан в простые винтики авторитарного механизма, удалось приблизиться к тому, чтобы максимально большие слои населения находились на устойчиво высоком, далеком от нищеты уровне благосостояния. Противники демократии и рынка по всему миру тотчас примутся возражать, что успех этих государств будто бы доказывает старую истину о превосходстве над неимущими пролетариями тех, кто по факту рождения оказался наделенным богатством: таким же образом, скажут они, государства, лишенные обширных территорий и ресурсов, оказываются в заведомо неравном положении в сравнении с теми странами, которые, напротив, этими территориями и ресурсами располагают изначально. Но логика этого рассуждения будет

правильной только в случае, если само рассуждение будет доведено до конца: точно так же, как повеса из богатой семьи способен прогулять даром доставшееся ему состояние, и государства, наделенные громадными территориями и богатейшими ресурсами, в состоянии их бесконечно «проматывать» на коммунистические эксперименты, неизменно приводящие к обеднению масс. Примером этого стала экономическая история России, начиная с послереволюционного периода первой четверти XX в., включая весь советский период, продолжением которого стала путинская автократия с ее искаженной государственно-частной формой капитализма, а также история последовавших ее путем других государств в разных частях света, вроде кастристской Кубы, коммунистического Китая, постсоветских автократий и диктатур в Белоруссии, Туркменистане и других стран в конце XX – первой четверти XXI вв.

Так же, как повеса из богатой семьи способен прогулять даром доставшееся ему состояние, и государства, наделенные громадными территориями и богатейшими ресурсами, в состоянии их бесконечно «проматывать» на коммунистические эксперименты, неизменно приводящие к обеднению масс

…Но мы, кажется, на время забыли о предмете нашего обсуждения – работе Прудона «Философия нищеты», написанием которой он, между тем, непосредственно содействовал созданию приведенной выше формулы. И вот как имен-

но он это осуществил.

«Чтобы конкуренция была универсальной, нужно обеспечить для всех возможность конкурировать; необходимо уничтожить или изменить господство капитала над трудом, изменить отношение хозяина к работнику, одним словом, антиномию разделения труда и машин; нужно организовать труд».

П.-Ж. Прудон, «Философия нищеты»

Во-первых, Прудон первым настаивал на необходимости обеспечения тех самых равных возможностей для участия в конкуренции, в возможности чего (но не в необходимо-

сти) мы сами выражали сомнения выше. «Чтобы конкуренция была универсальной, нужно обеспечить для всех возможность конкурировать; необходимо уничтожить или изменить господство капитала над трудом, изменить отношение хозяина к работнику, одним словом, антиномию разделения труда и машин; нужно ОРГАНИЗОВАТЬ ТРУД»[119], – заявил в полемике с экономистом Дюнойе Прудон.

Кроме того, погружаясь в очередной раз в глубину противоречий с самим собой, Прудон, напомним, яростно оппонирует наступлению технического прогресса, доказывая на примере расширения железных дорог, что внедрение новой техники через ликвидацию ручного труда ведет к безработице и обнищанию масс. «Давайте теперь предположим, что все эти трудности преодолены, – пытается найти выход из положения Прудон (и для нас отправной точкой для составления формулы были примерно такие же рассуждения), – давайте предположим, что рабочих, потерявших работу с появлением железной дороги, будет достаточно для исполнения услуг, которые требуются для поддержания мощности локомотива, что компенсация осуществляется без разрывов, никто не пострадает; напротив, благосостояние каждого увеличится на долю прибыли, получаемой от железнодорожных перевозок. Кто тогда, спросят меня, препятствует тому, чтобы вещи происходили с такой регулярностью и определенностью? И что может быть проще для разумного правитель-

---

[119] Proudhon P.J. T. I. – P. 210.

ства, чем управлять всеми переходными процессами в промышленности таким образом?»[120]. Никто, – ответили мы выше в ходе расшифровки составляющих формулы, – за исключением тех членов общества, которые и при наличии обстоятельств, способствующих повышению прогресса общества в целом и росту уровня их личного благосостояния, вполне добровольно не участвуют в этом общественном и личном прогрессе, оставаясь там, где они есть. Ответ Прудона отличается от нашего, но не слишком: «То, что связывает прогресс общества и заставляет его переходить от Харибды к Сцилле, заключается именно в том, что оно не организовано»[121]. Но еще точнее на этот свой вопрос Прудон ответил там, где сравнил движение человечества с движением колонны солдат, которые, «уходя одним и тем же шагом в одно и то же мгновение под размеренные удары барабана, постепенно теряют свои интервалы. Все движется вперед; но расстояние от головы до хвоста безостановочно удлиняется; и это обязательный эффект движения – чтобы были отставшие и заблудшие»[122]. Но да не воспримут это высказывание Прудона как свидетельство его заведомо жестокого отношения к тем слабым и заблудшим, у которых не хватило сил соответствовать напряжению марша. Прудон говорит здесь не в принципе об отставших, но о тех, кто сделал это доб-

---

[120] Proudhon P.J. T. I. – P. 180.

[121] Proudhon P.J. T. I. – P. 180.

[122] Proudhon P.J. T. I. – P. 172.

ровольно, от нежелания прилагать какие бы то ни было усилия для улучшения собственного благосостояния. Это правда, что их ожидает незавидный удел, но, конечно, их не следует вскармливать, как трутней, за счет тех, кто, наоборот, прилагает усилия для движения вперед: иначе этот вариант будет походить на горячо опротестовываемую здесь систему распределительной экономики.

…Возвращаясь к теме сравнения постулатов Прудона с мировоззрением его яростного противника Маркса, к оценке Марксом уровня подготовленности Прудона, следует заметить, что Прудон, в отличие от своего всесторонне образованного противника, действительно скорее самоучка: один окончил гимназию, изучал целый ряд предметов в университетах Бонна и Берлина, другой не смог, в силу жизненных обстоятельств, окончить колледж Безансона и потом лишь в самостоятельном режиме, несистемно, изучал труды экономистов и философов прошлого. Еще ранее само различие в происхождении обоих предопределило отставание Прудона от Маркса в том, что касается образованности и широты кругозора: Маркс появился в семье адвоката, отцом Прудона был бывший крестьянин, перешедший в разряд рабочих пивоваренного завода; Прудону с ранних лет было не до чтения книг – нужно было зарабатывать на хлеб, Маркс же располагал свободным временем для основательной подготовки. В результате для трудов Прудона местами характерен поверхностный подход, они изобилуют рассуждизмами и отли-

чаются бóльшим, нежели у Маркса, многословием; для рассуждений Маркса, наоборот, характерны сосредоточенность, системный подход, кругозор и глубина знаний. И если хорошенько «прополоскать» и как следует «отжать» Прудона, то в сухом остатке, говоря простым языком, останется немного. Но это ничуть не умаляет достоинств его трудов. Ведь именно так и работают старатели на приисках, просеивая тонны песка в поисках драгоценных крупиц золота. Именно так поступаем с Прудоном и мы. Кроме того, вся конкретика Маркса, напомним, зиждется на критике Прудона и, значит, отталкивается от него: ничто не дает такого толчка прогрессу науки, как критика одних теорий и практик с точки зрения других; действие этого правила наглядно демонстрирует как раз пример соотношения трудов Прудона и Маркса.

* * *

…Марксу и Энгельсу в разных частях света наследовало – что касается попыток реализации их теории на практике, – множество энтузиастов разного калибра. В России в качестве последователей этого течения выступил Плеханов, за ним – Ленин. Причем Ленин, кажется, решил воплотить марксизм на российской почве непосредственно, отбросив как несущественный тот факт, что Маркс создавал «Капитал», отталкиваясь, как мы это показали, не в последнюю очередь от Прудона и полагаясь одновременно и прежде все-

го на опыт промышленно развитых стран Запада – но никак не на опыт России. Однако именно Россия, которая обращает на себя внимание громадностью занимаемых территорий и недр, из-за исторически возникшей и сохраняющейся по сей день отсталости в развитии экономических и общественных институтов не подпадала раньше и не подпадает до сих пор под возможность анализа так, как может быть рассмотрен и проанализирован прогресс в странах с развитóй экономикой и общественными институтами – так, как рассматривал этот прогресс Маркс. Правда, что к категории таких стран – с отсталостью экономических и общественных институтов – могут быть отнесены многие другие страны на земном шаре. Но речь идет именно о России, потому что здесь Ленин осуществил самую яркую попытку путем революции в одночасье разрешить противоречие между трудом и капиталом. И, разумеется, потерпел поражение в этой своей попытке – как мы об этом сообщали выше, и как это чудесным образом предрекал Прудон в рассматриваемой «Философии нищеты». На Западе разрыв в развитии производительных сил и производственных отношений, о котором говорили сначала Прудон, а за ним Маркс, к началу XX в. был в значительной степени преодолен: после забастовок и манифестаций, потрясших основы государственного строя как в ряде стран Европы, так и в США, в ходе которых профсоюзы выдвигали преимущественно экономические требования, рабочие в конце концов добились установления пакета

социальных гарантий. Прудон приводит свидетельства того, что уже ко времени издания «Философии нищеты» в 1846 г. в Западной Европе пенсии рабочих формировались из текущих отчислений. Россия от подобных достижений была бесконечно далека и 70 лет спустя, именно поэтому конечная цель захвата власти большевиками в октябре 1917 г., состоявшая в одномоментном преодолении противоречия между трудом и капиталом, оказалась недостижимой – по крайней мере в том виде, в каком ее пытался воплотить Ленин. Цель эту задолго до Ленина насколько легкомысленно, настолько и кратко сформулировал социалист Луи Блан, а Прудон, разумеется, яростно раскритиковал. И надо отдать должное Ленину – за то, что в статье «О кооперации», написанной в 1923 г. (за год до своей смерти в январе 1924 г.) и относимой историками к так называемому «Завещанию», он от имени коммунизма советского образца, ни в коем случае не отказываясь от постулата классовой борьбы, заявил: «Теперь мы вправе сказать, что простой рост кооперации для нас тождественен… с ростом социализма, и вместе с этим мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм»[123]. Ленин в этой статье, среди прочего, в подробностях описывает, как именно должна выглядеть социалистическая кооперация, говорит о ее преимуществах перед частным производством и необходимости обес-

---

[123] Ленин В. И. О кооперации. См.: Ленин В. И. ПСС в 55-ти тт. Т. 45. – М.: Политиздат, 1970. – С. 376.

печения преференций, НО! – уже не отказывается от самой возможности существования и развития частного производства и капитала, то есть в принципе – от рыночных отношений. Правда, Ленин сообщает, что средства производства на момент написания статьи находятся лишь «во временном пользовании» частных владельцев, что эта уступка сделана для возрождения экономики, и в продолжение своей мысли говорит вовсе не о необходимости более лояльного отношения к рыночным отношениям, как это можно было бы (и хотелось бы) предполагать. Коренная перемена точки зрения на социализм состоит, по мысли Ленина, в том, «что раньше мы центр тяжести клали и должны были класть на политическую борьбу, революцию, завоевание власти и т. д. Теперь же центр тяжести меняется до того, что переносится на мирную организационную “культурную” работу»[124]. Но даже и при этом условии очевидно, что Ленин, во-первых, был в принципе готов к переменам (и даже коренным) своих точек зрения, не стыдился и не считал это для себя чем-то зазорным, и, значит, во-вторых, при условии успешного развития новой экономической политики (нэп был начат при его жизни и по его инициативе) параллельно с кооперацией несомненно пришел бы к необходимости продолжения реформ.

Между прочим, экономические реформы в Китае привели в итоге к вполне мирному сосуществованию коммунисти-

---

[124] Ленин В. И. О кооперации. См.: Ленин В. И. ПСС в 55-ти тт. – Т. 45. – М.: Политиздат, 1970. – С. 376.

ческого государства и частного капитала. Но как то, к чему вел дело в советской России Ленин, так и тот факт, что Китаю удалось в первой четверти XXI в. достичь уровня второй, после США, экономики мира, не может служить примером удачного развития: весь «успех» Китая зиждется на громадном резерве чрезвычайно дешевой рабочей силы, особенно в сельской местности, где люди за отсутствием выбора вынуждены трудиться за гроши, обеспечивая низкую себестоимость любой (как сельскохозяйственной, так и промышленной) продукции, ее высокую конкурентоспособность на внутреннем и внешних рынках. Такое положение основной массе граждан навязано насильственно, сверху, и потому не может считаться инструментом разрешения противоречий между трудом и капиталом. К тому же отсутствие нормального, неискаженного рынка в Китае сочетается с жесткими ограничениями для развития гражданского общества, традиционными для авторитарных и диктаторских режимов во все времена.

Речь идет о России, потому что здесь Ленин осуществил самую яркую попытку путем революции в одночасье разрешить противоречие между трудом и капиталом. И, разумеется, потерпел поражение в этой своей попытке – как это чудесным образом предрекал Прудон в «Философии нищеты».

На репродукции: картина П. П. Соколова-Скаля (1899—1961 гг.) «Штурм Зимнего дворца»

На территории же СССР История распорядилась и вовсе иначе, и даже такой ущербной форме развития экономики, как в Китае, в СССР не суждено было осуществиться: Ленин умер, а его наследник на посту руководителя партии и государства свернул нэп и полностью выхолостил даже саму

мысль о какой-либо иной собственности на средства производства, кроме государственной, чем заведомо обрек и экономику этого государства, и благосостояние его граждан на постепенное и медленное, – в зависимости от мировых цен на энергоносители, – обветшание. Это был марш в никуда – в экономическую пропасть, на дне которой и скончался в агонии в конце XX в. СССР.

Ленин умер, а его наследник свернул нэп и полностью выхолостил саму мысль о какой-либо иной собственности на средства производства, кроме государственной. Это был марш в экономическую пропасть, на дне которой и скончался в агонии в конце XX в. СССР

Однако до того с упорством, заслуживающим лучшего применения, государственная идеология и экономическая практика СССР вновь и вновь возвращались к попыткам реализации главного социалистического принципа, получившего хождение именно из «Философии нищеты» Прудона: «От каждого – по способностям, каждому – по труду». Настало, думается, время выполнить обещание, данное в начале комментариев в отношении принципа, заявленного изначально Сен-Симоном, и того, как его сформулировал Прудон, и заметить прежде всего, что Прудон это сделал в таком контексте, который с его стороны был однозначно критическим. Вот как последовательно записано у Прудона: «Некоторые социалисты, воодушевленные, к сожалению, я заяв-

ляю об этом со всей ответственностью, евангельскими абстракциями, считали, что преодолевают трудность с помощью этих прекрасных изречений: – Неравенство способностей является доказательством неравенства обязанностей; – Вы получили больше от природы, дайте больше своим братьям, – и другие звонкие и трогательные предложения… Практическая формула, которая выходит из этих замечательных высказываний, состоит в том, что каждый работник должен все свое время обществу, а общество должно дать ему взамен все, что необходимо для удовлетворения его потребностей, в меру ресурсов, которыми оно располагает»[125]. Наследники Прудона в СССР, следовательно, предпочли не замечать его критического тона в отношении постулата «От каждого – по способностям, каждому – по труду», но восприняли его буквально и так же буквально пытались воплотить.

Кроме того, ранее мы уже ссылались на высказывание Прудона о том, что единицей измерения стоимости должен быть рабочий день, и что все рабочие дни одинаковы в своей производительности, выведенное им, в свою очередь, из положения Ж.-Б. Сэя: «Каждый продукт стоит того, что он стоит»[126]. Социалист до мозга костей, Прудон, несмотря на собственные яростные выпады против течения, к которому сам принадлежал, подчас заведомо ошибался вместе со всем социализмом, вместе взятым, – в частности в том, что каса-

---

[125] Proudhon P.J. T. I. – P. 241.

[126] Proudhon P.J. T. I. – P. 106.

ется производительности рабочего дня. Как показала историческая практика, рабочие дни не могут быть одинаковыми по своей производительности, однако до того рьяные последователи Прудона в СССР – так же, как в отношении постулата о распределении благ – в течение длительного времени измеряли вклад каждого работника страны в общую копилку произведенного на полях и заводах именно в лаконичных «трудоднях».

Рьяные последователи Прудона в СССР в течение длительного времени измеряли вклад каждого работника страны в общую копилку произведенного на полях и заводах именно в лаконичных «трудоднях»

Сарказм Истории, таким образом, заключается в том, что формулировку социалистического принципа, выбранную Прудоном в целях ее всесторонней критики, как и его ошибочный «трудодень», использовали и продолжают(!) безуспешно использовать сторонники социалистических теорий и практик по всему миру: очарованные словами, они не замечают пагубности смыслов. А между тем Прудон предупреждал: «Пусть мои друзья-коммунисты простят меня! Я был бы менее суров к их идеям, если бы не был непобедимо убежден в своем разуме и в своем сердце, что сообщество, республиканизм и все социальные, политические и религиозные утопии, которые пренебрегают фактами и критикой, являются самым большим препятствием на пути про-

гресса в настоящее время»[127]. И в этом случае можно только подивиться тому, сколь мощное влияние оказал на течение социализма во всем мире Прудон – даже и несмотря на его собственные колебания между пристрастием к этому течению и его критикой.

Историческая заслуга большевиков состоит в том, что на примере одной громадной империи они поставили эксперимент, продемонстрировавший бесперспективность и пагубность для общественного и экономического развития человечества попыток реализации лозунга насильственного отбора средств производства у их владельцев с последующей раздачей в руки бывших наемных работников этих производств.

Историческая заслуга большевиков состоит в том, что они поставили эксперимент, продемонстрировавший пагубность реализации лозунга насильственного отбора средств производства у их владельцев с раздачей в руки бывших наемных работников этих производств

Эти бывшие наемные работники, будь то фабрично-заводские рабочие или крестьяне, были не готовы к тому, чтобы в одночасье переквалифицироваться в хозяев; производства сначала рухнули, а затем, даже и будучи восстановленными с использованием рабского труда (в том смысле, в каком были рабами граждане СССР), оказались не в состоянии

---

[127] Proudon P.J. T. I. – P. 241.

конкурировать с производствами и экономиками развитых стран; во внутренней политике развитие общественных институтов вернулось в то же состояние свирепого подавления любого из видов общественных недовольств, в каком оно находилось в монархические времена, во внешней политике упор был сделан на враждебное окружение, необходимость ему противостоять и, следовательно, постоянно «бороться за мир». «Человек выходит из своей лени только тогда, когда нужда заставляет его; и самый верный способ погасить в нем интеллект – избавить его от всяких забот, отобрать у него соблазн прибыли и вытекающую из этого социальную разницу, создав вокруг него мир во всем мире, мир всегда, и перенести на плечи государства ответственность за его инертность»[128], – сказал задолго до начала любых попыток воплощения коммунистических идей на практике Прудон.

Человек выходит из своей лени только тогда, когда нужда заставляет его; и самый верный способ погасить в нем интеллект – избавить его от всяких забот, отобрать у него соблазн прибыли и перенести на плечи государства ответственность за его инертность

Отсталость, как показал опыт большевизма, не порождает ничего, кроме новой отсталости. Но если внимательно присмотреться к тому, какие тропы продолжают по сей день выбирать те, кто командует походом к коммунизму в разных частях света, какие средства передвижения они используют в

---

[128] Proudhon P.J. T.I – P. 202.

этом походе, то непременно обнаружится, что наряду с авторитаризмом и диктатурой как формами общественно-государственного устройства главным методом в экономике для них остается максимальное огосударствление любых промышленных и сельскохозяйственных производств с последующим плановым распределением произведенного продукта. Но не ощутив воздействия производительности труда и капиталовложений на качество конечного продукта, не почувствовав вкуса прибыли и горечи потерь, наемные работники, – как это предрекал Прудон, – никогда не смогут по-настоящему почувствовать себя на месте собственников, не смогут обеспечивать ни свой личный прогресс, ни развитие страны, в которой проживают. И попытки модернизировать распределительную экономику, передавая в частные руки даже отдельные крупные производства, как это происходит уже в XXI в. в странах с четко выраженной автократической ориентацией, – таких, как Россия и Китай, – в очередной раз приводят к процветанию немногочисленного класса коррумпированной номенклатуры и узкой прослойки мнимых собственников, назначаемых во владение чем-либо на условиях строгой подотчетности властям.

Тотальный контроль за качеством производства, вводимый взамен рыночных отношений в попытках революционного обобществления производства во имя этого самого качества, ведет к таким же результатам: когда само обобществление, реализуемое насильственным образом, прохо-

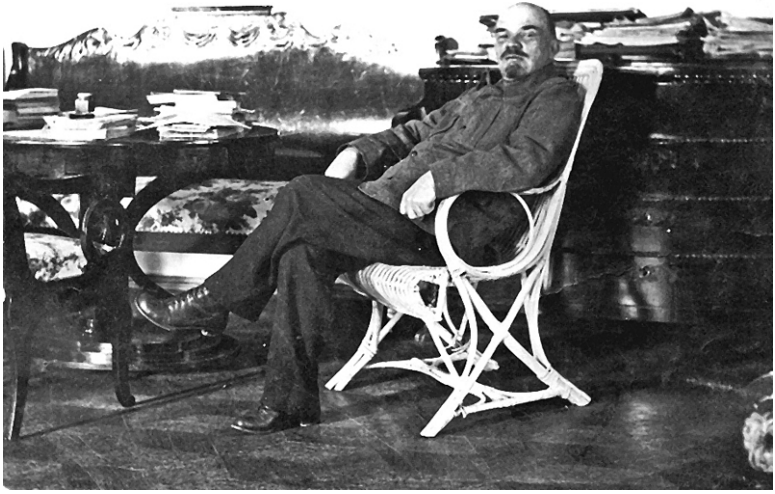
дит «успешно», ожидаемого улучшения не наступает – качество производства в отсутствие конкуренции, наоборот, падает. Прудон предвидел и это, когда в полемике о том, о чем именно должны сообщать потребителю наносимые на товары торговые марки производителя, заявлял: «Если вы хотите гарантировать потребителю как стоимость, так и здоровье, вы должны знать и определять все, что составляет хорошее и честное производство, следить постоянно за руками производителя, следовать за каждым его шагом. Это не он производитель; это вы, государство, настоящий производитель. / То есть вы попали в ловушку. Или вы препятствуете свободной торговле, погружаясь в производство тысячами способов; или вы объявляете себя единственным производителем и единственным продавцом. / В первом случае, досаждая всем, вы в конечном итоге возмутите всех; и рано или поздно государство будет исключено, торговые марки будут отменены. Во-втором (случае) вы повсеместно заменяете индивидуальную инициативу действиями власти, что противоречит принципам политической экономии и основанию общества»[129]. «Вы изберете середину? – оканчивает рассуждение по теме Прудон, – это фаворитизм, кумовство, лицемерие, худшая из систем»[130], но это именно то, – добавим от себя, – на чем основаны автократические и диктаторские режимы по всему миру в XXI в., будь то прямые последова-

---

[129] Proudhon P.J. T.I – P. 327.

[130] Proudhon P.J. T.I – P. 327.

тели коммунистических идей в Китае, косвенные – в России и Белоруссии, диктатуры в Африке, на Ближнем Востоке, в Латинской Америке и т. д. Малое же предпринимательство в условиях автократий и диктатур с трудом выживает под единовременным давлением государственных регуляторов и крупного капитала и оказывается не в состоянии продуцировать возникновение хоть сколько-нибудь многочисленного среднего класса, на плечах которого вознеслись и устойчиво развиваются мощные промышленные демократии Запада.



«Теперь мы вправе сказать, что простой рост кооперации

для нас тождественен с ростом социализма, и вместе с этим мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм»

Владимир Ульянов (Ленин), «О кооперации», 1923 г.

Означает ли это, что рыночные условия, конкуренция и диктат то и дело нарождающихся монополий – лучшее из того, что может предложить самому себе человечество? Разумеется нет. Но в течение длительного периода в прошлом и на обозримое будущее это единственная альтернатива регулируемой экономике, существующей в условиях жесткого диктата со стороны властной номенклатуры. «Или конкуренция, то есть монополия и то, что из этого следует; или эксплуатация государством, то есть высокая стоимость труда и постоянное обнищание; или, наконец, уравнительное решение, иными словами – организация труда, которая ведет к отрицанию политической экономии и уничтожению собственности»[131], – заметил по этому поводу Прудон.

Неужели рыночные условия, конкуренция и диктат монополий – лучшее из того, что может предложить самому себе человечество? Разумеется нет. Но в течение длительного периода в прошлом и на обозримое будущее это единственная альтернатива регулируемой экономике

Маркс в середине XIX в. еще только набрасывал эскизы

---

[131] Proudhon P.J. T.I – P. 218.

будущей катастрофы, приближению которой сам же и способствовал, а Прудон как будто предвидел, что и в будущем любая кургузая модернизация старых, провалившихся практик коммунизма, подобная косметическому ремонту в квартире, приведет лишь к ретушированию диктата, образованию уродливых подобий частной инициативы и рыночной экономики и в конечном итоге – к тому же повальному обнищанию наемного большинства. Новым и удивительным для Прудона в этом однообразном процессе наверняка оказалось бы то, насколько упорно и цинично пребывание своих граждан в нищете автократические правители и диктаторы по всему миру будут оправдывать вынужденными расходами на оборону, спровоцированными мифическим противостоянием с промышленно развитыми странами с демократической в политике и рыночной в экономике ориентацией. Круг замкнулся: для большинства граждан, проживающих в условиях автократии, тяжелое существование в условиях естественного, исторического феодализма прошлого фактически сменилось на такое же убогое существование в условиях феодализма нового образца – заретушированного, изображающего современность, но остающегося таким же мерзким, как и прежде, по своему существу. Следовать в этом направлении сегодня, невзирая на уже накопленный громадный опыт провалов, то есть вновь и вновь затягивать в нищету миллионы, – значит совершать настоящее преступление.

* * *

Что касается технической стороны вопроса, то известно о двух первых изданиях «Философии нищеты» Прудона на французском – от 1846 и 1850 гг. Текст второго, дополненного и исправленного Прудоном издания послужил основой для перевода. Что касается качества самого перевода, предупреждаем, что Прудон, во-первых, излагал свои мысли далеко не всегда в соответствии с общепринятыми правилами и обычаями, а во-вторых, далеко не все правила изложения, характерные для его времени, получили свое продолжение во времени настоящем. Мы же, в свою очередь, не считали возможным и необходимым исправлять Прудона в соответствии с современными обычаями. Так, к примеру, продолжение фраз после точки Прудон часто начинает не с прописной, а со строчной, например: «Министры, журналисты, пономари и педанты! **разве** этот мир обеспокоен проблемами социальной экономики? **разве** они слышали о конкуренции?» Так Прудон фокусирует внимание на продолжении своей мысли, и пусть так и будет (Маркс, к слову, использует тот же прием). Устаревшим является написание целых числительных с запятой, например **10,000**, но и это остается как у Прудона: подобные мелочи позволят сформировать более точное представление о филологических привычках тех времен. У Прудона также много выделений курсивом или про-

писными, сделанных им, разумеется, для того, чтобы акцентировать внимание на мыслях, заложенных в этих выделенных словах и словосочетаниях. Мы и эти выделения также старались бережно сохранить и перенести в русскоязычный перевод.

Однако и самый кропотливо выполненный, тщательный перевод, если он происходит вне знания существа дела, как известно, не способен передать настоящую мысль человека, особенно, если он ее записал, как Прудон, около 180 лет назад и посвятил щепетильным вопросам политической экономии и философии. Автор настоящего перевода рассчитывает, что его профессиональный опыт и знания позволили достичь результата, необходимого для понимания смыслов труда Прудона, однако заранее приносит извинения за неясность смысла некоторых переведенных частей фраз или фраз целиком: Прудон подчас ограничивается минимумом понятий, подразумевая, что об остальном читатель догадается самостоятельно, что, разумеется, далеко не всегда происходит. В целом же труд Прудона заслуживает, кажется, куда большего уважения, нежели то, которое ему оказал Карл Маркс и те русскоязычные критики времен СССР, которые позволили себе рассуждать о существе предмета, не имея понятия даже о его форме.

Предупреждение. При прочтении первых строк пролога Прудона о «гипотезе Бога» не стоит переворачивать облож-

ку, чтобы убедиться, что речь идет об экономических противоречиях. В дальнейшем речь пойдет именно о них, в прологе же Прудон разминается в красноречии и попытках ошеломить читателя неординарностью взглядов. Посмотрим, насколько ему это удалось.

С благодарностью за содействие Людмиле Васильевне Шарончиковой, Екатерине Шарончиковой и Рубену Мелик-Шахназарову.

С отдельной признательностью главе издательства Folio Александру Красовицкому, нашедшему силы и средства для выпуска этого перевода и комментария к нему в столь непростые для печатной отрасли и всего человечества времена

Том 1

Пролог

Перед тем, как войти в материал, являющийся объектом этих новых записок, я испытываю необходимость уделить внимание гипотезе, которая покажется без сомнения странной, но без которой мне не представляется возможным идти вперед и быть понятым: я хочу говорить о гипотезе Бога.

Предполагать Бога, скажут, – отрицать его. Почему вы не утверждаете?

Но разве я виноват, что вера вызывает сомнение? Если простое предположение о наличии высшего существа уже объявлено признаком слабоумия, и если из всех философских утопий эта – единственная, которую мир больше не выбирает? Разве я виноват, что лицемерие и глупость повсюду прячутся за такой ширмой?

То, что некто предполагает во Вселенной неизвестную силу, которая управляет солнцами и атомами и заставляет крутиться всю машину, для него это предположение насколько необоснованное, настолько же естественное; предположение, которое невозможно проверить, но оно, однако, делает честь тому, кто его выдвинул. Но поскольку я в целях объяснения человеческих дел допускаю, со всей возможной осто-

рожностью, вмешательство Бога, я могу быть уверенным в том, что это возмутит научную общественность и оскорбит слух: настолько наше благочестие чудесным образом дискредитировало провидение, так много шарлатанства всех расцветок оперирует этой догмой или этой выдумкой. Я видел современных верующих, и богохульство бродило по моим губам; я размышлял о народе, том самом народе, которого Бриден[132] называл лучшим другом Бога, и я содрогнулся от отрицания, которое могло меня миновать.

Терзаемый противоположными чувствами, я призвал к разуму; и только это, среди стольких догматических противоречий, диктует мне сегодня гипотезу. Догматизм априори, применительно к Богу, оставался бесплодным: кто знает, куда приведет нас гипотеза в свою очередь?

То, что некто предполагает во Вселенной неизвестную силу, которая управляет солнцами и атомами и заставляет крутиться всю машину, для него это предположение насколько необоснованное, настолько же естественное; предположение, которое невозможно проверить, но оно, однако, делает честь тому, кто его выдвинул

Поэтому я скажу, как именно, изучая в тишине моего сердца и вдали от других человеческих соображений таинство социальных революций, Бог, великий неизвестный, стал для меня гипотезой, – я имею в виду необходимое ору-

---

[132] Жак Бриден (1701–1767), проповедник. – *А.А. А-О.*

дие диалектики.

I.

Если я прихожу через все последовательные преобразования к идее Бога, я считаю, что эта идея прежде всего социальная; под этим я подразумеваю, что она является скорее актом веры, возникающим в результате коллективного мышления, нежели индивидуальной концепцией. Но как и по какому случаю возникает этот акт веры? Важно определить это.

«Общество никогда не упускает возможности, прежде чем действовать, взывать к своему гению: как бы желая получить практическое указание свыше тому, что уже было воспринято интуитивно. Заклинания, оракулы, жертвоприношения, народные овации, публичные молитвы – самая обычная форма этих запоздалых обсуждений».

П.-Ж. Прудон, «Философия нищеты»

С точки зрения морали и интеллекта общество, или человек коллективный, отличается от индивидуума прежде все-

го спонтанностью действий, иначе говоря, инстинктом. В то время как индивидуум подчиняется или воображает, что он подчиняется только тем основаниям, о которых он полностью осведомлен и которым он в состоянии отказать или следовать им; к тому же он считает себя свободным, и тем более свободным, что он считает себя более разумным и более образованным, общество склонно к упражнениям, в которых ничто, на первый взгляд, не свидетельствует о наличии разума, но которые постепенно становятся похожими на результат воздействия высшего совета, существующего вне общества, и подталкивают его с непреодолимой силой к неизвестной сущности. Установление монархий и республик, кастовые разграничения, судебные институты и т. п. являются демонстрацией этой общественной спонтанности, последствия которой гораздо легче заметить, чем выявить принцип или объяснить их. Все усилия тех, кто вслед за Боссюэ, Вико, Гердером, Гегелем обращались к философии истории, до сих пор заключались в том, чтобы констатировать наличие провиденциальной судьбы, которая руководит всеми движениями человека. И я замечаю в связи с этим, что общество никогда не упускает возможности, прежде чем действовать, взывать к своему гению: как бы желая получить практическое указание свыше тому, что уже было воспринято интуитивно. Заклинания, оракулы, жертвоприношения, народные овации, публичные молитвы – самая обычная форма этих запоздалых обсуждений в обществе.

Эта таинственная способность, полностью интуитивная, и, так сказать, сверхсоциальная, мало или совсем не заметная в отдельных людях, но объемлющая человечество как вдохновляющий гений, является первичным фактом психологии.

Однако, в отличие от других видов животных, подчиненных как индивидуальным аппетитам, так и коллективным импульсам, человек располагает привилегией замечать и сообщать своему сознанию инстинкт или фатум, который им управляет; далее мы увидим, что он также обладает способностью проникать в него и даже воздействовать на его повеления. И первое устремление человека, охваченного энтузиазмом (божественным дыханием), – это поклонение невидимому провидению, от которого он чувствует себя зависимым и которого он называет Богом, то есть жизнью, бытием, духом или, проще говоря, «я»: ибо все эти слова в древних языках – синонимы и омофоны.

Это *Я*, говорит Бог Аврааму, и Я с *Тобой*… и Моисею: Я *Сущий*. Скажи сынам Израилевым: Сущий направляет меня к вам. Эти два слова, «Сущий» и «Я», имеют в языке оригинала, наиболее религиозном из всех, которые использовали люди, одинаковый смысл[133]. В другом месте, представ в

---

[133] *le-hovah*, и в составе *lah*, существо; *Iao,iou-piter*, то же значение; *ha-iah, héb.* он будет; *ei,gr.* он есть; *ei-nai*, быть; *an-i, héb.* и в склонении *th-i*, я; *e-go, io, ich, i, m-î, m-e, t-ibi, te*, и все личные местоимения, в которых гласный *i, e, ei, oï* представляет личность в целом, а согласные – *m* или *n, s* или *t* используются для указания порядкового номера персонажей. В остальном, несмотря на спорность

качестве повелителя Моисея, он говорит: я; или же с удвоенной энергией: Я, Сущий. Кроме того, Бог Евреев является самым личным и самым добровольным из всех богов, и никто лучше него не выражает интуицию человечества.

Поэтому Бог предстает перед человеком в качестве «я», как чистая и постоянная сущность, которая возникает перед ним так же, как и монарх перед своим слугой, и который называет себя, иногда устами поэтов, законодателей и прорицателей, *musa, nomos, numen*; как Номос, иногда в качестве народной пословицы: *vox populi vox Dei* (глас народа – глас Бога). Это может быть использовано, среди прочего, чтобы объяснить, как существуют настоящие оракулы и ложные оракулы; почему некоторые индивиды после своего рождения не допускают для себя идеи существования Бога и одновременно охотно пользуются ею, если она представляется им коллективной душой; как в конечном итоге стационарные расы, такие как Китайцы, в конечном итоге теряют ее[134]. Но, во-первых, что касается оракулов, ясно, что вся

этих аналогий, я не возражаю против них: на этой глубине наука филолога является лишь облаком и загадкой. Что важно и что я замечаю, – так это то, что фонетические отношения имен, кажется, переводят метафизические отношения идей.

[134] В своих традициях китайцы сохранили память о религии, которая перестала существовать между пятым-шестым веком до нашей эры. (См. PAUTHIER, Китай, Париж, Дидо.) Еще более удивительным является то, что эти уникальные люди, теряя свой примитивный культ, похоже, поняли, что божественность есть не что иное, как коллективное «я» человеческого вида; так что на протяжении более двух тысяч лет Китай в своей популярной вере достиг бы последних ре-

их уверенность исходит от вселенского сознания, которое их вдохновляет; и что касается идеи Бога, легко понять, почему отрицание и статус-кво также смертельны для него. С одной стороны, недостаток общения удерживает душу в животном эгоизме; с другой стороны, отсутствие движения, постепенно превращающее общественную жизнь в рутину и механизм, в конечном итоге исключает идею воли и провидения. Странная вещь! Религия, которая приходит в упадок под воздействием прогресса, погибает также от неподвижности.

Отметим, кроме того, что, относясь к расплывчатому и, так сказать, объективному сознанию универсального разума, первому откровению божественности, мы абсолютно ничего не предрекаем о самой реальности или нереальности Бога. Действительно, давайте признаем, что Бог – это не что иное, как коллективный инстинкт или универсальный разум: оста-

---

зультатов философии Запада. «То, что небо видит и слышит, сказано у Шу-Кинга, – это то, что люди видят и слышат. То, что люди считают достойным награды и наказания, – это то, что небеса хотят наказать и вознаградить. Существует интимная связь между небом и людьми: поэтому пусть те, кто управляют людьми, будут внимательны и сдержанны». Конфуций выразил ту же мысль по-другому: «Обрети привязанность людей, и ты получишь империю; – Потеряй привязанность людей, и ты потеряешь империю». Это общее соображение, мнение, господствующее в мире, повсюду стало откровением. Дао-те-Кинг еще более решителен. В работе, которая является лишь наметкой критики чистого разума, философ Лао-Цзы, постоянно идентифицирующий себя под именем Тао, – универсальный разум и бесконечная сущность; и даже, на мой взгляд, это постоянное отождествление принципов, которые наши религиозные и метафизические привычки настолько глубоко дифференцировали, что создает мрачность книги Лао-Цзы.

лось только понять – что такое этот универсальный разум. Ибо, как мы увидим далее, универсальный разум не является частью индивидуального разума; иными словами, знание социальных законов или теории коллективных идей, хотя и выведено из фундаментальных концепций чистого разума, тем не менее остается эмпирическим, и заведомо не может быть открыто путем дедукции, индукции или синтеза. Из чего следует, что универсальный разум, к которому мы относим эти законы в качестве результатов его работы; универсальный разум, который существует, рассуждает, работает в определенной сфере и как реальность, отличная от чистого разума; точно так же, как система мироздания, хотя и созданная в соответствии с законами математики, является реальностью, отличной от математики, и из которой мы не могли бы вывести существование одной математики: из этого следует, говорю я, что универсальный разум – это именно то, что, говоря современным языком, древние называли Богом. Слово изменилось: что мы знаем о вещи?

Давайте теперь проследим за изменениями божественной идеи.

Высшее существо, созданное когда-то первым мистическим суждением, человек тотчас же обобщает с помощью другой мистики – аналогии. Бог, если можно так выразиться, только одно: оно наполняет мир.

Подобно тому, как ощущая свое социальное «я», человек приветствовал его *Автора*; аналогично, обнаруживая

устремления и намерения животных, растений, родников, метеоров во всей вселенной, он приписывает каждому объекту в отдельности (а затем всему) душу, дух или гения, который руководит им, – следуя от этого обожествляющего установления, наивысшего в природе, которым является общество, к самым скромным существам, неодушевленным и неорганическим вещам. Поэтому от своего коллективного «я», взятого за высшую точку творения, до последнего атома материи, человек, следовательно, *расширяет* идею Бога, то есть идею личности и разума – как процесс создания демонстрирует, что сам Бог *расширил небо*, то есть создал пространство и время, и качества всех вещей.

Таким образом, без Бога, верховного властителя, вселенной и человека не было бы: таков промысел социальной веры. Но и без человека о Боге бы не помышляли – давайте преодолеем этого пункт – Бог бы не существовал. Если человечеству нужен создатель, то и Богу, богам, нужно нечто не менее существенное: вся теогония, истории рая, ада и их обитателей, эти человеческие грезы, являются аналогом вселенной, которую некоторые философы назвали грезой Бога. И какое великолепие в этом божественном творении, общественном труде! Создание *демиургов* было стерто, уничтожено; тот, кого мы называем *Всемогущим*, был побежден; и на протяжении веков зачарованное воображение смертных отвлекалось от созерцания природы созерцанием олимпийских чудес.

Давайте выберемся из этого фантастического пространства: безжалостный разум стучит в дверь; нужно ответить на его суровые вопросы.

Кто такой Бог? – спрашивает он. Где он? Сколько его? Чего он хочет? Что он может? Что обещает? – и здесь, в пламени анализа, все божества неба, земли и ада превращаются в нечто непостижимое, бесстрастное, неподвижное, непостижимое, неразрешимое, одним словом, в отрицание всех атрибутов существования. Действительно, стремится ли человек одушевить каждый объект, либо он полагает, что вселенная управляется единой силой (из одного источника), он всегда лишь ПРЕДПОЛАГАЕТ некую бесконечную и безусловную сущность: то есть невозможно объяснить явления, которые он считает немыслимыми. Таинство Бога и разума! Чтобы сделать объект своего идолопоклонничества все более и более рациональным, верующий последовательно лишает его всего, что может сделать его реальным; и после чудес логики и гениальности атрибуты бытия оказываются такими же, как и атрибуты небытия. Эта эволюция неизбежна и фатальна: атеизм находится в основе всей теодицеи.

Чтобы сделать объект своего идолопоклонничества все более и более рациональным, верующий последовательно лишает его всего, что может сделать его реальным; и после чудес логики и гениальности атрибуты бытия оказываются такими же, как и атрибуты небытия

Давайте попробуем объяснить это.

Бог, создатель всего сущего, едва ли сам является продуктом сознания; иными словами: едва мы возвысили Бога от идеи общественного «я» до идеи вселенского «я», как тут же наша мысль принимается разрушать его под предлогом улучшения. Совершенствуйте идею Бога! Улучшайте богословские догмы! Это второе человеческое заблуждение.

Аналитический ум, неутомимый Сатана, который постоянно все изучает и подвергает сомнению, должен рано или поздно найти доказательство религиозного догматизма. Теперь, формулирует ли философ идею Бога, или объявляет ее неопределимой; приближается ли он к своей аргументации, или удаляется от нее, я говорю, что эта идея терпит поражение: и насколько невозможно, чтобы эти домыслы прекратились, настолько же необходимо, чтобы в долгосрочной перспективе идея Бога исчезла. Таким образом, атеистическое движение является вторым актом богословской драмы; и этот второй акт спровоцирован первым (актом) как следствие причины. *Небеса свидетельствуют о славе Всевышнего*, говорит псалмопевец; добавим: это же свидетельство его ниспровергает.

«Бог заключил завет с человеком; Теперь, чтобы закрепить договор, Бог станет человеком. Он возьмет нашу плоть, наш образ, наши страсти, наши радости и наши печали, родится от женщины и умрет, как и мы».

П.-Ж. Прудон, «Философия нищеты»

Действительно, в той мере, в которой человек наблюдает явления, он рассчитывает на посредников между природой и Богом: это отношения числа, образа и последовательности; органические законы, эволюции, аналогии; это некоторая цепь, в которой явления происходят или неизменно

называются одни как другие (друг другом). Он даже отмечает, что в развитии этого общества, частью которого он является, в игру вступают частные волеизъявления и совместные рассуждения; и он говорит себе, что великий Дух не воздействует непосредственно на мир и на него самого, ни произвольно и по капризу; но опосредованно, с помощью чувствительных пружин и механизмов. Приподнимая мысленно цепь явлений и причин, он помещает, в конце концов, Бога, как маятник.

Вне всех небес пребывает Бог небес,

сказал поэт. Таким образом, с первого скачка теории верховное существо возводится к функции движущей силы, стержня, краеугольного камня или, если позволено еще более тривиальное сравнение, конституционного суверена, правящего, но не управляющего, поклявшегося подчиняться закону и назначающего министров, которые его исполняют. Но под впечатлением миража, который его очаровывает, верующий не видит в этой нелепой системе, что новое доказательство возвышенности его кумира служит инструментом его же могущества и обращает его славу к мудрости людей.

Вскоре, не довольствуясь ограничением империи Всевышнего во все нарастающем почитании, решается на то, чтобы его разделить.

Если я – дух, который чувствует и излучает идеи, продол-

жает верующий, я также отношусь к абсолютной сущности; я свободный, создающий, бессмертный, равный Богу. Cogito, Ergo Sum (Я мыслю, следовательно, я существую); я думаю, следовательно, я бессмертен: вот вывод и перевод выражения Ego Sum Qui Sum (Я есть тот, кто я есть): философия, согласующаяся с Библией. Существование Бога и бессмертие души определяются в сознании таким же рассуждением: там человек говорит от имени вселенной, в которую он помещает свое «я»; здесь он говорит от своего собственного имени, не осознавая, что в этом закоулке он только повторяется.

Бессмертие души, настоящее расщепление божественности, происшедшее через большой промежуток после своей первичной демонстрации, казалось ересью приверженцам античных догм, не считалось доказательством божественного величия и необходимым условием вечного добра и справедливости. Без веры в бессмертие души невозможно понять Бога, говорят верующие, уподобляющиеся в этом смысле политическим теоретикам, для которых государственное представительство и неизменные и вездесущие госслужащие повсюду являются непременными условиями монархии. Но насколько точна оплата за доктрины, настолько же вопиюще противоречивы идеи: также утверждение о бессмертии души – как скоро оно станет камнем преткновения для богословов, которые от начала времен Пифагора и Орфея тщетно пытаются согласовать божественные качества с человече-

ской свободой, а разум – с верой. Объект триумфа для нечестивцев!… Но иллюзия не смогла вдруг отступить: постулат о бессмертии души именно потому, что он служил ограничителем непостижимой сущности, был прогрессивен. Однако, если человеческий разум обманывает себя частичным постижением истины, он никогда не опровергает себя, и эта настойчивость доказывает его непогрешимость. Мы получаем новое доказательство.

Делая себя подобным Богу, человек делал Бога подобным себе: эта корреляция, которая на протяжении веков характеризовалась как отвратительная, стала источником формирования нового мифа. Во времена патриархов Бог заключил завет с человеком; теперь, чтобы закрепить договор, Бог станет человеком. Он возьмет нашу плоть, наш образ, наши страсти, наши радости и наши печали, родится от женщины и умрет, как и мы. Затем, после этого безграничного унижения, человек все еще будет утверждать, что расширил идеал своего Бога, сотворив путем логического преобразования то, что он до сих пор называет создателем, хранителем, искупителем. Человечество еще не говорит: я и есть Бог; такая узурпация привела бы в ужас его благочестие; оно говорит: Бог во мне, Эммануил, *nobiscum Deus* (Бог с нами). И в то время, когда философия с гордостью и общественное сознание с ужасом закричали в едином порыве: боги уходят, excedere deos, начался период восемнадцати веков горячего поклонения и сверхчеловеческой веры.

Но близится роковой предел. Любая власть, которая позволяет себя ограничить, закончится демагогией; любое божество, которое определяет себя, превращается в столпотворение. Христолатрия – последний термин этой длительной эволюции человеческой мысли. Ангелы, святые, девственницы царят на небесах вместе с Богом, говорит катехизис; демоны и злодеи живут в аду вечных мучений. У общества цвета ультрамарин есть свои левые и правые: настало время завершить уравнение, чтобы эта мистическая иерархия спустилась на землю и показала себя в своей реальности.

Когда Милтон изображает первую женщину, которая смотрится в фонтан и с любовью протягивает руки к своему собственному образу, как будто хочет поцеловать его, он дает направление человеческому роду. – Ты обожаешь Бога, о человек! Этот Бог, которого ты сделал добрым, справедливым, всемогущим, мудрым, бессмертным и святым, – это ты сам: этот идеал совершенства – твой собственный образ, очищенный в пламенеющем зеркале твоего сознания. Бог, природа и человек – тройной аспекта одного и того же; человек – это сам Бог, постигающий себя через тысячу эволюций; в Иисусе Христе человек почувствовал Бога, и христианство воистину является религией Бого-человека. Нет другого Бога, кроме того, который от самого начала сказал: Я; нет другого Бога, кроме Меня.

Таковы последние выводы философии, которая выдыхается, раскрывая тайну религии и свою собственную тайну.

II.

Кажется, что все закончено; похоже, что человечество перестало обожать и мистифицировать самое себя, богословская проблема откладывается навсегда. Боги ушли: человеку остается только скучать и умирать в своем эгоизме. Какое страшное одиночество распространяется вокруг меня и проникает в глубину моей души! Мое волнение походит на разочарование, и с тех пор, как я сделался Богом, я вижу себя только в качестве тени. Возможно, я уникален, но мне очень трудно воспринимать себя абсолютным; и если я не абсолютен, то я – всего лишь половина идеи.

Меньшая часть философии отдаляется от религии, говорит ироничный мыслитель, бóльшая часть – возвращается к ней. – Это наблюдение – унизительная правда.

«Ангелы, святые, девственницы царят на небесах вместе с Богом; демоны и злодеи живут в аду вечных мучений. У общества есть свои левые и правые: настало время завершить уравнение, чтобы эта мистическая иерархия спустилась на землю».

П.-Ж. Прудон, «Философия нищеты»

Вся наука развивается в течение трех последовательных эпох, которые можно назвать, сравнивая их с великими эпохами цивилизации, эпохой религии, эпохой софистики, эпо-

хой науки[135]. Таким образом, алхимия соответствует религиозному периоду науки, позднее названной химией, окончательный замысел которой еще не обнаружен; точно так же, как астрология соответствует религиозному периоду другой научной конструкции, астрономии.

Теперь, после 60-летних насмешек над философским камнем, химики, движимые опытом, больше не осмеливаются отрицать возможность трансформации тел; в то время как астрономы, ведомые механизмом мироустройства, также подозревают о существовании законов его организации (то есть нечто схожее с астрологией). Разве это не тот случай, чтобы сказать, как философ, которого я цитировал ранее, что, если меньшая часть химии отдаляется от теории существования философского камня, ее большая часть, наоборот, приближается к ней; точно так же, если небольшая часть астрономов насмехается над астрологами, ее большая часть астрологам верит?[136]

---

[135] См., среди прочего, Auguste Comte, *Курс философии позитива*, и П.-Ж. Прудон, *О создании порядка в человечестве*. – Этот труд Прудона, на который он здесь ссылается, также до сих пор отсутствует в переводе на русский. – *А.А.А-О.*

[136] Я не намерен положительно высказываться здесь о трансмутируемости тел или обозначать ее как цель для исследований; еще менее я претендую на то, чтобы говорить, каким должно быть мнение ученых по этому вопросу. Я только хочу указать на тот вид скептицизма, который заставляет рождаться в любом непредубежденном разуме самые общие выводы химической философии, или, лучше сказать, несовместимые гипотезы, которые поддерживают эти теории. Химия – это действительно антагонизм разума: со всех сторон она затрагивает фантастику; и чем больше опыт заставляет нас ее узнавать, тем больше она оказыва-

Я, конечно, менее склонен к вере в чудеса, чем большин-

ется окруженной непостижимыми тайнами. Это размышление, которое мне только что было навеяно чтением «Записок о химии» г-на Либиха (Париж, Масгана, 1845, пер. Берте-Дюпини и Дюбрей-Элион).Таким образом г-н Либих, изгнав из науки гипотетические причины и все сущности, допущенные древними, такие, как творческая сила материи, ужас пустоты, ректорский дух (l'esprit recteur) и т. д. (с. 22), немедленно признает, в качестве условия для понимания химических явлений, ряд не менее темных сущностей, – жизненную силу, химическую силу, электрическую силу, силу притяжения и т. д. (с. 146, 149). Это похоже на осознание свойств тел, как осознание психологами способностей души под именами свободы, воображения, памяти и т. д. Почему бы не придерживаться элементов? Почему, если атомы весят сами по себе, как, кажется, полагает г-н Либих, они не могут быть сами по себе электрическими и существовать сами по себе? Любопытная вещь! материальные явления, подобно явлениям разума, становятся понятными, только если предположить, что они порождаются непостижимыми силами и подчиняются противоречивым законам: это то, что появляется на каждой странице книги г-на Либиха.Материя, по словам г-на Либиха, по существу инертна и лишена какой-либо спонтанной активности (с. 148); как же тогда атомы что-то весят? Разве гравитация, присущая атомам, не является правильным, вечным и спонтанным движением материи? и то, что мы получим в качестве состояния покоя, не будет ли это скорее балансом? Зачем в этом случаем иногда предполагать инерцию, противоречащую определениям, иногда внешнюю виртуальность, о которой ничто не свидетельствует?Из того факта, что атомы *весят*, г-н Либих делает вывод, что они *неделимы* (с. 58). Каково суждение! Гравитация – это только сила, то есть вещь, которая не поддается осмыслению и которая позволяет воспринимать только ее явления; следовательно, это вещь, к которой неприменима концепция делимости и неделимости; и из наличия этой силы, из гипотезы неопределенной и нематериальной сущности мы заключаем, что существует неделимая материальность!Кроме того, г-н Либих признает, что *нашему разуму невозможно представить* абсолютно неделимые частицы; он также признает, что факт этой неделимости не был доказан; но он добавляет, что наука не может обойтись без этой гипотезы: так что, согласно признанию мэтров, химия имеет в качестве отправной точки фикцию, которая противоречит разуму настолько, насколько она чужда опыту. Какая ирония!Массы атомов, говорит М.

ство атеистов, но я и не могу не думать, что истории о чудесах, предсказаниях, волшебстве и т. п., не что иное, как искаженные рассказы о необычайных эффектах, произведенных определенными скрытыми силами или, как мы привыкли говорить, оккультными силами. Наша наука все еще настолько груба и полна недобросовестности; наши ученые демонстрируют столько нахальства при минимуме знаний; они настолько бесстыдно отрицают факты, которые смущают их, чтобы защитить мнения, которыми они пользуются, что я не доверяю их умам так же, как не доверяю суевериям. Да, я убежден, наш нынешний вульгарный рационализм – это начало периода, который благодаря науке станет поистине *невероятным*; вселенная, на мой взгляд, не что иное, как лаборатория магии, где нужно быть готовым ко всему… Иными словами, я возвращаюсь к главной теме.

Следовательно, было бы заблуждением, если представить себе такое после выводов, которые я сделал о трансформациях религии, что метафизика произнесла свое последнее слово о двойной загадке, выраженной в этих четырех словах: существование Бога, бессмертие души. Здесь, как и везде, са-

---

Либих, неравны, потому что их объемы неравны: однако невозможно доказать, что химические эквиваленты выражают относительный вес атомов, или, другими словами, то, что мы увидим в результате расчета атомных эквивалентностей в качестве атома, составлено не из множества атомов. Все это означает, что больше материи весит больше, чем меньше материи; и поскольку гравитация является сущностью материальности, будет сделан обязательный вывод о том, что гравитация везде идентична сама по себе,

мые передовые и наиболее устоявшиеся выводы разума, те, которые, кажется, навсегда решили теологический вопрос, возвращают нас к изначальному мистицизму и подразумевают существование новых данных невероятной философии. Критика религиозных взглядов заставляет нас насмехаться сегодня и над самими собой, и над религиями; однако же резюме этой критики – не что иное, как воспроизводство проблемы. Человеческий род, в тот момент, как я это пишу, находится на грани признания и подтверждения чего-то, что будет эквивалентом древнему представлению о Божественности; и это будет уже не спонтанным стремлением прошлого, а отражением непобедимой диалектики.

Если мы отвергаем спонтанное образование зародышей, мы должны признать их вечность; и поскольку, с другой стороны, геология доказывает, что земной шар не заселен ничем вечным, мы вынуждены признать, что в какой-то момент вечные зародыши животных и растений вылупились, в отсутствии отца или матери, на поверхности земного шара

Постараюсь пояснить так, в нескольких словах, чтобы меня услышали.

Если есть точка, в которой философы, несмотря на то, чем они обладают, наконец пришли к согласию, это, несомненно, различие между разумом и необходимостью, между субъектом и объектом мысли, между собой и отрицанием себя; между духом и материей, проще говоря. Я прекрасно пони-

маю, что все эти термины не выражают ничего настоящего и истинного, что каждый из них демонстрирует лишь отрыв от абсолюта, который и является настоящим и истинным, и что, взятые по отдельности, они все в равной степени содержат в себе противоречие. Но не менее верно и то, что абсолют совершенно непостижим для нас, что мы осознаем его только в его противоречивых терминах, которые не выдерживают давления нашего эмпирического опыта; и который, если единение помогает нам обрести веру, то двойственность является первым условием науки.

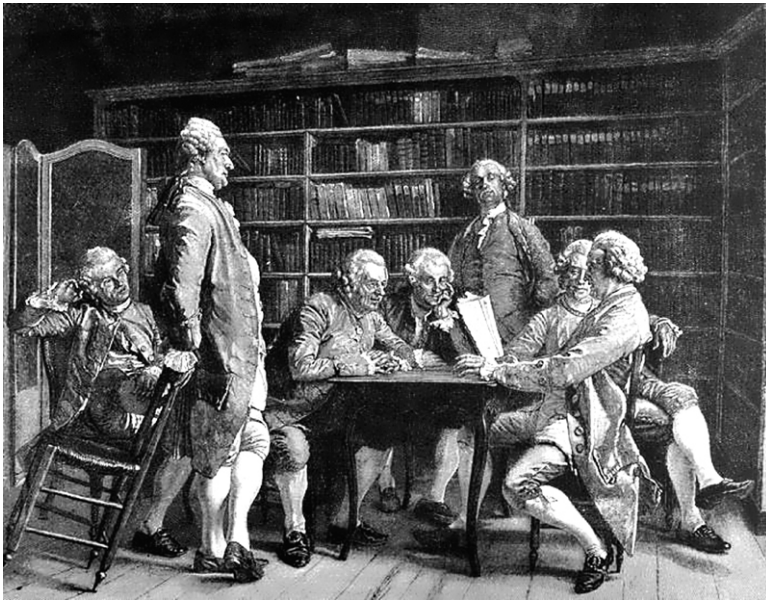
Итак, кто думает, а кто уже подумал? Что такое душа, что такое тело? Я вызываюсь избегать этого дуализма. Есть как сущности, так и идеи: первые демонстрируют природные различия, подобно вторым в их понимании; так же, как идеи Бога и бессмертия души, несмотря на их идентичность, возникли последовательно и противоречиво в философии, все же, несмотря на их слияние в абсолюте, также «я» и «не-я» возникают отдельно и противоречиво в природе, и мы располагаем одновременно как мыслящими сущностями, так и теми, которые не способны мыслить.

Теперь, кто бы ни пытался думать об этом, знает сегодня, что такое различие, каким бы реальным оно ни было, является самым противоречивым и абсурдным. Бытие не может быть понято так же без учета свойств духа, как и без учета свойств материи: так что, если вы отрицаете дух, исходя из того, что он не подпадает ни под одну из категорий вре-

мени, пространства, движения, основательности и т. д., вы, кажется, одновременно лишаетесь всех атрибутов, которые составляют реальность, и я, в свою очередь, отрицаю материю, которая предстает передо мной лишь в своей пассивности, оцениваемой только по ее формам, и которая (своевольная и свободная) нигде не проявляется в качестве причины и не проявляется полностью как субстанция: и мы приходим к чистому идеализму, то есть к небытию. Но небытие противостоит чему-то – не знаю, чему, но тому, что существует и мыслит, объединяясь в состояние (не могу сказать, в какое) синтеза, или, наоборот неизбежного разрыва всех признаков бытия. Поэтому мы вынуждены начать с дуализма, чьи термины, которые нам хорошо известны, ошибочны, но которые, будучи для нас условием истины, обязывают нас; одним словом, мы вынуждены начать с Декарта и с эго человеческого рода, то есть с разума.

Но поскольку религии и философии, растворенные в анализе, слились с теорией абсолюта, мы так и не узнали лучше – что же такое дух, и мы отличаемся в этом от предков лишь богатством языка, которым мы прикрываем неизвестность, которая нас окутывает. Только в то время, как для людей прошлых времен разум проявлялся извне, для современников, похоже, он проявляется изнутри. Теперь, независимо от того, помещаем ли мы его внутри или снаружи, как только мы утверждаем его в силу порядка, мы должны признать его везде, где проявляется порядок, или не признавать

его нигде. Нет причин приписывать больше разума голове, которая произвела Иллиаду, чем той, которая открыла массу вещества, кристаллизующуюся в октаэдры; и, наоборот, настолько же абсурдно связывать систему мира с физическими законами, не принимая во внимание персональное эго – так же, как приписывать победу при Маренго стратегическим комбинациям, не принимая во внимание Первого консула. Единственное отличие, которое можно отметить, это то, что в последнем случае мыслящее «я» локализовано в мозгу Бонапарта; тогда как в отношении вселенной это «я» не располагает особым местом и распространено повсюду.



«Наша наука все еще настолько груба и полна недобросовестности; наши ученые демонстрируют столько нахальства при минимуме знаний; они настолько бесстыдно отрицают факты, которые смущают их, что я не доверяю их умам так же, как не доверяю суевериям».

П.-Ж. Прудон, «Философия нищеты»

Материалисты считали, что они придерживались противоположного мнения, утверждая, что человек, уподобляя вселенную своему телу, завершил это сопоставление, присвоив вселенной душу, подобную той, которую он считал ос-

новой своего бытия и своей мысли; таким образом, все аргументы существования Бога сводились к аналогии тем более ошибочной, поскольку сам термин сравнения был гипотетическим.

Разумеется, я не собираюсь защищать старый силлогизм: любая договоренность предполагает наличие упорядоченного разума; в мире существует замечательный порядок; следовательно мир – продукт разума. Этот силлогизм, столь часто используемый со времен Иова и Моисея, далекий от того, чтобы быть решением, – не что иное, как формула с неизвестным, которую предстоит решить. Мы прекрасно знаем, что такое порядок; но мы абсолютно игнорируем то, что мы подразумеваем под словом душа, дух или разум: иначе как мы можем логически вывести из присутствия одного существование другого? Поэтому я буду отвергать (существование Бога) вплоть до момента, пока не получу дополнительную информацию о предполагаемом доказательстве его существования, подкрепленном самим миропорядком; и я не увижу в этом подтверждении ничего иного, кроме философского уравнения. От концепции порядка до утверждения разума можно заполнить целую метафизическую пропасть; я не стану вновь демонстративно обсуждать проблему.

Но не об этом речь. Я хотел заметить, что человеческий разум был насильно приведен к разделению бытия внутри меня и вовне меня, в рассудке и материи, в душе и теле. Теперь тот, кто замечает исключительно возражение материа-

листов, доказывает, что именно оно (это возражение) отрицает в качестве объекта? Человек, обнаруживающий в себе духовный принцип и материальный принцип, что он, в свою очередь, провозглашает, кроме этой двойной сущности, приводя свидетельство подлых законов? Отметим несостоятельность материализма: он отрицает и вынужден отрицать, что человек свободен; следовательно, чем меньше свободы у человека, тем важнее становится его высказывание, и его следует рассматривать как выражение истины. Когда я слышу эту машину, которая говорит мне: я есть душа, и я есть тело; хотя такое откровение поражает меня и смущает, оно приобретает в моих глазах авторитет, несравненно больший, чем у материалиста, который, исправляя сознание и природу, обязуется заставить их сказать: я материя и ничего, кроме материи, а разум – это только материальная способность познания.

Что будет, если, перейдя в наступление, я продемонстрирую, насколько убеждение о существовании тел или, иными словами, реальности чисто телесного характера является несостоятельным? – Материя, говорят, непроницаема. – Непроницаема для чего? Я, без сомнения, спрошу самого себя; ибо другие не осмелятся обратиться к разуму, поскольку это означало бы признать то, что хотелось бы отринуть. К кому я обращаю этот двойной вопрос: что вы знаете? И что это означает?

1. Непостижимость, с помощью которой пытаются оха-

рактеризовать материю, является лишь гипотезой невнимательных физиков, огрубленным выводом из поверхностного суждения. Опыт демонстрирует бесконечную делимость материи, бесконечную расширяемость, беспредельную пористость, проницаемость для тепла, электричества и магнетизма, а также ее неопределенные свойства, взаимные влияния и бесчисленные преобразования: все то, что несовместимо с данными о непроницаемости. Эластичность, которая лучше, чем любое другое свойство материи, может привести, подобно пружине, или, наоборот, механизму торможения, привести к непроницаемости, варьируется в зависимости от тысячи обстоятельств и полностью зависит от молекулярного притяжения: тогда что может быть более непримиримым с непроницаемостью, чем это притяжение? Наконец, существует наука, с помощью которой можно окончательно установить *свойство проницаемости материи*: это химия. В самом деле, то, что мы называем химическим составом, означает ли оно же проницаемость[137]… короче говоря, мы знаем

---

[137] Химики различают *состав смеси* так же, как логики отличают связь идей от их синтеза. Правда, однако, что, по мнению химиков, состав все равно будет представлять собой только смесь, или, скорее, агрегацию, не более случайную, но систематическую, – из атомов, которые будут производить различные соединения только благодаря разнообразию их расположения. Но это все еще только совершенно бесполезная гипотеза, гипотеза, которая ничего не объясняет и даже не отличается логикой. Как чисто *цифровое* или *геометрическое* различие в составе и форме атома создает такие разные *физиологические* свойства? Как, если атомы неделимы и непроницаемы, их соединение, ограниченное механическими эффектами, не оставляет их, по своей сути, неизменными? Где связь между

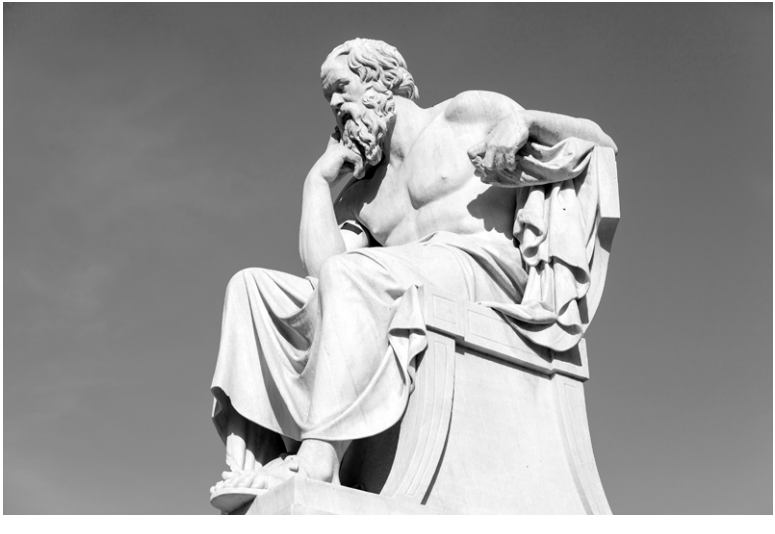
только формы материи; что касается вещества, – нет. Как же тогда можно убеждать в реальности невидимого, неощутимого, неукротимого, все время меняющегося, ускользающего, доступного лишь для мысли, которой остаются видимой лишь смена маскарадных костюмов? Материалист! Я позволяю вам опробовать реальность ваших ощущений: что касается того, что их вызывает, то все, что вы можете сказать об этом, подразумевает следующее соответствие: что-то (что вы называете материей) является результатом ощущений, которые ведут к еще чему-то (что лично я называю рассудком).

2. Но откуда берется это предположение, что ничто не подтверждает (что не соответствует действительности) непроницаемости материи, какой в нем смысл?

В этом проявляется триумф дуализма. Материя объявляется непроницаемой – не так, как материалисты и толпа себе это представляют, исходя из своих ощущений, а сознательно. Это «я», непостижимая сущность, которая, чувствуя себя

предполагаемой причиной и следствием?Поостережемся нашей интеллектуальной перспективы: существуют химические теории, подобные системам психологии. Размышление, направленное на то, чтобы понять явления, опирается на атомы, которые оно не видит и никогда не увидит, как на эго, которое оно больше не воспринимает: оно относится ко всем категориям; то есть оно различает, индивидуализирует, конкретизирует, перечисляет, противопоставляет то, что, будучи материальным или нематериальным, глубоко идентично и неразличимо. Материя, как и разум, играют для нас всевозможные роли; и поскольку их метаморфозы не являются произвольными, мы берем у них тему для построения этих психологических и атомных теорий, истинных, поскольку, условно говоря, они точно представляют для нас серию явлений; но в корне неверных с момента, как они претендуют на реализацию их абстракций и делают буквальные заключения.

свободной, отчетливой и постоянной, и встречая вовне другую сущность, также непостижимую, но также отчетливую и постоянную, несмотря на ее трансформации, исходя из ощущений и идей, подсказывает ей, что «не-я» также расширено и непроницаемо. Непроницаемость – это фигура речи, образ, под которым мысль, отделенная от абсолюта, представляет материальную реальность, так же отделенную от абсолюта: но эта непроницаемость, без которой материя исчезает, является при более пристальном изучении не чем иным, как спонтанным суждением о сокровенном смысле, заведомой метафизикой, неподтвержденной гипотезой… разума.



«Я знаю только то, что ничего не знаю».

Сократ, философ (469—399 гг. до н.э.)

Таким образом, предположим, что философия, отвергая богословский догматизм, одухотворяет материю или материализует мысль, идеализирует бытие или реализует идею; «я», идентифицирующее сущность и причину, везде подменяет (собой) все фразы, которые ничего не объясняют и ничего не означают: это всегда возвращает нас к вечному дуализму, и, исходя из требования верить самим себе, обязывает нас верить в Бога, если не в неких духов. Это правда, что, возвращая дух к природе, в отличие от древних, которые их отделяли друг от друга, философия привела к этому известному умозаключению, в котором обобщены почти все плоды ее поисков: дух познается в человеке, тогда как нам кажется, что *он не познается*. – «Тот, кто бодрствует в человеке, кто мечтает в животном, и кто спит в камне…», – сказал философ.

Философия в свой последний час, следовательно, знает не больше, чем в миг своего рождения: как если бы она появилась в мире только для того, чтобы проверить слова Сократа, она уверяет нас, торжественно прикрываясь похоронным одеянием: я знаю только то, что я ничего не знаю. Что я говорю? Философия знает сегодня, что все ее суждения основаны на двух одинаково сомнительных, одинаково невозможных, но также одинаково необходимых и роковых гипотезах – материи и духа. Таким образом, хотя ранее религиозная

нетерпимость и философские разногласия, распространявшие повсюду невежество, оправдывали сомнение и провоцировали похотливую беспечность, торжество отрицания по всем пунктам больше не допускает этого сомнения; мысль, свободная от всех препятствий, но побежденная своими собственными успехами, вынуждена утверждать то, что ей кажется явно противоречивым и абсурдным. Дикари говорят, что мир – это большой талисман, охраняемый большим духом (маниту). В течение тридцати веков поэты, законодатели и мудрецы цивилизации, передавая из века в век философскую лампу, не написали ничего более возвышенного, чем этот промысел веры. И здесь, в конце этого долгого заговора против Бога, который назвал себя философией, эмансипированный разум приходит к тому же выводу, что и разум дикаря: вселенная – это «не-я», воплощенная в «я».

Философия в свой последний час знает не больше, чем в миг своего рождения: как если бы она появилась в мире только для того, чтобы проверить слова Сократа, она уверяет нас, торжественно прикрываясь похоронным одеянием: я знаю только то, что я ничего не знаю

Поэтому человечество неизбежно предполагает существование Бога: и если в течение длительного периода, который заканчивается в наше время, оно верило в реальность своей гипотезы; если оно обожало непостижимый объект; если, осознав этот акт веры, оно сознательно, но уже не так

свободно, настаивает на этом верховном существе, о котором оно знает, что это существо является лишь олицетворением его собственной мысли; если оно (находится) накануне того, чтобы возобновить свои магические заклинания, то следует полагать, что такое удивительное наваждение скрывает такую тайну, которая заслуживает того, чтобы быть совершенной.

Я говорю «наваждение» и «тайна», но без претензии на отрицание сверхчеловеческого содержания идеи Бога, так же, как не допуская необходимости новых символов, я имею в виду новую религию. Ибо, если нет никаких сомнений в том, что человечество в своем утверждении Бога или всего, чего хотите, под именем «я» или духа, невозможно также отрицать, что человечество самоутверждается так же, как оно познает себя; это проистекает (логически) из всех мифологий так же, как из всех религиозных доктрин. И поскольку, кроме прочего, это утверждение неопровержимо, оно, несомненно, связано скрытыми сообщениями, которые являются, насколько это возможно, научно точными.

Иными словами, атеизм, или, говоря по-другому, гуманизм, истинный во всей своей критической и отрицательной ипостаси, не был бы, – если бы он остановился на человеке таком, каков он есть от природы, если бы он отклонил как суждение противоречивое это изначальное утверждение человечества, что оно является дочерью, эманацией, образом, отражением или глаголом Бога, то гуманизм, я бы сказал,

стал бы, если бы он таким образом отрицал свое прошлое, лишь еще одним противоречием. Поэтому мы обязаны предпринять критику гуманизма, то есть проверить, удовлетворяет ли человечество, рассматриваемое в целом и во все периоды его развития, божественной идее и выведенным дедуктивно всем гиперболическим и фантастическим атрибутам Бога; удовлетворяет ли оно им во всей полноте бытия, удовлетворяет ли оно самое себя. Одним словом, мы вынуждены выяснить, стремится ли человечество к Богу, в согласии с древней догмой, или оно само становится Богом, как утверждают современники. Возможно, в конце мы обнаружим, что две системы, несмотря на их видимое противостояние, на самом деле в то же время и в своей основе идентичны: в этом случае непогрешимость человеческого разума в его коллективных проявлениях, как и в его помыслах, будет высочайше подтверждена. Одним словом, пока мы не проверим на человеке гипотезу Бога, атеистическое отрицание останется неподтвержденным.

Мы вынуждены выяснить, стремится ли человечество к Богу, в согласии с древней догмой, или оно само становится Богом, как утверждают современники. Возможно, в конце мы обнаружим, что две системы, несмотря на их видимое противостояние, на самом деле в то же время и в своей основе идентичны

Таким образом, предстоит продемонстрировать научное, то есть эмпирическое доказательство идеи Бога: к тому же

такая демонстрация никогда ранее не предпринималась. Богословие, основывающееся на авторитете своей мифологии, философия, оперирующая своими категориями, Бог, остающийся в трансцендентальном состоянии, то есть недоступным для понимания, и неизменно существующая гипотеза.

Она существует, говорю я, эта гипотеза, более живучая и беспощадная, чем когда-либо. Мы приблизились к одному из этих роковых периодов, когда общество, пренебрегающее прошлым и обеспокоенное будущим, подчас азартно принимающее настоящее, оставляя немногим мыслителям-одиночкам позаботиться о новой вере; подчас взывает к Богу из бездны своих удовольствий и просит дать знамение, или ищет в созерцании своих революций, как во внутренностях жертвы, секреты своих судеб.

Что еще к этому добавить? Гипотеза Бога является законной, потому что она основана на самом человеке: следовательно, никто не может упрекнуть меня. Самое малое, что может любой верующий, это предоставить мне предположение (догадку) о том, что Бог существует; тот же, кто это отрицает, будет вынужден предоставить мне дополнительно, поскольку он это сделал до меня, все, что подтвердит это отрицание; что касается сомневающегося, то для него достаточно поразмыслить мгновение – чтобы понять, что в своем сомнении он непременно – не знаю, как, но рано или поздно, обязательно призовет Бога.

Но если я имею право, в качестве размышления, пред-

полагать наличие Бога, я должен заслужить право утверждать это (с уверенностью). Другими словами, если моя гипотеза существует неотвратимо, то на данный момент это все, на что я могу претендовать. Потому что утверждать – значит определять; при том, что любое определение, чтобы быть правдой, должно быть доказано эмпирически. Действительно, кто говорит об определении, тот говорит о связи, обусловленности, опыте. Тогда, следовательно, определение концепции Бога должно происходить для нас из эмпирической демонстрации, мы должны воздерживаться от всего, что в поисках этого верховного неизвестного не получено опытным путем, – под страхом впасть в богословские противоречия и, как следствие, привести к возрождению атеистических протестов.

III.

Осталось только сказать, как именно, – если речь идет о книге по политэкономии, – я должен оставить фундаментальную гипотезу всей философии.

И, во-первых, для создания репутации общественной науки мне необходима гипотеза о Боге. – Когда астроном, чтобы объяснить систему мироустройства, полагается исключительно на то, что видит, и допускает, упрощая вульгарно, небесный свод, плоскую землю, солнце размером с шар и, описывая кривизну в атмосфере с востока на запад, он пола-

гается на непогрешимость чувств, за исключением того, чтобы позднее исправить, по мере наблюдения, данность, от которой он обязан отталкиваться. Дело в том, что на самом деле астрономическая философия не могла *заранее* допустить, что чувства обманывают нас, и что мы не видим того, что видим: что произойдет, если исходить из этого принципа, с достоверностью астрономии? Но результат воздействия чувств мог бы, в некоторых случаях, исправляться самостоятельно, власть чувств остается непоколебимой, а астрономия – лишь возможной.

Точно так же общественная философия не допускает заранее, что человечество в своих действиях не может ни обмануть, ни быть обманутым: без этого во что превратится авторитет человеческого рода, то есть авторитет разума, синонимичный основанию верховенства народа? Но она (философия) считает, что человеческие суждения, всегда верные в настоящее время и непосредственно, могут последовательно дополнять и просвещать друг друга посредством накопления идей – так, чтобы всегда согласовывать главный вывод с частными и расширять сферу определенности на неопределенное время: что всегда подтверждает авторитет человеческих суждений.

Итак, первое разумное суждение, преамбула любого политического устройства, в поисках принципа, обязательно таково: есть Бог; что означает: общество управляется советом, предварительным обсуждением, интеллектом. Это суж-

дение, которое исключает случай, является, следовательно, тем, что предоставляет возможность существования социальной науки; и любое историческое и позитивное изучение социальных фактов, предпринимаемое с целью улучшения и прогресса, должно предполагать наряду с существованием народа и существование Бога, если только мы не опровергнем позднее это суждение.

Таким образом, история обществ является для нас лишь долгим определением идеи Бога, раскрытием предназначения человека. И в то время как древняя мудрость устанавливала зависимость от произвольного и фантастического представления о божественности, угнетая рассудок и сознание и удерживая развитие волей невидимого хозяина; – новая философия, переворачивая способ, ниспровергая авторитет Бога так же, как авторитет человека, и не принимая никакого другого ига, кроме власти фактов и доказательств, заставляет все сходиться к теологической гипотезе, как к последней из ее проблем.

«Свобода, равенство, братство, объединение! Каким непостижимым презрением нужно обладать, чтобы предложить гражданам эту новую программу прав человека?… Каиафа пророчествовал об искуплении, одновременно отрицая Иисуса Христа».

П.-Ж. Прудон, «Философия нищеты». На репродукции: Иисус перед судом Каиафы (первосвященник Иудеи с 18 по 37 гг. н. э.)

Таким образом, человеческий атеизм – это последний

предел морального и интеллектуального освобождения человека и, стало быть, последняя фаза философии, служащая проходом к реконструкции или научной проверке всех разрушенных догм.

Мне нужна гипотеза Бога – не только, как я только что сказал, чтобы придать смысл истории, но и чтобы узаконить реформы, которые будут осуществляться именем науки, в государстве.

Человеческий атеизм – это последняя фаза философии, служащая проходом к научной проверке всех разрушенных догм. Мне нужна гипотеза Бога – не только, чтобы придать смысл истории, но и чтобы узаконить реформы, которые будут осуществляться именем науки, в государстве

Предположим, что мы рассматриваем Божественность как нечто внешнее по отношению к обществу, поскольку она модерирует воздействие сверху (мнение беспочвенное и скорее иллюзорное); – предположим, что мы считаем ее имманентной, пребывающей внутри общества и идентичной этой безличной и бессознательной причине, которая, подобно инстинкту, заставляет цивилизацию двигаться (хотя безличность и невежество претят идее разума); – предположим, наконец, что все, что происходит в обществе, является результатом взаимосвязи его элементов (системы, вся заслуга которой состоит в том, чтобы превратить актив в пассив, сделать разум необходимостью или, что то же самое, принять

закон за основу): из этого всегда следует, что проявления социальной активности, необходимо возникающие перед нами, или как признаки воли высшего существа, или как некий язык, присущий всеобщему и безличному разуму, или, наконец, как вехи необходимости, эти проявления станут для нас абсолютной властью. Ряды этих проявлений связаны во времени так же хорошо, как в сознании, свершившиеся факты предопределяют и узаконивают факты, которым предстоит совершиться; наука и судьба пребывают в согласии; все, что происходит, исходит из здравого смысла, и, взаимообразно, – из опыта происходящего; наука имеет право участвовать в управлении, а то, что основывается на ее компетенции, оправдывает ее вмешательство в качестве суверенного.

Наука, выраженная, признанная и воспринимаемая единогласно как божественная, является царицей мира. Таким образом, благодаря гипотезе Бога, любая текущая или косная оппозиция, любой конец недопустимости, предлагаемый богословием, традицией или самомнением, оказывается безапелляционно и бесповоротно отвергнутым.

Мне нужна гипотеза Бога, чтобы продемонстрировать связь, объединяющую цивилизацию с природой.

В самом деле, эта удивительная гипотеза, согласно которой человек уподобляется абсолюту, включая идентичность законов природы и законов разума, позволяет видеть в человеческом производстве творчество, объединяет человека и освоенный им земной шар, и в ходе эксплуатации этого

пространства, в котором нас расположило провидение, и которое, таким образом, частично становится нашим произведением, заставляет нас понять начало и конец всего. Следовательно, если человечество и не является Богом, оно тем не менее является его продолжением; или, если выразиться по-другому, то, что человечество делает сегодня обдуманно, точно так же, как и то, что оно предпринимает инстинктивно, обусловлено необходимостью. Во всех этих случаях и независимо от того, какого мнения кто-либо придерживается, одно остается несомненным – единство действия и правила. Разумные существа, актеры, ведомые разумом, мы можем смело проследовать от нас самих ко вселенной и к вечности, и, когда мы окончательно самоорганизуемся, с гордостью сказать: создание объяснено.

Разумные существа, актеры, ведомые разумом, мы можем смело проследовать от нас самих ко вселенной и к вечности, и, когда мы окончательно самоорганизуемся, с гордостью сказать: создание объяснено

Таким образом, область исследования философии определена: традиция является отправной точкой для всех размышлений о будущем; утопия отвергнута навсегда; изучение «я», переносимого из индивидуального сознания в проявления общественной воли, обретает характер объективности, которого оно до сих пор было лишено; и, когда история становится психологией, богословие антропологией, естественные науки метафизикой, теория, полагающаяся на рассудок,

происходит не из пустоты интеллекта, а из широко и непосредственно наблюдаемых неисчислимых форм природы.

Мне нужна гипотеза Бога, чтобы свидетельствовать о моей доброй воле по отношению ко множеству сект, мнений которых я не разделяю, но чьей злобы я побаиваюсь: – богослов, о котором я знаю, что во имя Бога он будет готов вытащить меч и, подобно Робеспьеру, играть на гильотине вплоть до уничтожения последнего атеиста, не подозревая, что этот атеист – он сам; – мистики, часть которых состоит в основном из студентов и женщин, марширующих под знаменем г-жи Ламеннэ, Куинэ, Леру и других, используют девиз: Tel maître tel valet (каков хозяин, таков слуга); каков Бог, таков народ; и чтобы установить зарплату рабочего, начните с восстановления религии; – спиритуалисты, которые, если бы я игнорировал права духа, обвинили бы меня в основании культа материи, против которого я возражаю всеми силами моей души; – сенсуалисты и материалисты, для которых божественная догма является символом ограничения и принципом порабощения чувств, без которых, по их словам, для человека нет ни удовольствия, ни добродетели, ни гения; – эклектики и скептики, книготорговцы – издатели всех старых философий, сами, однако, не философствующие, объединенные в обширном привилегированном братстве, выступающем против любого, кто смеет думать, верить или делать выводы без их разрешения; – наконец, консерваторы, ретрограды, эгоисты и лицемеры, проповедующие лю-

бовь Бога из ненависти к ближнему, проклинающие со времен потопа свободу мирового зла и порочащие разум собственной глупостью.

Может ли быть так, что, обвиняя гипотезу, которая, отнюдь не кощунствуя по адресу высокочтимых иллюзий веры, лишь стремится заставить их появиться в дневном свете; которая вместо того, чтобы отвергать традиционные догмы и сознательные предрассудки, просит лишь проверить их; которая, защищая исключительные мнения, принимает в качестве аксиомы непогрешимость разума, и благодаря этому плодотворному принципу, вероятно, никогда не решится выступить против какой-либо антагонистической секты? Возможно ли, чтобы религиозные и политические консерваторы упрекали меня в нарушении общественных порядков, поскольку я ухожу от гипотезы верховного разума, источника всей упорядоченной мысли; чтобы полухристианские демократы проклинали меня как врага Бога; и чтобы университетские торговцы приписывали мне нечестивое стремление отрицать значение их философских произведений, в то время как я лишь утверждаю, что философия должна изучаться в ее предмете, то есть в проявлениях общества и природы?…

Мы имеем дело с обществом, которое больше не хочет быть бедным, которое высмеивает все, что раньше было для него дорогим и священным – свободу, религию и славу, если это не сопровождается богатством

Мне нужна гипотеза Бога, чтобы обосновать мой образ.

В неведении всего, что касается Бога, мира, души, судьбы; вынужденный действовать как материалист, то есть путем наблюдения и опыта, и делать выводы на языке верующего, потому что другого нет; не зная, следует ли понимать мои формулы, несмотря на то, что они богословские, в пря-

мом или переносном смысле; в этом вечном созерцании Бога, человека и вещей, вынужденный терпеть синонимию всех терминов, охватывающих три категории – мысли, слова и действия, но не желая что-либо утверждать с одной стороны больше, чем с другой: строгость диалектики требует от меня, ни больше, ни меньше, предполагать наличие этого незнакомца, которого называют Богом. Мы полны Божественности, Jovis omnia plena; наши памятники, наши традиции, наши законы, наши идеи, наши языки и наши науки – все заражено этим перманентным суеверием, за границей которого нам не дано говорить или действовать, и без которого мы немыслимы.

Наконец, мне нужна гипотеза Бога, чтобы объяснить публикацию этих новых Записок.

Наше общество наполнено событиями и заботами о будущем: как объяснить причину этих смутных предчувствий лишь с помощью вселенского разума, имманентного, если хотите, и постоянного, но безличного, и потому, стало быть, безгласного; – или с помощью идеи необходимости, если это подразумевает, что необходимость познаваема, и, следовательно, у нее есть предчувствия? Таким образом, вновь остается гипотеза движущей силы или демона, который давит на общество и посылает ему видения.

Так вот, когда общество пророчествует, оно задает себе вопрос устами одних и отвечает устами других. И тогда становится мудрее, потому что умеет слушать и понимать, по-

тому что это сам Бог говорил, quia locutus est Deus.

Академия гуманитарных[138] и политических наук предложила следующую задачу:

Определить основные факты, которые регулируют отношения прибылей с зарплатами, и объяснить соответствующие колебания этих отношений.

Несколько лет назад та же Академия спрашивала: *Каковы причины нищеты?* Поскольку в девятнадцатом веке нет другой задачи, кроме задачи о равенстве и реформе. Но сознание навевает, что хочет: многие принимаются размышлять над вопросом, но никто не отвечает. Наблюдательный совет (академии) поэтому возобновил свой запрос, но в более многозначительных выражениях. Она хотела бы знать, царит ли порядок в цеху; справедливы ли зарплаты; получают ли свободы и преимущества соответствующую компенсацию; является ли понятие стоимости, которое доминирует во всех актах обмена в тех формах, которые ему придали экономисты, достаточно точным; защищает ли кредит производство; правильно ли все обращается; распределяются ли издержки поровну на всех и т. д. и т. п.

---

[138] Мы уже сообщали в комментарии переводчика, что дословный перевод с французского слова morales (в названии Академии) – моральных, нравственных (второе значение – духовных). Предпочтем выйти за рамки дословного перевода и применять к Академии наук термин **гуманитарных**. Кроме того, из упоминаний Прудоном Академии неясно, какую именно Академию он имеет в виду. Но следует предположить, что речь идет о Безансонской академии, стипендиатом которой Прудон был некоторое время с 1838 г. – *А.А. А-О.*

Фактически нищета имеет в качестве непосредственной причины недостаточность дохода, и целесообразно знать, насколько, за исключением несчастных случаев и злой воли, доход работника бывает недостаточным. Это все тот же вопрос о неравенстве состояний, который делает столько шума в течение целого века, и который, по странному стечению обстоятельств, постоянно воспроизводится в академических программах, как если бы он был по-настоящему узловым для современности.

Фактически нищета имеет в качестве непосредственной причины недостаточность дохода, и целесообразно знать, насколько, за исключением несчастных случаев и злой воли, доход работника бывает недостаточным

Следовательно, равенство, его принцип, его средства, его препятствия, его теория, причины отсрочек его наступления, причина общественного и изначального неравенства: вот то, что следует изучить, невзирая на сарказм неверия.

Я хорошо знаю, что академические взгляды не столь глубоки, и что они не терпят ничего нового в целом; но чем больше обращаются к прошлому, тем больше размышляют о будущем, тем больше, стало быть, мы должны верить во вдохновение: поскольку истинные пророки – те, кто не понимают того, что они пророчествуют. Послушайте прежде всего:

Каково, говорит Академия, *наиболее целесообразное при-*

менение принципа добровольного объединения в борьбе с нищетой?

И еще:

Изложить теорию и принципы договора страхования, изучив его историю, и вывести из теории и фактов преимущества развития, которые может дать этот договор, и различные приложения, которые могут оказаться полезными в состоянии прогресса, в котором в настоящее время находится наша коммерция и производство.

Публицисты соглашаются с тем, что страхование, эта элементарная форма коммерческой солидарности, является сутью всего, Societas In Rebus (в интересах общества), то есть обществом, условия существования которого, основанные на чисто экономических отношениях, защищают человека от произвола.

Так что философия страхования или взаимной гарантии интересов, которая была бы выведена из общей теории обществ, societas in re, содержала бы формулу универсального объединения, в которую никто не верит в Академии. И когда, объединяя в одной точке зрения субъект и объект, Академия требует, наряду с теорией объединения интересов, создания теории добровольного объединения, она открывает нам, каким должно быть самое совершенное общество, и тем самым она подтверждает все, что более всего противоречит ее воззрениям. Свобода, равенство, братство, объединение! Каким непостижимым презрением нужно обладать, чтобы предло-

жить гражданам эту новую программу прав человека? Таким образом, Каиафа пророчествовал об искуплении, одновременно отрицая Иисуса Христа.

По первому из этих вопросов в течение двух лет Академии были адресованы сорок пять записок: доказательство того, что субъект чудесным образом реагировал на состояние душ. Но невзирая на такое количество конкурентов, ни один из которых не был по достоинству оценен, Академия сняла вопрос, сославшись на недостаточность конкурентов, но на самом деле только потому, что провал конкурса был единственной целью, которую преследовала Академия, ей было важно без дальнейших церемоний объявить надежды сторонников объединения безосновательными.

Таким образом, господа из Академии дезавуируют в комнате для заседаний то, что они объявляли с кафедры! Такое противоречие меня лишь удивляет; не дай Бог вменять им это в качестве преступления. Древние считали, что революции были спровоцированы ужасными знамениями, и что, кроме всего, животные разговаривали. Это был образ, чтобы обозначить эти внезапно возникающие идеи и странные лозунги, которые неожиданно появляются в массах во времена кризиса и которые кажутся лишенными предшествующих появлений настолько, что они выходят за границы круга судебной системы. И в наше время подобное также не могло не произойти. Объединившись на базе проявления рокового инстинкта и машинальной спонтанности, pecudesque

locutæ, господа из Академии гуманитарных и политических наук вернулись к своему обычному благоразумию, и рутина вновь начала противоречить вдохновению. Так постараемся отличать мнения, ниспосланные свыше, и заинтересованные суждения, и примем за данность, что в дискурсах мудрецов, считающихся безошибочными, разум присутствует лишь частично.

Тем не менее, Академия, столь резко порвав со своими интуитивными устремлениями, похоже, почувствовала некоторое сожаление. Вместо теории объединения, в которую она, если вдуматься, больше не верит, она требует *критического изучения системы воспитания и образования Песталоцци, изложенной в основном в соотношении с достатком и моралью бедных классов*. Кто знает? Возможно, с учетом соотношения прибылей и зарплат, ассоциации, организации труда, находятся в основе образовательной системы. Разве сама человеческая жизнь не является непрерывным процессом обучения? Разве философия и религия не находятся в основе воспитания человечества? Поэтому организация образования означала бы организацию промышленности и создание общественной теории: Академия в моменты просветления всегда возвращается к этому.

Разве сама человеческая жизнь не является непрерывным процессом обучения? Разве философия и религия не находятся в основе воспитания человечества? Поэтому организация образования означала

бы организацию промышленности и создание общественной теории

Какое влияние, по-прежнему интересуется Академия, *оказывают прогресс и стремление к материальному благосостоянию на нравственность людей?*

Этот новый вопрос Академии, взятый в его наиболее очевидном смысле, на самом деле банален и в лучшем случае риторичен. Но Академия, которая должна до конца игнорировать революционный смысл своих предсказаний, подняла занавес. И что же она увидела в глубине этого чувственного тезиса?

«Это то, – говорит она нам, – что вкус к роскоши и удовольствию, необычайная любовь, которую испытывает большинство людей, стремление душ и разумов быть заинтересованными исключительно этим, что согласие отдельных личностей и государства в том, чтобы сделать это мотивом и целью всех своих проектов, всех своих усилий и всех своих жертвоприношений, порождают общие или индивидуальные чувства, которые, полезные или вредные, становятся более действенными, нежели те, которые доминировали над людьми в другие времена».

Никогда еще у моралистов не было лучшей возможности, чтобы обвинить чувственность века, продажность совести и коррупцию, возведенную в качество средства управления: но что вместо этого делает Академия духовных наук? С бессознательным спокойствием она создает класс, в котором рос-

кошь, столь долгое время отвергавшаяся стоиками и аскетами, этими мастерами святости, должна появиться, в свою очередь, в качестве принципа поведения, столь же законного, чистого и великого, как и все те, на которые ссылались в прошлом религия и философия. Определите, говорит она нам, мотивы действия (сегодня, без сомнения, устаревшие и изношенные), с помощью которых в истории преуспевает сладострастие, и по результатам (этого определения) рассчитайте последствия этого. Словом, докажите, что Аристипп опередил свой век, так же, как Зенон и д'Акемпис.

Дела Божьи прекрасны своей изначальной чистой сущностью, словом они истинны, потому что это его слова. Мысли человека похожи на густые испарения, пронизанные длинными и тонкими молниями

Итак, мы имеем дело с обществом, которое больше не хочет быть бедным, которое высмеивает все, что раньше было для него дорогим и священным, – свободу, религию и славу, если это не сопровождается богатством; которое, чтобы заполучить его, подвергается всем оскорблениям, стано-

вится соучастником всех подлостей: и эта пламенная жажда удовольствий, эта непреодолимая тяга к роскоши, будучи признаком нового исторического периода цивилизации, есть высшая заповедь и доблесть, исходя из которой мы должны работать, чтобы покончить с бедностью: так говорит Академия. Что же тогда происходит с заповедью искупления и счастьем воздержания? Какое неверие в воздаяние, обещанное для другой жизни, и какое отрицание Евангелия! Но, прежде всего, какое оправдание для правительства, которое удерживает золотой ключ системы! Как религиозные люди, христиане, стоики – последователи Сенеки, разом изрекли так много аморальных сентенций?

Академия, завершая свою мысль, отвечает нам.

Продемонстрируйте, как достижения в области уголовного правосудия, преследования и наказания за грабежи и нападения на людей знаменуют эпохи цивилизации от диких времен до государств с охраняемыми народами.

Можно ли поверить в то, что криминалисты из Академии гуманитарных наук предвидели такой итог своих предположений? Тот факт, что речь идет об изучении каждого из этих моментов, и что Академия на словах признает прогресс уголовного правосудия, является не чем иным, как постепенным смягчением, которое проявляется либо в форме уголовного преследования, либо наказания, поскольку цивилизация развивается в свободе, свете и богатстве. В случае, когда принцип репрессивных институтов противопоставляет-

ся всем тем, кто составляют благополучие общества, существует постоянная коррекция (исправление) всех частей пенитенциарной системы, как и судебного аппарата, таким образом, что последним итогом этих изменений будет следующим: установление порядка не является ни террором, ни пыткой; следовательно, ни адом, ни религией.

Какой разворот общепринятых идей! Какое отрицание всего того, что Академия гуманитарных наук призвана защищать! Но если в процессе установления порядка уже можно не опасаться наказания ни в этой жизни, ни в следующей, где, следовательно, находятся гарантии защиты людей и имущества? точнее, без репрессивных институтов что будет с собственностью? а без собственности что станет с семьей?

Если в процессе установления порядка уже можно не опасаться наказания ни в этой жизни, ни в следующей, где, следовательно, находятся гарантии защиты людей и имущества? точнее, без репрессивных институтов что будет с собственностью? а без собственности что станет с семьей?

Академия, которая ничего не знает обо всех этих вещах, хладнокровно отвечает:

Опишите различные фазы организации семьи на земле Франции от древних времен до наших дней.

Что означает: определите, по предшествующим достижениям семейной организации, условия существования семьи в условиях равенства состояний, добровольного и свободно-

го объединения, всеобщего единения, материального благополучия и роскоши, общественного порядка без тюрем, судов присяжных, полиции и палачей.

Можно удивиться тому, что, подобно самым смелым новаторам, поставившим под сомнение все принципы общественного порядка, религию, семью, собственность, справедливость, Академия гуманитарных и политических наук также не обсуждает проблему: какова наилучшая форма правления? Действительно, правительство является для общества источником, из которого проистекает любая инициатива, любая гарантия, любая реформа. Поэтому было интересно узнать, удовлетворяет ли правительство, – такое, какое сформулировано в Хартии, практическому решению вопросов Академии.

Но это было плохим пониманием оракулов, если бы можно было предполагать, что они действуют путем индукции и анализа; и именно потому, что политическая проблема была условием или следствием требуемых доказательств, Академия не могла выставить ее на обсуждение. Такой вывод открыл бы ей глаза, и, не дожидаясь записок конкурентов, она поспешила бы удалить всю свою программу. Академия берет выше. Она говорит:

Дела Божьи прекрасны своей изначальной чистой сущностью, *justificata in semetipsa* (справедливы и праведны); словом, они истинны, потому что это его слова. Мысли человека похожи на густые испарения, пронизанные длинными и

тонкими молниями. *Так что же такое истина по отношению к нам, и каков характер рабства?*

Как если бы Академия сказала нам: вы проверите гипотезу вашего существования, гипотезу Академии, которая вас допрашивает, гипотезу времени, пространства, движения, мысли и законов мышления. Затем вы проверите гипотезу пауперизма, гипотезу неравенства условий, гипотезу всеобщего единения, гипотезу счастья, гипотезу монархии и республики, гипотезу провидения!…

Все это – критика Бога и рода человеческого.

Но, уверяю высокое собрание, что это не я устанавливал условия своей работы, это Академия гуманитарных и политических наук. Следовательно, как я могу соответствовать этим условиям, если я сам не наделен непогрешимостью, одним словом, если я не Бог и не пророк? Таким образом, Академия допускает, что божественность и человечество тождественны или, по крайней мере, соотносятся друг с другом (коррелятивны); но речь идет о том, в чем состоит эта корреляция: таков смысл проблемы достоверности, такова цель социальной философии.

«Вы, читатель, ибо без читателя нет писателя; вы – поло-

вина моего труда. Без вас я всего лишь звонкая медная монета; я чудесным образом высказываюсь с помощью вашего благосклонного внимания».

П.-Ж. Прудон, «Философия нищеты»

От имени того же общества я – один из провидцев, которые пытаются ответить. Задача колоссальная, и я не обещаю ее выполнить: я пойду настолько далеко, насколько Бог даст. Но, что бы я ни говорил, это исходит не от меня: мысль, заставляющая мое перо работать, не является моей персональной мыслью, и ничто из того, что я пишу, не приписывается мне. Я сообщу факты такими, какими я их увидел; я буду судить о них по тому, что я сказал о них; я назову каждую вещь ее именем самым энергичным образом, и никто не сочтет это оскорбительным. Я буду искать свободно и в соответствии с изученными мною правилами предсказаний, что, собственно, и требует от нас божественный совет, который в настоящее время красноречиво изъясняется устами мудрецов и неискренностью народа: и когда я буду отрицать все прерогативы, закрепленные нашей конституцией, я не стану притворяться. Я укажу пальцем, куда нас толкает невидимое острие; и ни мое слово, ни мое действие не будут раздражительными. В этом торжественном исследовании, к которому приглашает меня Академия, я располагаю бÓльшим, нежели только право говорить правду, – я имею право говорить то, что думаю: пусть моя мысль, мои выражения и правда будут

едины!

Я укажу пальцем, куда нас толкает невидимое острие; и ни мое слово, ни мое действие не будут раздражительными. В этом торжественном исследовании я располагаю бÓльшим, нежели только право говорить правду, – я имею право говорить то, что думаю: пусть моя мысль, мои выражения и правда будут едины!

А вы, читатель, ибо без читателя нет писателя; вы – половина моего труда. Без вас я всего лишь звонкая медная монета; я чудесным образом высказываюсь с помощью вашего благосклонного внимания. Видите ли вы тот вихрь, который проносится мимо и называется ОБЩЕСТВОМ, из которого с такими ужасными вспышками ударяют молнии, громы и голоса? Я хочу, чтобы вы коснулись пальцем скрытых пружин, которые движут им; но для этого необходимо, чтобы вы, под моим руководством, снизились до состояния чистого разума. Глаза любви и наслаждения бессильны распознать красоту в скелете, гармонию в обнаженных внутренностях, жизнь в черной застывшей крови: так тайны общественного организма останутся скрытыми письменами для человека, чьи страсти и предрассудки оскорбляют мозг. Таких высот можно достичь только в безмолвном и холодном созерцании. Ощущайте, следовательно, как я, прежде чем развернуть перед вашими глазами страницы книги жизни, подготовляю вашу душу тем скептическим очищением, которого

всегда требовали от своих учеников великие учителя народов – Сократ, Иисус Христос, Святой Павел, святой Реми, Бэкон, Декарт, Галилей, Кант и т. д.

Кто бы вы ни были, покрыты ли лохмотьями нищеты или роскошными одеждами, я отдаю вас той светлой наготе, которую не омрачают ни дым богатства, ни яды завистливой бедности. Как внушить богачу, что разница в условиях происходит от ошибки в расчетах; и как бедняк со своей сумой поймет, что хозяин собственности обладает ею честно? Расспрашивать о печалях труженика для бездельника – самое невыносимое занятие; так же как воздать должное счастливцу для нищего – самое горькое варево. Вы воспитаны в достоинстве: я отрешаю вас, вы свободны. Слишком много оптимизма под этим одеянием предписаний (обязательств), слишком много субординации, слишком много лени. Наука требует восстания мысли: следовательно, мысль человека – это его очищение.

Ваша любовница, красивая, страстная, артистичная, одержима – хочется верить – только вами. То есть ваша душа, ваш разум, ваше сознание перешли в самый очаровательный предмет роскоши, который природа и искусство произвели на вечные мучения очарованных людей. Я отделяю вас от этой божественной половины самого себя: слишком много сегодня желать справедливости и любить женщину. Чтобы мыслить с величием и остротой, нужно, чтобы мужчина разделил свою природу и остался в своей мужской ипостаси.

Кроме того, в том положении, в котором я вас оставил, ваша любовница уже не узнала бы вас: вспомните жену Иова.

Какой религии вы придерживаетесь?… Забудьте свою веру и, исполнившись мудрости, станьте атеистом. – Что! скажете вы, атеистом, несмотря на нашу гипотезу! – Нет, как раз ввиду нашей гипотезы. Нужно уже давно вознести свое мышление над божественными вещами, чтобы иметь право предполагать личность за пределами человека, жизнь за пределами этой жизни. Наконец, не бойтесь своего спасения. Бог не гневается на того, кто не воспринимает его разумом, и не заботится о том, кто поклоняется ему лишь на словах; и в вашем состоянии самое безопасное для вас – ничего о нем не думать. Разве вы не видите, что самой совершенной религией было бы отрицание всего? Пусть никакая политическая или религиозная фантазия не удерживает вашу душу в плену; это единственный способ сегодня не быть ни дураком, ни отступником. А! – восклицал я во времена моей восторженной юности, не услышу ли перезвон республиканской всенощной (молитвы) и голоса наших священников, облаченных в белые туники и исполняющих гимн возвращения в дорийском стиле: *Измени, о Боже, наше рабство, как ветер пустыни – одним освежающим дуновением!…* Но я разочаровал республиканцев, и я больше не знаю ни религии, ни священников.

Бог не гневается на того, кто не воспринимает его разумом, и не заботится о том, кто поклоняется ему

лишь на словах; и в вашем состоянии самое безопасное для вас – ничего о нем не думать

Хотелось бы еще, чтобы закрепить ваше суждение, уважаемый читатель, сделать вашу душу нечувствительной к жалости, превосходящей добродетель, равнодушной к счастью. Но требовать подобного от неофита было бы чересчур. Помните лишь и никогда не забывайте, что жалость, счастье и добродетель, а также родина, религия и любовь – это маски…

Глава I. Об экономической науке

§ I. Противостояние факта и права в экономике обществ

Я утверждаю РЕАЛЬНОСТЬ экономической науки.

Это суждение, сомневаться в котором сегодня осмеливаются немногие экономисты, является, вероятно, самым смелым из всех, которые когда-либо выдвигал философ; а продолжение настоящих исследований продемонстрирует, я надеюсь, что величайшее усилие человеческого разума когда-нибудь обоснует его.

С другой стороны, я утверждаю *абсолютную определенность* и одновременно *прогрессивный* характер экономической науки, которая из всех наук, на мой взгляд, является наиболее понятной, наиболее чистой, лучше всего подтверждаемой фактически: новое суждение, которое делает эту науку логичной или метафизичной in concreto, и радикально меняет основы старой философии. Иными словами, экономическая наука для меня является объективной формой и реализацией метафизики; это метафизика в действии, метафизика, проецируемая на размытый промежуток времени; а тот, кто занимается законами труда и обмена, действительно и особенно метафизичен.

После того, что я сказал в прологе, это не должно удивлять. Работа человека продолжает труд Бога, который, создавая все сущности, лишь реализует вечные законы разума. Поэтому экономическая наука – это неизбежно и одновременно теория идей, естественное богословие и психология. Этого общего мнения было бы достаточно, чтобы объяснить, как, имея дело с экономическими вопросами, я должен был предварительно допустить существование Бога, и в каком качестве я, простой экономист, стремлюсь решить проблему определенности.

Работа человека продолжает труд Бога, который, создавая все сущности, лишь реализует вечные законы разума. Поэтому экономическая наука – это неизбежно и одновременно теория идей, естественное богословие и психология

Но, спешу сказать, я не рассматриваю как науку тот бессвязный набор теорий, который уже около ста лет официально называют политической экономией, и который, невзирая на этимологию названия, является не чем иным, как сводом правил или обычной рутиной собственности. Эти теории предлагают нам лишь зачатки или первый раздел экономической науки; и потому, как и собственность, все они противоречат друг другу и применимы лишь частично. Доказательство этого утверждения, которое в некотором смысле является отрицанием политической экономии, – то, которое передали нам А. Смит, Рикардо, Мальтус, Ж.-Б. Сэй,

и которое мы наблюдаем в течение полувека, происходит, в частности, из этих записок.

Недостаточность политэкономии всегда поражала созерцательные умы, которые, будучи слишком очарованы своими мечтаниями, чтобы углублять практику, и ограничиваясь суждениями о ней по ее видимым результатам, с самого начала сформировали партию, противящуюся положению статус-кво, и предались настойчивой и систематической сатире над цивилизацией и ее обычаями. С другой стороны, собственность, являющаяся основой всех общественных институтов, никогда не испытывала недостатка в ревностных защитниках, которые, будучи известны под названием практиков, проигрывают битву за битвой критикам политической экономии и мужественно и ловко способствуют укреплению здания, возведенного одновременно общими предрассудками и свободой личности. Спор, до сих пор продолжающийся между консерваторами и реформистами, имеет своим аналогом в истории философии вражду реалистов и номиналистов; почти бессмысленно добавлять, что, как с одной, так и с другой стороны, и ошибка, и рассудок равны (равноправны), и что соперничество, узость и нетерпимость мнений были единственной причиной непонимания.

Спор, до сих пор продолжающийся между консерваторами и реформистами, имеет своим аналогом в истории философии вражду реалистов и номиналистов; как с одной, так и с другой стороны, и ошибка, и рассудок равны, соперни-

чество, узость и нетерпимость мнений были единственной причиной непонимания

Таким образом, две державы борются за правление миром и проклинают друг друга за благосклонность к двум враждующим культам: политической экономии, или традиции; и социализма, или утопии.

Что же это такое, в более внятных выражениях, политическая экономия? Что такое социализм?

Политическая экономия – это сборник наблюдений, совершаемых до сего дня, о явлениях производства и распределения богатств, то есть о наиболее общих, наиболее спонтанных, следовательно, наиболее достоверных формах труда и обмена.

Политическая экономия – это сборник наблюдений о явлениях производства и распределения богатств, то есть о наиболее общих, наиболее спонтанных, следовательно, наиболее достоверных формах труда и обмена

Экономисты классифицировали, насколько возможно, эти наблюдения; они описывали явления, констатировали их сложности и отношения; они отмечали в ряде случаев необходимость, заставлявшую называть их *законами*, и этот набор знаний, изъятых из самых, так сказать, наивных проявлений общества, составляет политическую экономию.

Таким образом, политическая экономия – это естествен-

ная история наиболее очевидных и общепризнанных обычаев, традиций, практики и процедур человечества в отношении производства и распределения богатства. В этом качестве политическая экономия считает себя законной по сути и праву: по сути, поскольку изучаемые ею явления постоянны, спонтанны и универсальны; по праву, поскольку эти явления располагают авторитетом человеческого рода, который является наибольшим авторитетом из всех возможных. Политэкономия называет себя также наукой, то есть разумным и систематическим знанием регулярных и необходимых фактов.

Социализм, который, подобно богу Вишну, всегда умирающему и всегда воскресающему, за двадцать лет совершил свое десятитысячное воплощение в лице пяти или шести своих представителей; социализм говорит об аномалии текущего общественного устройства, и следовательно, также всех предшествующих установлений. Он утверждает и доказывает, что этот порядок легкомыслен, противоречив, неэффективен; он порождает угнетение, нищету и преступление: он обвиняет (если не сказать клевещет) все прошлое общественной жизни и всеми силами подталкивает к переделу нравов и институтов.

Социализм говорит об аномалии текущего общественного устройства и доказывает, что этот порядок легкомыслен, противоречив, неэффективен; он порождает угнетение, нищету и преступление: он об-

виняет все прошлое общественной жизни и всеми силами подталкивает к переделу нравов и институтов

Социализм оканчивает (делать выводы), провозглашая политическую экономию ложной гипотезой, софистикой, придуманной в оправдание эксплуатации большинства меньшинством; и, применяя *apophthegme*[139] к *fructibus cognoscetis* (плоды вы узнáете), завершает демонстрацию бессилия и небытия политической экономии таблицей человеческих выдумок, за которые он возлагает ответственность на нее.

Но если политэкономия ошибочна, то юриспруденция, которая в каждой стране является наукой права и обычая, следовательно, еще более ошибочна, поскольку, будучи основанной на отличии твоего и моего, предполагает законность фактов, описанных и классифицированных политэкономией. Теории общественного и международного права, со всеми разновидностями представительного руководства, еще более ошибочны, поскольку основаны на принципе частной собственности и абсолютного суверенитета желаний.

Социализм соглашается со всеми этими последствиями. Для него политическая экономия, рассматриваемая многими как физиология богатства, есть лишь организованная практика воровства и нищеты; как и юриспруденция, оформленная законниками в письменном виде, в его глазах – лишь компиляция разделов узаконенного и официального разбоя,

---

[139] Апофтегма, или апофегма, что то же самое. (*лат.*) – *А.А. А-О.*

одним словом, собственности. Рассматриваемые в их отношениях эти две так называемые науки, политическая экономия и право, образуют, с точки зрения социализма, законченную теорию беззакония и раздора. Переходя от отрицания к утверждению, социализм противопоставляет принципу собственности принцип обобществления и делает все возможное, чтобы воссоздать социальную экономику, то есть сформировать новое право, новую политику, институты и обычаи, диаметрально противоположные старым формам.

Политическая экономия и право, образуют, с точки зрения социализма, законченную теорию беззакония и раздора. Социализм противопоставляет принципу собственности принцип обобществления и делает все возможное, чтобы воссоздать социальную экономику, то есть сформировать новое право, новую политику, институты и обычаи, диаметрально противоположные старым формам

Таким образом, демаркационная линия между социализмом и политической экономией проведена, и враждебность обозначена.

Политическая экономия склоняется к закреплению эгоизма; социализм склоняется к возвышению общины.

Экономисты, за исключением некоторых нарушений их принципов, в которых, по их мнению, следует обвинять правительства, оптимистично относятся к свершившимся фактам; социалисты – к предстоящим фактам.

Первые утверждают, что то, что должно быть, *есть*; вторые – что того, что должно быть, *нет*. – В то время как первые выступают в качестве защитников религии, власти и других современных и старых принципов собственности: хотя их критика, подчиненная лишь разуму, часто ущемляет их предрассудки: – вторые отвергают власть и веру и призывают исключительно к науке; хотя некоторая вполне нелиберальная религиозность и весьма малонаучное пренебрежение фактами всегда носят характер, наиболее схожий с их доктринами.

К тому же и те, и другие не перестают обвинять друг друга в бесплодии и стерильности.

Социалисты указывают своим оппонентам на неравенство условий, на эту коммерческую распущенность, называемую монополией и конкуренцией, на чудовищные корпорации, порождающие и роскошь, и нищету; они упрекают экономические теории, всегда отлитые из прошлого, в том, что они оставляют будущее без надежды; короче говоря, они сообщают о режиме собственности как об ужасной галлюцинации, против которой человечество протестует и с которой оно борется в течение четырех тысяч лет.

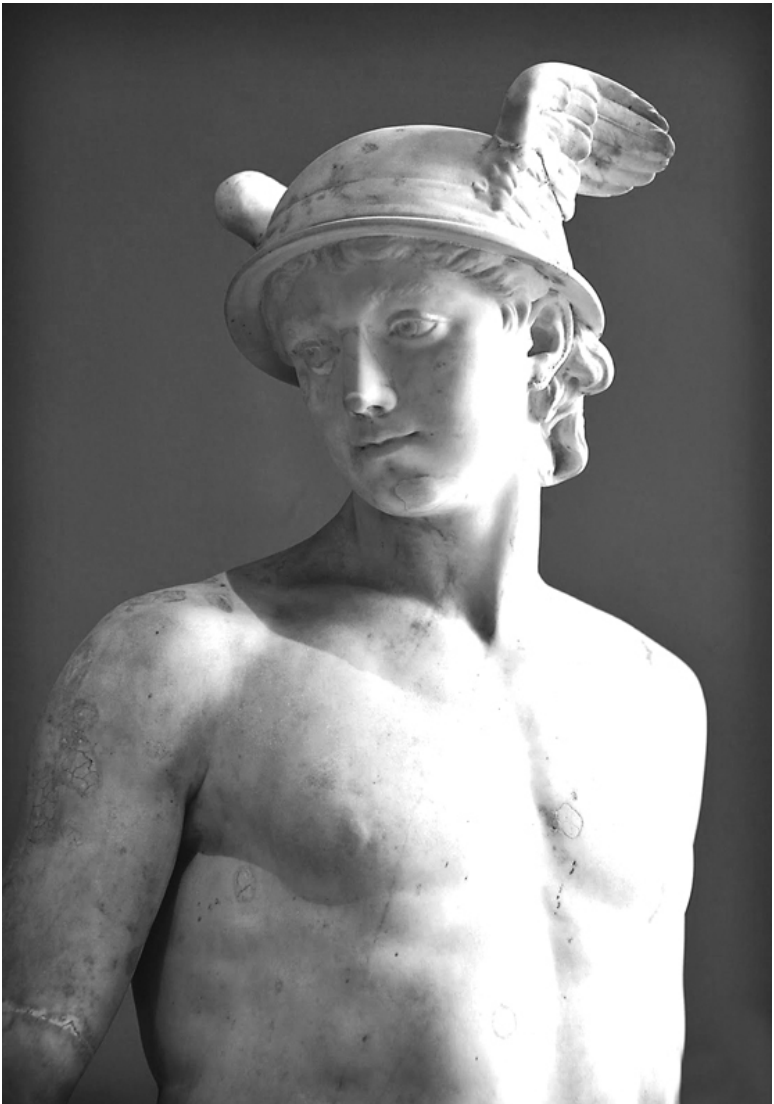
Для социализма политическая экономия есть лишь организованная практика воровства и нищеты; как и юриспруденция, оформленная законниками в письменном виде, в его глазах – лишь компиляция разделов узаконенного и официального разбоя

Экономисты, со своей стороны, обвиняют социалистов в создании системы, в которой можно было бы обойтись без собственности, конкуренции и полиции; они доказывают, с

деньгами в руках, что все проекты реформ всегда были не чем иным, как рапсодиями фрагментов, заимствованных из того же режима, который социализм очерняет, плагиатом, одним словом, политической экономии, вне которой социализм не в состоянии разработать и сформулировать идею.

С каждым днем все больше и больше накапливались детали этого серьезного процесса, и запутывалось дело.

Пока общество ходит и спотыкается, страдает и обогащается, следуя экономической рутине, социалисты, начиная с Пифагора, Орфея и непроницаемого Гермеса, трудятся над установлением своей догмы, противоречащей политической экономии. Были предприняты также некоторые объединения того и этого, согласно их точке зрения; но до сих пор эти редкие попытки, затерянные в океане собственности, оставались безрезультатными; и как будто судьба решила исчерпать экономическую гипотезу – прежде чем атаковать социалистическую утопию, реформаторство сводится к тому, чтобы истреблять сарказм противника в ожидании своей очереди.



«Пока общество ходит и спотыкается, страдает и обогащается, следуя экономической рутине, социалисты, начиная с Пифагора, Орфея и непроницаемого Гермеса [на репродукции], трудятся над установлением своей догмы, противоречащей политической экономии».

П.-Ж. Прудон, «Философия нищеты»

Вот в чем причина этого: социализм неустанно осуждает вред цивилизации, день за днем констатирует беспомощность политической экономии в удовлетворении гармонических интересов человека и представляет запрос за запросом: политическая экономия наполняет свое досье социалистических систем, которые все, одна за другой, проходят и умирают, пренебрегая здравым смыслом. Настойчивость зла питает ропот одних, одновременно с тем, как постоянство реформистских неудач обеспечивает иронию других. Когда состоится арбитраж? Трибунал пуст; однако политическая экономия использует свои преимущества, и, без предоставления каких-либо гарантий, продолжает править миром: possideo quia possideo (получаю то, что получаю).

Политическая экономия наполняет свое досье социалистических систем, которые все, одна за другой, проходят и умирают, пренебрегая здравым смыслом. Настойчивость зла питает ропот одних, одновременно с тем, как постоянство реформистских неудач обеспечивает иронию других

Если из сферы идей мы спустимся к реалиям мира, антагонизм покажется нам еще более серьезным и угрожающим.

Когда в последние годы социализм, вызванный долгими потрясениям, устроил свое фантастическое появление среди нас, люди, споры которых до того были апатичными и вялотекущими, кинулись с ужасом в сторону монархических и религиозных идей; демократия, которую обвиняли в том, к чему она привела, проклинается и подавляется. Эти обвинения демократов со стороны консерваторов были клеветой. Демократия по своей природе настолько же антипатична социалистическому мышлению, насколько она не в состоянии воспринять монархию, бесконечная и безуспешная борьба с которой остается ее судьбой. Что произошло вскоре, и чему мы ежедневно становимся свидетелями, – это, что в ходе выступлений публицистов-демократов против христианской веры и собственности они начали видеть себя покинутыми народом.

С другой стороны, философия не оказывается ни менее чуждой, ни менее враждебной социализму, чем политика и религия.

Так же, как в политическом смысле принцип демократии заключается в преимуществе числа, а монархии – в преимуществе феодала; так же и в вопросах совести религия есть не что иное, как подчинение мистическому существу, называемому Богом, и священнику, представляющему его; точно так же, наконец, как в экономическом смысле собственность, то

есть исключительное право личности на средства производства, является отправной точкой теорий: —точно так же философия, взяв за основу доводы разума, неизбежно ведет к тому, чтобы приписывать индивидууму генерацию и владение идеями и отрицать ценность метафизического опыта, то есть к тому, чтобы всюду вместо объективного закона устанавливать произвол, деспотизм.

Так вот, доктрина, которая, возникнув внезапно в самом сердце общества, без предыстории, вытеснила из всех областей сознания и общества арбитражный принцип, чтобы заместить его в качестве истины в последней инстанции соотношением фактов; которая порывала с традицией и не соглашалась пользоваться прошлым как точкой, из которой она устремляется в будущее: такая доктрина не могла не спровоцировать на выступление против себя установленных авторитетов; и сегодня можно увидеть, как, несмотря на внутренние разногласия, эти так называемые авторитеты только и делают, что договариваются о борьбе с чудовищем, готовым поглотить их.

Рабочим, которые жалуются на недостаточную зарплату и неуверенность в наличии работы, политическая экономия противопоставляет свободу торговли; гражданам, которые ищут условия свободы и порядка, идеологи отвечают представительными системами; нежным душам, которые, будучи отрешенными от античной веры, требуют понимания смысла и цели своего существования, религия предлагает непо-

стижимые тайны Провидения, а философия всегда сохраняет уловки! Сплошные идеи, где сердце и ум отдыхают! Социализм кричит о необходимости взять курс на твердую землю и войти в гавань; но антиобщественные элементы говорят, что гавань отсутствует; человечество охраняет идею Бога под предводительством священников, философов, ораторов и экономистов, и такое наше кругосветное плавание продолжается бесконечно.

Социализм кричит о необходимости взять курс на твердую землю и войти в гавань; но антиобщественные элементы говорят, что гавань отсутствует; человечество охраняет идею Бога под предводительством священников, философов, ораторов и экономистов, и такое наше кругосветное плавание продолжается бесконечно

Таким образом, общество с самого начала делится на две большие части: одну, традиционную, по существу иерархическую, которая, в зависимости от рассматриваемого ей объекта, по очереди называется монархией или демократией, философией или религией, одним словом, собственностью; – другую, которая, воскрешаясь в ходе каждого кризиса цивилизации, провозглашает себя прежде всего анархической и атеистической, то есть не воспринимающей ни божественной, ни человеческой власти, и это социализм.

Однако современная критика доказала, что в таком конфликте истина заключается не в исключении одной из про-

тивоположностей, но именно и только в примирении обеих; это, говорю я, обращаясь к науке, что всякий антагонизм, как в природе, так и в идеях, разрешается в один общий факт или в сложную формулу, которая приводит к согласию противников, поглощая их, так сказать, обоих. Не могли бы мы, люди здравомыслящие, в ожидании решения, которое без сомнения будет реализовано в будущем, подготовить себя к этому великому переходу путем анализа борющихся сил, а также их положительных и отрицательных качеств? Подобная работа, проделанная точно и сознательно, если даже она и не приведет нас с самого начала к решению, была бы по крайней мере полезной в выявлении условий проблемы и тем самым – в предостережении от всякой утопии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.